

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1997

9-10-11

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

К 2500-летию Бухары

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

БУХАРА — ГОРОД ДВАДЦАТИ ПЯТИ ВЕКОВ

Бухара — один из древнейших городов Центральной Азии, — была столицей бухархудатского владения (VII—VIII вв. н. э.), государств Саманидов (конец IX—начало XI в.), Шейбанидов (XVI в.), Аштарханидов (XVII—середина XVIII в.), Мангитов (середина XVIII—начало XX в.). На протяжении многих веков она играла роль крупного административного, торгово-ремесленного и культурного центра Центральной Азии. Через Бухару проходила одна из трасс Великого Шелкового пути, соединявшего страны Средиземноморья с Дальним Востоком.

Бухара — это настоящий архитектурный и историко-культурный заповедник, сохранивший уникальные памятники зодчества различных исторических эпох. В разное средневековье она была средоточием культуры, науки и мусульманской теологии всего Среднего и Ближнего Востока. Отсюда происходили один из величайших гениев человечества — Абу Али ибн Сина, выдающийся хадисовед Исмаил Бухари, высоко почитаемый на всем мусульманском Востоке, и др.

Богатая и интересная история Бухары, ее прекрасные памятники, творчество ученых, поэтов, музыкантов, художников привлекают внимание ученых и общественности многих стран мира.

Вместе с тем многие вопросы истории и культуры этого города в силу определенных причин остаются еще малоизученными. Одним из них до недавнего времени был вопрос о времени возникновения Бухары. Ученые прошлых лет в вопросах генезиса этого города опирались в основном на письменную традицию, изложенную в версии Наршахи. Согласно ей, Бухара (как город) была основана тюркским правителем Шири-Кишваром, посланным хаканом тюрков Кара-Чурином (вторая половина VI в. н. э.) в ответ на просьбу бухарских дихкан для подавления тирании местного правителя Абура¹. По версии же Абул Хасана Нишапури, строителем Арка — цитадели Бухары считается легендарный герой Сиявуш, что в какой-то мере указывает на возникновение Бухары в глубокой древности².

Очевидно, таким образом, что сведения письменных источников весьма скудны, противоречивы и не в состоянии внести ясность в решение данной проблемы. Отсюда важнейшее значение приобретают археологические исследования. Однако необходимо отметить, что Бухара, в отличие от Самарканда, Мерва и других городов Центральной Азии, за всю историю своего существования ни разу не перемещалась с одного места на другое, что, с одной стороны, вело к накоплению мощных культурных слоев различных исторических эпох, а с другой, — привело к уничтожению многих памятников и следов предшествующего времени.

¹ Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар-Наршахий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966. С. 16—17.

² Там же. С. 24—28.

Археологические исследования Бухары были начаты еще в тридцатые годы нашего столетия В. А. Шишкиным³, а затем С. Н. Юреневым, но они ограничились закладкой небольшого числа стратиграфических шурфов, к тому же не доведенных до материкового слоя из-за сильного подъема грунтовых вод.

Время интенсивных археологических исследований на территории Бухары, проведенных специальным археологическим отрядом Института археологии АН Узбекистана (А. Р. Мухамеджановым, И. Ахраровым, Дж. Мирзаахмедовым, Ш. Адыловым), отрядом Института реставрации и консервации архитектурных памятников Министерства культуры Узбекистана (Е. Г. Некрасова), приходится уже на 70—80-е годы⁴.

Широкие археолого-топографические исследования осуществлялись и в округе Бухары. В частности, были заложены стратиграфические шурфы и раскопы на Арке, у музея Зиндана, на территории между торговыми куполами Таки Заргарон, Тим Абдуллахана и медресе Абдулазизхан, у медресе Мири-Араб, в кварталах Сарап-Кази-Калян, Хаузи Казп-Калян и Катаган. Был осуществлен также полный стратиграфический разрез крепостных стен Арка и проводилось археологическое изучение многих архитектурных памятников города⁵.

В результате этих исследований удалось выявить и с определенной точностью датировать время возникновения первоначального поселения на месте Бухары, уточнить хронологию крепостных стен Арка, определив основные периоды эволюции города в древности и средневековье.

Возникновение Бухары в низовьях Зарафшана было тесно связано с историей заселения и постепенного освоения всего края древними племенами. Как показали результаты многолетних археологических исследований, территория современной Бухарской области еще в IV—III тыс. до н. э. была заселена неолитическими племенами охотников и рыболовов, достигшими высокого уровня в развитии каменной индустрии⁶. Во второй половине II тыс. до н. э. в прирусловых полосах Зарафшана, особенно в дельтовых частях ее древних протоков: Вабкентдарьи, Махандарьи, Гуджейли и других,—появляются пастушеско-земледельческие племена, сочетавшие лиманное земледелие с яйлажным скотоводством. Остатки одного из их поселений были впервые обнаружены и изучены в Каракульском районе, в местности Заманбаба. В науке эта культура древнейших земледельческо-скотоводческих племен низовьев Зарафшана получила название заманбабинской⁷. Она развивалась в тесной взаимосвязи с оседлыми культурами Юга Узбекистана и Южного Туркменистана⁸.

Постепенное ирригационное освоение Бухарского оазиса началось в I тыс. до н. э. В VI—V вв. до н. э. появляется ряд укрепленных поселений по Калкан-Атинской, Канмехской и Кызылтепинской ирригационным системам (городища Кузимантепа, Ходжа-Бустантепа, Чар-

³ Фуломов Я. Археология тарих фани хизматида. Тошкент, 1976. С. 26—27.

⁴ Ахраров Я. Археологическое изучение Бухары//Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973. С. 178; Ахраров И., Усманова З. И. Новые данные к истории Бухары//История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 98—106.

⁵ Мухамеджанов А. Результаты археологических исследований на территории города Бухары//Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 1. С. 36—44.

⁶ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966. С. 12—66.

⁷ Там же. С. 208—223.

⁸ Аскарлов А. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии//Археологические открытия 1974 г. М., 1975. С. 496—497; его же. Древняя земледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 114—115.

дара, Кумрабад, Арабон и др.)⁹. По всей вероятности, в этот период и вдоль древнешахрудского протока Зарафшана впервые появляются поселения древних земледельцев, в частности поселения на месте г. Бухары, генезис которого описан в рассказе историка X в. Абул Хасана Нишапури. По его данным, некогда «...образовалась большая река Согда» и «...то место, в котором теперь Бухара, понемногу заполнялось [землей] и выравнивалось. ...это заполненное место сделало Бухарой. Сюда стали собираться люди со всех сторон, и место ожило... Люди, пришедшие сюда из Туркестана, селились здесь, потому что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты. Все это очень нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, а потом, когда их стало больше, начали возводить дома»¹⁰. По данным этого автора, «то место, где теперь [находится] Бухара, было [раньше] болотом, часть которого представляла собой заросли камыша, а часть была занята деревьями и лужайками. Некоторые места были такими, что никакое животное не могло [через них] пройти»¹¹. Это сообщение подтверждается данными археологических исследований, полученными, в частности, в раскопе, заложенном у медресе Мири-Араб, на территории Арка Бухары, вблизи памятника XII в. минарета Калян и в ряде других мест.

Следует отметить, что благодаря раскопным работам на территории старгородской части Бухары, осуществленным нами в 70-е годы, удалось впервые в истории археологического изучения Бухары углубиться до материкового слоя и определить мощность культурных напластований, которая превышала 20 м.

В раскопе у медресе Мири-Араб над материком, состоящим из отдельных отложений речного песка, супеси и ила, залегает торфяной слой темно-коричневого цвета мощностью от 40 до 70 см, насыщенный костными останками диких и домашних животных и фрагментами керамики. Толщина его постепенно увеличивается в сторону медресе Мири-Араб, под зданием которого она достигает 7,5 м. Наличие мощного торфяного слоя и структура подстилающего его материка свидетельствуют о том, что в древности здесь проходил один из дельтовых протоков Зарафшана, затухающее русло которого вначале было покрыто густыми зарослями, впоследствии превратившимися в гумус и торф¹².

Судя по современному микрорельефу города, ширина русла древнего протока реки равнялась примерно 100—120 м. Оно проходило почти по середине старгородской части Бухары, но немного севернее ложа городского канала Шахруд, по направлению с востока на запад. Все это как-то подтверждает близость к истинне палеогеографической гипотезы об образовании древнего рельефа Бухары и ее окрестностей, приведенной в книге Наршахи.

Примечательно, что по давно исчезнувшему руслу в средние века были воздвигнуты такие архитектурные памятники, как медресе Абдулазизхан, Таки Заргарон, минарет Калян, медресе Мири-Араб, соборная мечеть Калян. Как показали результаты археологических работ, по обоим берегам древнего протока реки, известного уже в раннесредневековых письменных источниках под названием Рудн-Зар, т. е. «Золотой проток», возникло несколько укрепленных поселений, составивших древнейшее городское ядро Бухары. Оно состояло из трех частей: Арка, т. е. цитадели, расположенной на правом берегу протока, правобережного, а также левобережного поселений.

⁹ Мухамеджанов А. Р., Валиев П. С. О работах Бухарского отряда// Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 535—536.

¹⁰ Наршахи. Указ. соч. С. 15—16.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Мухамеджанов А. Результаты... С. 39—40.

Выявленный в большом количестве археологический материал, в частности керамический, относится к различным историческим периодам жизни города, с третьей четверти I тыс. до н. э. до конца XIX — начала XX в.

Основной раскоп, расположенный у медресе Мири-Араб, — это стратиграфический разрез, площадью почти 50×50 м, глубиной 17,5 м. Здесь выявлен мощный культурный слой, представляющий как бы картину слоеного пирога. Он изрезан многочисленными хозяйственными ямами и колодцами, доходящими в ряде мест чуть ли не до самого материкового слоя, остатками коммунально-бытовых сооружений и всевозможных строений, относящихся к разным периодам истории города. В слоях отчетливо прослеживаются отпечатки многовековой «биографии» Бухары, начиная от структуры древнего рельефа с его естественно-природными условиями, присущими дельтовому району, где впервые возник город, и кончая следами периода наибольшего оживления и времени упадка городской жизни, расцвета ремесла и торговли, а также культурно-экономических связей Бухары с сопредельными странами, оазисами и городами Центральной Азии и Среднего Востока. Все это свидетельствует о развитии города в течение многих веков на одном и том же месте и о его постоянном переустройстве в результате неоднократных завоеваний, а также о тех изменениях, которые происходили в бурной и многогранной городской жизни.

Согласно результатам археологических исследований, керамический материал, извлеченный из самых нижних культурных слоев стратиграфических шурфов и разрезов, датируется, по мнению части ученых, серединой I тыс. до н. э.¹³, по мнению других — IV—III вв. до н. э.¹⁴ Эти слои были обнаружены в нескольких местах на территории Арка и шахристана Бухары, в частности у медресе Мири-Араб и в квартале Сарай-Кази-Калян, где, кстати, в нижнем культурном слое заложенного здесь шурфа найдены два фрагмента керамики, определенно датируемых V в. до н. э.

Много новых и ценных материалов для изучения древнейшей истории города получено в результате раскопок на цитадели — Арке Бухары. Прорубив более чем 20-метровую толщу культурных наслоений, нам удалось опуститься до материкового слоя. На глубине 13—15,5 м, а также 16,5—18,5 м обнаружены остатки двух мощных глинобитных стен, возможно входивших в систему древних оборонительных сооружений Арка. Первая стена сохранилась на высоту 2,5—3 м и датируется керамическим материалом IV—V вв. н. э., а вторая — высотой 2—2,5 м — датируется IV—III вв. до н. э. Несомненно, это руины древнейшей крепостной стены Бухары, которые явились одним из важнейших атрибутов становления города¹⁵.

По археологическим данным, полученным Е. Г. Некрасовой в стратиграфическом разрезе северной крепостной стены Арка, наиболее ранняя его стена была сложена из нескольких слоев пахсы и пахсовых блоков высотой 0,9—1,0 м, толщиной 0,7—0,75 м. Наибольшая ее ширина — 7,5 м, наименьшая — 2,75 м.

Время возведения этой стены Е. Г. Некрасова относит к IV в. до н. э., а последующее функционирование — вплоть до II в. н. э., когда над ней надстраивается новая стена из сырцового кирпича, датируемая II—III вв. н. э.¹⁶

¹³ Ахраров И., Усманова З. И. Указ. статья. С. 106.

¹⁴ Мухамеджанов А. Результаты... С. 39.

¹⁵ Мухамеджанов А. Р. Стратиграфический раскоп на цитадели Бухары // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 59.

¹⁶ Некрасова Е. Г. К истории сложения стен Арка Бухары (Новые археологические данные) // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990. С. 19, 21, 26.

Эти выводы о времени возникновения первоначальной стены Арка хорошо корреспондируются с гипотезой Э. В. Ртвеладзе о том, что на месте Бухары располагалась крепость Бага — неприступное место на границе между согдийской землей и скифами — массагетами, — упомянутая Аррианом в связи с походом Александра Македонского в 328 г. до н. э.¹⁷

Мощность культурных наслоений этого периода, выявленных под старгородской частью Бухары, их насыщенность археологическим материалом, включая и отдельные нумизматические находки, свидетельствуют о бурном обживании города в тот период как торгово-ремесленного и административного центра одноименного оазиса.

Следует отметить, что глубинными раскопами, произведенными в старгородской части Бухары, не удалось пока выявить все элементы становления города. Самые древнейшие пласты культурного слоя лежат гораздо глубже уровня мощных подпочвенных вод, которые интенсивно выклинивались во всех пунктах, как фонтаны, по мере углубления раскопов. Несмотря на это, археологический комплекс, выявленный нами, свидетельствует о том, что на первом этапе своего существования древнее поселение на территории Бухары являлось городским, на что указывает целый ряд признаков: оборонительные стены, вещественные находки следов развитого ремесленного производства, крупные размеры (более 20 га) поселения, сельская округа в виде небольших окрестных поселений и т. д.

В целях всестороннего изучения вопросов урбанизации низовьев Зарафшана и установления возраста Бухары широкие археологические работы проводились также по всему оазису. Раскопки велись на таких крупных археологических памятниках, как городища Пайкенд, Кургани, Рамитан, Варахша, Ходжа Бустан, Кузимантепа, Аксачтепа и др. В Канимехском районе был обнаружен (1975—1977 гг.) и изучен ряд памятников VI—V вв. до н. э. (городище Чардара, укрепленное поселение Кумрабад-I, Кумрабад-II, Арабон-I, Арабон-II, могильники VI в. до н. э. Шадибек и Калкан-Ата), где выявлены целый комплекс археологических находок развитого ремесленного производства и остатки монументальной архитектуры. Остатки ряда поселений того же периода обнаружены в Джандарском районе, в местностях Ходжа-Хатын, Лайлякхур, Баштепа, Актепа и др.

Наиболее интенсивное освоение Бухарского оазиса и бурный рост городской культуры на его территории, связанные с созданием крупных ирригационных систем, происходили в последней четверти I тыс. до н. э. В этот период были созданы главные оросительные магистрали Бухары: Харканруд, Шахруд, Рамитанруд, Зандана и др.

Важнейшим результатом археологического изучения Бухары, наряду с установлением ее стратиграфии, было определение границы ядра города в V—VI вв. н. э. На глубине 4,5 м в раскопе у медресе Мири-Араб обнаружены остатки крепостных стен северной части раннесредневекового шахристана Бухары, воздвигнутых в V—VI вв. н. э. Высота сохранившейся части равна 5—6 м, общая толщина последовательно воздвигнутых разновременных стен — 17 м. Стены выложены из пахсы (глинобитный монолит) и крупноформатного сырцового кирпича. Здесь выявлены остатки ранее неизвестных ворот, являвшихся южными воротами северной части Бухары — Шахристана-I¹⁸.

По данным средневековых авторов, Бухара в то время называлась Нумиджкатом, который с раннефеодальной поры фигурирует в источниках как стольный город оазиса. В китайских источниках с

¹⁷ Boukhara. La perle de l'Orient. Tachkent, 1997. P. 20.

¹⁸ Мухамеджанов А. Результаты... С. 42.

V в. н. э. Бухара упоминается под названием Нюми. По утверждению В. В. Бартольда, Нюми соответствует древнему названию Нумиджкат, известному и в мусульманское время¹⁹. По описанию китайских источников, «Нюми» находился на южном берегу реки «Нами», т. е. Зарафшана. Город был обведен пятью рядами стен и пересекался проточным каналом. Владетели сидели на золотом престоле, выполненном в виде верблюда²⁰. Судя по нумизматическим находкам, обнаруженным в слоях V—VI вв., древние правители в то время чеканили собственные монеты с изображением портрета царя и согдийской надписью «Государь Аспар», т. е. «Глава конницы»²¹.

В китайских источниках начала VII в. Бухара упоминается под названиями Ань, Бухо, Бухе, Бухала и т. п. Территория Бухарского владения простиралась на северо-восток до Восточного Ань на 100 ли (около 45 км), на юго-запад — до Би (Пайкенда) на 100 ли, на западе прилегала к реке. «...Больших городов насчитывается сорок, малых окопов — до тысячи»²². У Табари и Белазури Бухарой чаще всего называется оазис в целом²³. Владетели Бухары в это время именовались бухархудатами. В сочинении М. Наршахи «История Бухары» наряду с Нумиджкатом приводятся несколько ее названий: Бумискат, Мадинат ас-суфрия (медный город), Мадинат ат-туджжар (город купцов) и Фахира. Среди этих названий самым популярным было название Бухара²⁴, которое, по мнению В. В. Бартольда, происходило от санскритского «вихара», что означало «монастырь»²⁵.

Таким образом, сопоставляя сведения письменных источников с археологическими данными, можно прийти к следующим выводам.

Прежде всего отметим, что первые земледельческо-скотоводческие поселения в низовьях Зарафшана, о чем свидетельствуют исследования в районе высохшего протока Махандарьи, возникли еще в эпоху бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.), и состояли из полуземляных шалашей каркасной конструкции.

В VI—V вв. до н. э. в дельтовых участках крупных протоков Зарафшана (в низовьях древнего Канимеха, Хитфара и Руди-Зара) появляются неукрепленные поселения рассредоточенной планировки.

Уже в IV в. до н. э. территория будущего Арка Бухары обводится достаточно могучей крепостной стеной с широким рвом, а у его подножия располагается также укрепленное поселение рассредоточенной планировки. Подобного типа поселения весьма характерны для земледельческих областей Центральной Азии с начала I тыс. до н. э.

В последующую эпоху происходит неуклонный рост этого поселения, превратившегося в достаточно большой город и ставшего торгово-ремесленным и административным центром всего Бухарского оазиса.

Итак, многочисленные археологические памятники VI—IV вв. до н. э., обнаруженные и изученные в окрестностях Бухары и давшие целый комплекс археологического материала с остатками монументаль-

¹⁹ Бартольд В. В. Соч. Т. III. М., 1965. С. 378.

²⁰ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 272—282.

²¹ Явнич М. М. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите// Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. IV. Л., 1957. С. 214; Лившиц М., Луконин В. Г. Среднеазиатские и согдийские надписи на серебряных сосудах// Вестник древней истории. 1964. № 3. С. 169.

²² Бичурин Н. Я. (Иакинф). Соч. Т. II. С. 311.

²³ Tabari. Annales ques scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum allis/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. Ser. I. T. I—VI. 1879—1890; T. II. P. 1198; Beladzori. Liber expugnationis regionum, auctore Imame Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladzori, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannica/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1886. P. 410—411.

²⁴ Наршахи. Указ. соч. С. 27—28.

²⁵ Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 378.

ной архитектуры, позволяют нам заключить, что урбанизация Бухары началась в середине I тыс. до н. э., а открытый нами древнегородской пласт в ряде археологических памятников дает основания определять возраст городской жизни в Бухаре не менее, чем в 2500 лет.

М. ЖУРАЕВ

ДРЕВНЯЯ БУХАРА В УСЛОВИЯХ НЕЗАВИСИМОСТИ

Важнейшим событием в жизни узбекского народа, всего населения Узбекистана, в том числе Бухары, стало провозглашение 31 августа 1991 г. независимости Республики Узбекистан.

Народ Узбекистана проявил решимость стать полноправным хозяином богатств своей земли и развивать экономическую, социальную и духовную сферу в соответствии со своими потребностями и интересами.

С момента обретения независимости произошли прогрессивные изменения и в древнейшем городе Бухаре. Огромные природные и духовные богатства, производственный, научно-технический и интеллектуальный потенциал, уникальное национально-культурное наследие Бухарской области, в том числе ее столицы, привлекают внимание не только политиков, бизнесменов, но и туристов стран мира, интересующихся жизнью узбекского народа.

Население города активно участвует в формировании на территории республики демократического, правового общества, поддерживает политический курс руководства республики, ее Президента. В соответствии с Конституцией Республики Узбекистан (1992 г.), Законом о реорганизации местных органов власти, вековыми традициями узбекского народа и опытом передовых демократических государств был введен институт хокимов областей, городов и районов, что стало важным этапом в нарождающейся политической системе и независимой государственности нашей страны.

Весьма многогранно развитие политической жизни Бухары в условиях независимости Узбекистана. Утверждаются принципы подлинной демократии, соответствующей нашим национальным и культурным традициям.

В настоящее время в Бухаре функционируют областные и городские органы различных политических партий, таких, как «Народно-демократическая», «Адолат», «Ватан тараккиёти», «Миллий тикланиш» и др. Свободно, на цивилизованной основе они осуществляют свою программную деятельность.

Древняя Бухара возлагает большие надежды на подъем экономики через переход к рынку. Неустанно осуществляется политика правительства республики, суть которой — в поэтапном формировании социально ориентированной рыночной экономики, всемерном развитии инициативы и деловой активности, децентрализации и демополизации экономики, расширении самостоятельности предприятий и организаций, отказе от прямого вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Предприятия легкой промышленности Бухары вырабатывают продукцию, пользующуюся большим спросом не только в республике, но и за ее пределами. Например, 150 видов изделий, вырабатываемых на трикотажной фабрике, поставляется даже в дальнее зарубежье за валюту. 60 видов изделий (пальто и костюмы из драпа, женскую одежду, школьную форму) производит швейная фабрика «Нигора». Сорочки, женские халаты, постельное белье — всего 22 вида продукции выпускает швейная фабрика им. Бури Амановой. Выпуск этой

К ИСТОРИИ ДОМУСУЛЬМАНСКОЙ БУХАРЫ

Бухара, расположенная в низовьях Зарафшана, — один из наиболее значительных древних городов Центральной Азии — на протяжении многих веков была столицей крупных государственных образований данного региона.

В письменных источниках термин Бухо (Pon-ho), как считается, впервые отмечен Сюань-Цзянем (около 630 г. н. э.). Это же название, но в согдийской передаче — *rwx't* зафиксировано на подражаниях драхам Варахрана V (421—439 гг.), чеканившихся в Бухарском владении, по-видимому, со второй половины V в. н. э., и на так наз. копчиковском блюде, датируемом, по палеографическим данным, не позднее конца VI — начала VII в. н. э.

По мнению ряда ученых, опирающихся на сведения Джувейни (XIII в.), это название восходит к санскритскому «*viḥaḡa*» — «буддийский монастырь». Более правдоподобно, однако, другое предположение, согласно которому, топоним «*Buḥaḡa*» отражает согдийское слово «*buhāḡak*» — «счастливое место»¹.

Другое название — Нуми, Науми, Нумиджкат, зафиксированное в китайских и арабских письменных источниках, восходит, по мнению В. А. Лившица, к согдийскому слову «*Namich*» — «знаменитый», «славный».

Сведения письменных источников по политической истории домусульманской Бухары ограничиваются в основном VII—VIII вв. н. э. Для ранних периодов контуры ее могут быть охарактеризованы по нумизматическим данным.

Согласно «Шах-намэ» Фирдоуси, строителем арка — цитадели Бухары был знаменитый герой Сиявуш (авест. Сияваршан) — сын царя Кей-Кауса (Кави-Уса). Сиявуш, якобы спасаясь от преследования своего отца, прибывает к царю Турана Афрасиабу, женится на его дочери, строит замок Кангдиз и крепость Сиявушгирд (Шах-намэ), которые, по позднейшим пахлевийским текстам, находились в области Бахар. Строительство Сиявушем крепости в области Бухары и место его захоронения у восточных ворот прямо указываются средневековым автором Абу-л Хасаном ан-Нишапури². По мнению К. В. Тревер, область Бахар может соответствовать Бухаре³.

Согласно версии Наршахи, город Бухара был основан тюркским правителем Шири-Кишваром, посланным хаканом тюрков Кара-Чурином в ответ на просьбу местных дикхан для подавления тирании правителя Абруя⁴. Это событие датируется современными исследователями 60—80-ми годами VI в. Однако столь поздняя датировка возникновения города не подтверждается археологическими данными. Наиболее ранние культурные слои, датируемые серединой I тыс. до н. э. или IV—III вв. до н. э.⁵, обнаружены в стратиграфических шурфах на территории арка и шахристана Бухары. К III в. до н. э. относится наибо-

¹ Frye Richard N. Bukhara in pre-islamic Times//Encyclopaedia Iranica. V. Fas. 5. London and New York, 1989. P. 511—513.

² Ртвеладзе Э. В. Легенды об основании среднеазиатских городов и археологическая действительность//Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент, 1987. С. 51.

³ История Узбекистана. Т. I. Ч. I. Ташкент, 1955. С. 85.

⁴ Наршахи. История Бухары/Пер. с перс. Н. Лыкошина. Ташкент, 1987. С. 16.

⁵ Ахраров И., Усманова З. И. Новые данные к истории Бухары//История и археология Средней Азии. Анхабад, 1978. С. 106; Мухамеджанов А. Р. Результаты археологических исследований на территории города Бухары//Общественные науки в Узбекистане (ОНУ). 1984. № 1. С. 39.

лее ранняя крепостная стена арка⁶. Не исключено, по нашему мнению, что именно Бухара упоминается в событиях 328 г. до н. э. Аррианом, согласно которому Спитамен со своим войском в поисках союзников прибыл в Баги или, по другому чтению, Габы — неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами (Аг. IV. 17, 4), что может соответствовать местоположению Бухары, находящейся на крайнем пределе согдийских земель, после чего начиналась пустыня с сакскими кочевниками.

Некоторые исследователи, в частности В. В. Бартольд, предполагали, без уточнения локализации, что где-то в низовьях Зарафшана, ниже Самарканда, находился царский город «Басилейя»⁷. Однако более предпочтительно мнение А. С. Сагдуллаева, что «Басилейя» располагалась к югу от Самарканда, возможно, на месте Ер-Кургана⁸. Среди ученых XIX в. была популярна точка зрения о том, что отмеченный Птолемеем (II в. н. э.) между Оксом и Яксартом город Трибактра (Pt. IV. 12) находился на месте Бухары, само название которой через древнеперсидское «Baktairi» и бактрийское «bandi» также возводили к «Трибактра». Однако В. Томашек — известный австрийский исследователь исторической географии Центральной Азии — считал, что Трибактра располагалась на месте Пайкенда⁹. В. А. Шишкин отметил искусственность построения этой гипотезы, хотя я не вижу особо серьезных препятствий к отождествлению Трибактры и Бухары, которая, судя по археологическим данным, в то время была уже значительным городом и, вполне возможно, могла быть замечена историками и географами античности.

Неизвестно, что было здесь при Селевкидах, но позднее Бухарский оазис, вероятнее всего, особенно при Евтидеме (230—200 гг. до н. э.), вошел в состав Греко-Бактрийского государства, о чем могут свидетельствовать найденный в Бухаре (Тахмачтепа) клад тетрадрахм этого царя и отдельные находки греко-бактрийских монет¹⁰.

Но уже, по-видимому, в середине I — второй половине II в. до н. э. Бухарский оазис выделяется в самостоятельное владение. С этого времени и вплоть до II в. н. э. здесь выпускаются серебряные подражания тетрадрахмам Евтидема с искаженной греческой и согдийской легендой и изображением Геракла, сидящего на омфале. Правители Бухары носили в этот период арамейский титул MR'Y — «государь»; их имена в легендах на данных монетах, прочитанных В. Хеннингом, еще недостаточно выявлены: myrδ't, kbčt, pnyw/z, sw...¹¹

Завершающий этап в развитии этого чекана (II—IV вв. н. э.) — появление самостоятельного типа монет, на котором «портрет» Евтидема заменяется изображением бухарского правителя в тиаре в сопровождении согдийской легенды¹². Подражания монетам Евтидема этого типа, в том числе клад из 86 монет, найдены в районе Бухары¹³.

⁶ Некрасова Е. Г. К истории сложения стен арка Бухары (Новые археологические данные)//Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990.

⁷ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. I. М.; Л., 1963. С. 172.

⁸ Выяснено в личной беседе.

⁹ Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877. S. 168.

¹⁰ Rtveladze E. Circulation monétaire au Nord de l'Oxus l'époque Greco-Bactrienne//Revue Numismatique. 6-e ser. T. XXVI. 1984. P. 63—69.

¹¹ Henning W. B. Mittliranisch. Handbuch der Orientalistik. Leiden—Köln, 1958. Abt. I. Bd. 4.

¹² Зеймаль Е. В. Политическая история Древней Трансоксианы по нумизматическим данным//Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 209—210.

¹³ Ртвеладзе Э. В., Мусакаева А. К истории денежного обращения в Западном Согде (Клад подражаний тетрадрахмам Евтидема из Бухары)//ОНУ. 1986. № 6. С. 35—38.

Другая группа монет, которая сейчас уверенно локализуется в Бухарском оазисе,—серебряные оболы Гиркода или Уркода, найденные в большом количестве на городище Кум-Савтан, к югу от Бухары¹⁴. Они датируются, вероятно, I в. до н. э.—III—IV вв. н. э. и по иконографии и содержанию легенд распадаются на два типа.

Первый, наиболее ранний, имеет на л. ст. погрудное изображение правителя вправо в начальной повязке и легенду с греческими буквами ΥΡΚΩΔΟΥ, а на л. с.—стоящее божество с пламенем у плеч и легенду, также греческими буквами, ΟΡΔΗΘΡΟΥ ΜΑΚΑΡΟΥ, которая до сих пор не получила должной интерпретации¹⁵. Попытки Р. Гиршмана увидеть в слове ΜΑΚΑΡΟΥ название одного из племен, завоевавших Греко-Бактрию,—сакарауков не нашли поддержки у других исследователей¹⁶.

Другие исследователи видят в слове ΟΡΔΗΘΡ имя правителя, читая первую букву как альфа,—Ардатр¹⁷. На самом же деле на этом месте стоит омикрон. Таким образом, все это слово следует читать как Ордэтр.

Во втором типе монет вначале изображение правителя и легенда ΥΡΚΩΔΟΥ остаются теми же. Затем греческая легенда заменяется согдийской, но кардинально изменяется реверс, где появляются изображения протомы скачущей лошади и согдийская легенда, читаемая В. Хеннингом как 'nt'wy yw'zn¹⁸. Начало выпуска этой группы монет, вероятно, датируется концом I—началом II в. н. э., когда в Трансоксиане происходит повсеместная замена греческой письменности на местную, бактрийскую и согдийскую.

Завершает чекан Уркода анэпиграфная группа монет.

Таким образом, в I в. до н. э.—III в. н. э.—первой половине IV в. Бухарский оазис был разделен между двумя самостоятельными владениями. Одно из них, вероятно, автохтонное, выпускавшее подражания тетрадрахмам Евтидема, располагалось в районе Бухары, судя по находкам здесь большого числа этих подражаний. Второе, по-видимому, основанное пришлыми кочевыми племенами из юэчжийского союза племен и выпускавшее монеты группы Уркода, находилось на западе и юго-западе Бухарского владения.

Не исключено, что первоначально эти владения входили в состав конфедеративного государства Кангюй. По данным Цзяньханышу, Кангюю подчинялись пять владений, одно из которых — Ги сопоставляется с Бухарой. Согласно Хоуханышу, в восточных пределах Аньси (Парфия) находилось владение Малое Аньси. Главным городом этого владения считался Мулу (Бухара?). Это же владение, но с укороченным названием — Ань, существовало здесь еще в начале VII в. н. э.¹⁹

Приведенные сведения китайских письменных источников подтверждают вывод, сделанный на основании нумизматических данных, о существовании двух крупных владений в Бухарском оазисе в I в. до н. э.—первых веках н. э.: Ги и Малое Аньси, находившихся, вероятно, в вассальной зависимости от Большого Аньси (Парфия). Возможно, Ги — это владение династии Уркода, тогда как Малое Аньси — непосредственно Бухарское владение. На это намекают и нумизматические данные — в иконографии подражаний чекану Евтидема

¹⁴ Культура и искусство древнего Узбекистана: Каталог выставки. Кн. I. М., 1991. С. 161—162.

¹⁵ Зеймаль Е. В. Указ. соч. С. 209.

¹⁶ Girschman R. Begram//MDAFA. Т. 12. 1946. Р. 110—116.

¹⁷ Зеймаль Е. В. Указ. соч. С. 209; История таджикского народа. Т. 1. М., 1963. С. 346.

¹⁸ Henning W. B. Op. cit.

¹⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. Т. 2. М., 1951. С. 225, 272.

второй группы можно усмотреть определенные парфянские влияния, в частности в тiare.

Во второй половине IV в. н. э. политическая ситуация в Бухарском оазисе заметно меняется. Это, в первую очередь, связано с усилением сасанидского влияния, в результате чего полностью заменяется государственная символика монет. Исчезают древние эллинистические символы — изображение сидящего на омфале Геракла; на смену ему приходит сасанидский алтарь огня. С конца IV в. в Бухарском оазисе выпускаются серебряные монеты: «драхмы» и «оболы» — с изображением головы правителя вправо на л. ст. и алтаря огня на об. ст. и согдийской легендой, где хорошо читаются имя и титул правителя: хwβ Mwč/k — «государь Мовач/к»²⁰. Вероятно, в том же владении чеканятся и медные монеты с изображением головы правителя в днадеме вправо на аверсе и алтаря огня на реверсе в сопровождении надписи арамейского происхождения: хwβ 'sβ'g — «государь Асбар». Согласно В. А. Лившицу, имя правителя иранское, означающее всадник (ср. перс. asabāga, перс. asbār, бактр. asbarobīdo), равно как и титул (от авестийского hvaга, — тот, чьи деяния хороши, «благотворящий», или от древнеперсидского hwa-bawa — «самоставший»)²¹.

Согласно «Истории Северных дворов» Бейши (VII в.) и «Истории династии Суй» Суйшу (VII в.), сведения которых отражают время, более раннее, чем VII в. н. э., наиболее крупное владение, находившееся в это время на территории Бухарского оазиса, называлось Ань. Правители его имели общее с правителями Согда происхождение из дома Чжаову, первоначально местонахождением которого была нынешняя китайская провинция Ганьсу. И после их переселения в Согд все династии юэчжийского происхождения, утвердившиеся здесь, в том числе в Самарканде и Бухаре, «удержали прозвища Чжаову»²².

Бухарский правитель Алинга в письме таньскому императору Тхайцзуну в 627 г. утверждал, что «Дом его преемственно царствует в двадцать втором колене»²³. Если отвести на каждое царствование усредненную цифру в 20—30 лет, то получится, что юэчжийский дом Алинги царствовал в Бухаре примерно 400—600 лет. В этой связи уместно вспомнить, что, согласно нумизматическим данным, в одном из владений Бухарского оазиса в начале н. э., т. е. за 400—600 лет до Алинги, правила династия Уркода, судя по иконографическим данным, юэчжийского происхождения. Таким образом, намечается преемственность в династической линии: династия Уркода — Асбар и Мовач/к — Алинга.

Весьма важен вопрос о принадлежности и датировке так наз. бухархудатских серебряных монет, чеканенных по образцу сасанидских драхм Варахрана V (420—438 гг.). Существуют два мнения. Согласно одному из них, в Бухаре выпуск подобных монет начинается во второй четверти V в., а затем их чеканка возобновляется после двухсотлетнего перерыва, во второй четверти VII в. Согласно другому, основанному на данных Наршахи, бухархудатские драхмы стали впервые выпускаться только в VII в. — в правление халифа Абу Бакра (632—634 гг.). Легенда на этих монетах, исполненная бухарским вариантом согдийского письма, читается как β'w'y'g хwβ k'w', что означает «государь Бухары царь», и не имеет персонального имени²⁴. На некоторых монетах

²⁰ Наймарк А. И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде// Нумизматика Центральной Азии. Вып. I. Ташкент, 1995. С. 31, 45. Прим. 7.

²¹ Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах//ВДИ. 1954. № 1. С. 169.

²² Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 271.

²³ Там же. С. 312.

²⁴ Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пянджикент. М., 1963. С. 38.

есть надчекан²⁵, который, по мнению ряда ученых, является династийным знаком бухарских государей. Однако нам представляется, что это династийный знак не собственно бухарских государей, а правителей другого владения, расположенного в Бухарском оазисе, поскольку невероятно, чтобы правители Бухары наклаывали на выпускаемые ими самими же монеты еще и надчекан. Будь это династийный знак бухарских государей, он был бы введен непосредственно в монетный штемпель. О наличии двух владений в Бухаре сообщается в Суйшу. Согласно этому источнику, в ста ли (около 40 км) от Ань (Бухара) на запад находилось владение Би, которое в это время не имело уже государя, а находилось под аньской державой. Это владение, вероятно, можно сопоставить с Пайкендом. Сообщение очень краткое, но оно как бы намекает на наличие каких-то конфликтов между двумя владениями, при которых одно бухарское владение устанавливало свое правление над другим²⁶.

В «Истории Бухары» Наршахи называет несколько правителей Бухары, среди которых первым был Абруй или Абрази (Abgu'i — Abargi), а также Kāpā и Māk²⁷.

На серебряном блюде, опубликованном Р. Фраем, нанесено имя еще одного правителя Бухары — Dīzo'i.

Гораздо больше сведений о правителях Бухары VII—VIII вв. содержится в арабо-персидских и китайских источниках. Согласно мнению Г. Ганбова, в Бухаре правили следующие правители²⁸:

1. Бидун (ум. до 673 г.).
2. Хутак Хатун (673—692 гг.).
3. Тугшада I (692—724 гг.).
4. Варданхудат-узурпатор (706—709 гг.).
5. Тугшада II (724—738 гг.).
6. Кутайба (738—753 гг.).
7. Неизвестный бухархудат — Тугшада III (753—768 гг.).
8. Сукан (768—775 гг.).
9. Бунийат (775—782 гг.):

Несколько иную версию в отношении чтения имен и датировки правителей Бухары предложила О. И. Смирнова, чье мнение основано на сопоставлении китайских и арабских письменных источников²⁹:

Китайские Ша	Арабские Шаба Шайа Бидун	Ориентировочные даты: между 655—660 гг.
		умер не позже 677—680 гг.
Дусаботи I	Хатун (его вдова) Тукаспада (Тугшада I) Варданхудат (узурпатор)	660—680 гг. 680—700 гг. с 693 г. 707—708 гг. 708—709 гг.
Дусаботи II	Тукаспада II	Княжил 10 лет, убит в Самарканде в 738 г.
Цойдибо (Кюндиба) Асилань	Кутайба брат Тукаспады II Скан (Салан)	742—760 гг. Княжил 10 лет

²⁵ Там же. С. 39. Прим. 119.

²⁶ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 9.

²⁷ Figue R. N. Op. cit. P. 512.

²⁸ Ганбов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. Душанбе, 1989. С. 43.

²⁹ Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1982. С. 427—428.

(Дафудань-фалл)

брат Тукаспады II

Бунийат

Брат Тукаспады II

Княжил 7 лет

Между 760—780 гг.,

убит по приказу

халифа Махди

Ко времени первых военных походов арабов на Бухару, начатых при наместнике Хорасана Убайдаллахе б. Зияде в 673—674 гг. и продолженных при Саиде б. Усмани и Сальме б. Зияде (680—683 гг.), в Бухарском оазисе располагалось несколько самостоятельных владений: собственно Бухара, управляемая династией бухархудатов; Вардана, где правили потомки персидского царевича Шапура — варданхудаты, Кармана и город купцов Пайкенд.

Их самостоятельности был положен конец после захвата всей страны арабами и присоединении этих владений к Бухаре.

О наличии в то время в Бухарском оазисе суверенных владений, имевших право на чеканку собственной монеты, красноречиво свидетельствуют нумизматические данные. В частности, в одном из владений чеканились так наз. бухарско-китайские монеты, согдийская легенда на одном из типов которых читается В. А. Лившицем как *rknd* или *rtkndh*³⁰, т. е. Пайкенд. А. Наймарк предлагает иное чтение: *rgnknd* — «великолепный город, город славы, город благодати», что, по его мнению, корреспондируется со средневековым названием Бухары — *Bukhara-e Sharif*³¹.

Он же полагает, что медные монеты с изображением хищника на лицевой стороне и несторианского креста на оборотной принадлежали чекану правителей Варданы³². Вместе с тем А. Мусакаева, выявившая, помимо серии хищник — крест, монеты серии олень — крест и баран — крест, полагает, что все они локализуются в районе Варахши³³. Среди китайско-бухарских монет, согласно А. Наймарку, также имеются экземпляры, на одной из сторон которых, слева или внизу от квадратного отверстия, наряду с тамгами, нанесен крест несторианского типа.

Согласно мнению О. И. Смирновой, большинство среднеазиатских монет с христианскими символами принадлежали главам христианских общин³⁴. Однако это маловероятно; скорее всего, они выпускались правителями каких-то владений.

Наличие монет с христианскими символами, как ни в одной иной области Центральной Азии, свидетельствует о значительной роли, которое играло христианство в Бухарском оазисе. Известно, что в самом городе существовал христианский храм, на месте которого Кутайба б. Муслим построил в 713 г. первую мечеть — Бану Ханзала³⁵.

В Бухарском оазисе в VII—VIII вв. н. э. также обращались медные монеты с изображением двугорбого верблюда на л. ст., а алтаря огня с надписью бухарским вариантом согдийского письма — на об. ст. Известны также медные монеты с изображением правителя в три четверти поворота, перед его лицом — согдийская легенда, где В. А. Лившиц читает слово *k'rzib; krnb; k'rb*, в котором А. Мусакаева видит то-

³⁰ Лившиц В. А., Луконин В. Г. Указ. статья.

³¹ Naumark A. Christians in pre-islamic Bukhara: Numismatic evidence//Annual Central Eurasian Studies. Conference. Abstracts of Papers. 1994—1996. Bloomington, 1996. P. 12.

³² Там же.

³³ Мусакаева А. А. О несторианах в Средней Азии (по нумизматическим данным)//Из истории древних культов Средней Азии: Христианство. Ташкент, 1994. С. 42.

³⁴ Смирнова О. И. Каталог монет... С. 35.

³⁵ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского завоевания//Соч. Т. I. М.; Л., 1963.

поним, отраженный в названии кишлака Карнаб, расположенного на юге Бухарского оазиса³⁶.

Первые арабские походы на Бухару носили характер грабительских набегов с целью получения дохода и добычи. Известно, что Хутак Хатун заплатила Убайдаллаху б. Зияду дань в размере миллиона дирхемов и 4000 рабов³⁷.

Только в 705 г., с назначением Кутайбы б. Муслима наместником Хорасана и главнокомандующим арабских войск, началось планомерное завоевание Мавераннахра. В 706 г. Кутайба б. Муслим во главе объединенной армии, в которую входили, в частности, войска чаганхудата и других среднеазиатских владетелей, двинулся на Пайкент, который был взят после ожесточенных боев. Там арабам досталось большое количество оружия и иных ценностей (Табари. II. 1189)³⁸. Затем они захватили Бухару, разгромив войска бухархудата и его тюркских сторонников, потребовав с них дань в размере 200 000 дирхемов для халифа и 10 000 дирхемов для правителя Хорасана. Кутайба разместил в городе постоянный арабский гарнизон и назначил Айюба б. Хасана первым арабским амиром Бухары³⁹.

Вместе с тем бухархудаты оставались соправителями арабов в своем владении, а после смерти в 715 г. Кутайбы б. Муслима Бухара стала постепенно выходить из-под контроля арабов. В 110 (728/729) г. х. в результате мощного восстания согдийцев, поддержанного каганом западных тюрков Мо'о (Мочжо) и каганом тюргешей Su-lu (Сулу), город был потерян арабами на целый год⁴⁰ (Табари. II. 1514, 1529), но затем вновь переходит под их влияние.

Арабские племена, поселившиеся в Бухаре, на первых порах весьма отрицательно отнеслись к приходу в 750 г. к власти в Арабском халифате династии Аббасидов, о чем свидетельствует восстание в этом году Шарик б. Шайха. На его сторону встали представители арабской власти Бухары и население города.

Абу Муслим послал против него Зияда б. Салиха, который жестоко подавил восстание, причем Бухара была сожжена и горела в течение трех суток. На стороне Зияда б. Салиха сражался бухархудат Кутайба с жителями 700 замков, который, однако, был впоследствии (несмотря на поддержку им правительственных войск) казнен Абу Муслимом за измену исламу⁴¹.

В третьей четверти VIII в. арабы уже полностью закрепляют за собой власть в Бухаре, отеснив на задний план бухархудатов, правление которых здесь стало чисто номинальным.

В 148 (765/66) г. х. арабский амир Бухары Ма'бад в наместничество будущего халифа ал-Махди отчеканил первые фельсы только с арабскими легендами, отражающими мусульманскую символику, место и год чекана и имена правителей. Однако на некоторых монетах Ма'бада сохраняется древний символ бухарских правителей.

В 151/768 г. другой амир Бухары — ал-Джунайд б. Халид — «амил ал-Махди, наследника престола правоверных», также выпускает здесь фельсы от своего имени⁴².

³⁶ Мусакаева А. А. Монеты Карнаба//Археология и художественная культура Центральной Азии. Ташкент, 1995. С. 45—46.

³⁷ Ганбатов Г. Указ. соч. С. 89—91; Gibb H. A. R. The Arab Conquests in Central Asia. London, 1993. P. 17—20; Bosworth E. Bukhara from the Arab Invasions to the Mongols//Encyclopaedia Iranica. Vol. IV. Fas. 5. London and New York, 1988. P. 513.

³⁸ Бартольд В. В. Туркестан... С. 239.

³⁹ Там же. С. 158.

⁴⁰ Gibb H. A. R. Op. cit. P. 69—70; Bosworth E. Op. cit. P. 513.

⁴¹ Бартольд В. В. Туркестан... С. 252—253.

⁴² Смирнова О. И. Каталог монет... С. 149—151.

Бухархудаты встали на сторону Хашема б. Хакима (Муканны), который сделал Бухару одним из главных оплотов своей борьбы против Аббасидов; в основном местом сосредоточения приверженцев Муканны было селение Наршах.

После подавления восстания Муканны при наместнике Мусейябе б. Зухейре (780—783 гг.) последний бухархудат Бунйат в 782 г. был убит в Варахше войсками халифа за поддержку восстания Муканны⁴³.

На этом завершается история династии бухархудатов, правившей в Бухаре в течение нескольких столетий, а вместе с тем заканчивается вообще домусульманский период в истории Бухары.

⁴³ Бартольд В. В. Туркестан... С. 258; Bosworth E. Op. cit. P. 514.

А. А. МУСАКАЕВА

О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ БУХАРСКОГО СОГДА (III в. до н. э.— VIII в. н. э.)

Античные источники, содержащие первые упоминания о Согде, сообщают, что это было одно из древнейших государств наряду с Бактрией и Хорезмом. «Вторая обитель благословения, которую сотворил я, Ахура-Мазда, была Согда, богатая людьми и стадами»¹. Согд включал в себя громадную территорию: «Саки отделены от согдийцев Яксартом, а согдийцы от бактрийцев Оксом»². После смерти Александра Македонского завоеванные им области были поделены между его полководцами. По данным Помпея Трога, «Согдиану (получили) — Сульций и Стагнор»³. Однако Диодор сообщает, что Филипп получил «Бактриану и Согдиану». В то же время он утверждает, что «Стазанор Солийский (получает) — Бактрию и Согдиану»⁴.

После образования империи Селевкидов (начало ее основания относят к 312 г. до н. э.) Согд становится подвластным Селевку, а затем его сыну Антиоху. Аппиан сообщает, что Селевк приобрел власть «над всей Сирией, над Евфратом... Согдианой... и всеми народами до Инда...»⁵.

Известно, что при Антиохе II Селевкидская держава распалась и возникли самостоятельные государства: Парфия, Греко-Бактрия. Далее, однако, мнения ученых относительно истории Согда расходятся. Одни считают, что Согд был подвластен Греко-Бактрии, другие — что он не входил в ее состав (при этом имеют в виду Бухарскую — Западную его часть).

Здесь решающее значение приобретает такой исторический источник, как монеты. Письменные источники сообщают о границах Согдианы, ее политической истории, но содержат очень мало сведений о денежном обращении. Между тем географическое положение Бухарского Согда, находившегося на перекрестке многих караванных путей, способствовало раннему использованию здесь монет при совершении торговых операций. Первые монеты в Западном Согде чеканятся по типу эллинистических и датируются III—II вв. до н. э.

Изучением согдийских монет занимались многие исследователи уже с XIX в. Так, Аллот де ла Фюи, заложивший основы согдий-

¹ Зенд-Авеста. Фаргард I//Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.— III в. н. э.): Хрестоматия/Под ред. Л. В. Бажнова. Ташкент, 1940. С. 17.

² Страбон. География. XI. 8,8//Древние авторы... С. 23.

³ Помпей Трог. Филиппинская история. XIII. 4//Древние авторы... С. 87.

⁴ Диодор. Библиотека. XVIII. 78, 3, 39//Древние авторы... С. 88.

⁵ Аппиан. Сирия. 55//Древние авторы... С. 89.

ской нумизматики античной поры, исследовал отдельные группы ранних чеканов Бухарского Согда. Следует также отметить труды Х. М. Фрэна, Э. Друэна, Э. Томаса, В. Принсепа, Винцент А. Смита, А. Каппингэма, Х. Вильсона и др.

Чтением и расшифровкой легенд занимались В. Хеппинг, М. М. Явич, В. А. Лившиц, Э. В. Ртвеладзе. Большой вклад в изучение экономической природы «варварских подражаний» эллинистическим образцам внес Е. В. Зеймаль.

О. И. Смирновой разработана типология раннесредневековых монет Согда, выявлены и локализованы основные чеканы, изданы каталоги монет VII—VIII вв., обозначены пути развития денежных отношений.

Отдельные группы монет изучены и описаны М. М. Явич, Е. А. Давидович, В. А. Шишkinым, Т. Е. Ерназаровой, Л. Н. Казамановой, В. М. Массоном, Н. Н. Забелиной, О. Бопераччи, М. Митчинером и др. Автором этих строк разработаны типология и периодизация монет Западного Согда периода античности и раннего средневековья.

Итак, типология монет Западного Согда, вопросы их датировки, как видно из исследуемой литературы, изучены в общем неплохо. Однако политической истории уделено мало внимания. Практически, кроме исследования Е. В. Зеймал⁶, эти вопросы лишь частично затронуты другими авторами. Здесь мы рассмотрим некоторые аспекты политической истории данного региона на фоне денежных отношений в Западном Согде.

Начало денежных отношений в Согде связано с появлением подражаний драхам Александра Македонского в III в. до н. э. (л. ст. — стилизованный портрет Александра, об. ст. — Зевс на троне). Находки этих монет незначительны, обращались они, вероятно, в одной из локальных областей Согдианы. Судя по находкам, это могло быть одно из княжеств Южного (Кашкадарьинского) Согда.

Наибольшее влияние на иконографию монет Согда оказали, однако, не драхмы Александра, а монеты Антиоха I с изображением рогатой лошади. Чекан этот более многочислен, долговремен (выделено пять хронологических периодов, от III до I в. до н. э.), да и лучше изучен по сравнению с предыдущим⁷. По мнению Е. В. Зеймал⁸, существовало две линии развития подражаний драхам Антиоха I — одна из них локализована им в Самаркандском Согде, другая — в Бухарском. Согласно точке зрения Н. Н. Забелиной, в Согде (не уточнено, в какой именно его части) чеканились монеты по типу драхм Антиоха с изображением рогатой лошади, в легенде которых присутствует имя Евтидема⁸. Е. В. Зеймаль отрицает наличие легенды с именем Евтидема на опубликованных Н. Н. Забелиной монетах из Самаркандского Музея⁹.

Третья серия, на которой сказалось влияние эллинистических чеканов, составили подражания тетрадрахам Евтидема и их оригиналы. Серия многочисленная и долговременная (III в. до н. э. — IV в. н. э.). Поскольку данные исследователей о локализации под-

⁶ Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 192—214.

⁷ Зеймаль Е. В. Тали-барзинский клад монет с изображением лучника // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXXIV. Л., 1972. С. 70—75; его же. Политическая история... С. 192—214; его же. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 68—75; его же. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 81—92, 269—276.

⁸ Забелина Н. Н. Новая монета с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ // КСИИМК. М. Вып. XXVIII. 1949. С. 101—102.

⁹ Зеймаль Е. В. Начальный этап... С. 70.

ражаний монетам Евтидема приходится, как и находки самих монет, на районы Западного Согда, то и подражания монетам Антиоха (если принять вероятным чтение Н. Н. Забелиной), содержащим имя Евтидема, возможно, также следует локализовать там же. Вопрос о границах монет по типу драхм Антиоха с именем Евтидема (если таковые существуют в Самаркандском музее), их обращении будет решен после появления в распоряжении исследователей данных о конкретных точках находок этих монет.

И все же, на наш взгляд, обилие чеканов античного периода в пределах Западного Согда — одно из возможных свидетельств в пользу их локализации в пределах Бухарского региона. Его географическое расположение не прошло мимо внимания античных стратегов, путешественников, торговцев. Известна экспедиция Демодама, принявшего поход за Яксарт с военно-экономическими целями. Отсюда следует, что земли вдоль Окса на определенном участке были подвластны Селевкидам. Возможно, зависимость эта выражалась как в уплате налога, так и в управлении этими областями эллинами или настроенной проэллински местной верхушкой. Страбон сообщает, как отмечают многие исследователи, о судоходстве по Оксу, соединявшемуся через один из протоков с Гирканским (Каспийским) морем. Движение торговых судов, по данным античных авторов (Аристобул, Страбон), было здесь очень интенсивным. Это не могло не отразиться положительно на экономике данной части Согда; отсюда и появление древнейших чеканов как в Западном, так и в Восточном Согде.

Другим важным аспектом политики Селевкидов было деление крупных сатрапий на мелкие владения — гиппархии. Они, как известно, покровительствовали правителям не только крупных владений, но и мелких¹⁰. Возможно, это — одна из многих причин появления нескольких локальных чеканов в Согдиане III в. до н. э., особенно в исследуемой части Согда.

Приход Евтидема к власти — пока что темное пятно в истории Греко-Бактрийского царства. Появившиеся в нашем распоряжении новые данные могут пролить свет на начало его царствования. Это клад греко-бактрийских монет из Тахмач-тепа, опубликованный в 80-х годах¹¹.

Анализ клада, на наш взгляд, может дать новые типологические ряды, с выявлением конкретных прототипов, позволит иначе взглянуть на политическую обстановку в Согде III—I вв. до н. э. Это несколько меняет привычные хронологические рамки обращения как подлинных тетрадрахм Евтидема, так и последующих подражаний им. Находки греко-бактрийских монет в Западном Согде уже не редкость: это монета Деметрия, тетрадрахмы Евтидема, уникальная декадрахма Евкратиды, уже упомянутый клад греко-бактрийских тетрадрахм Евтидема, Диодота и др.

Классификация клада, проделанная Э. В. Ртвеладзе, позволила исследователю выделить пять типов, соответствующих пяти хронологическим отрезкам времени. Осмунд Бопераччи выделяет 24 серии монет, выпускавшихся Евтидемом, в их числе драхмы, халки, оболы, тетрадрахмы¹². Однако трудно согласиться с О. Бопераччи относительно

¹⁰ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964. С. 101.

¹¹ Ртвеладзе Э. В., Ниязова М. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары (предварительное сообщение) // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 6. С. 54—58; Rtveldze E. V. La Circulation Monétaire au Nord de l'Oxus de l'époque Greco-Bactrienne // Revue Numismatique. 6-e ser. T. XXVI. Paris. 1984; Курбанов Г., Ниязова М. Каталог греко-бактрийских монет из Бухарского Музея. Бухара, 1989.

¹² Bopéarchchi Osmund. Monnaies Greco-Bactriennes et Indo-Grecques: Catalogue Raisonné. Paris, 1991. Pl. 2—4 и др.

но хронологического анализа монет, представленных в его каталоге.

Типологический анализ клада из Тахмач-тепа показал, что можно выделить девять типов монет, соответствующих 9 хронологическим отрезкам жизни правителя. Причем имеются данные для выявления двух монетных дворов — в Согде и Бактрах¹³. Помимо этого, выявляется новая линия подражаний, прототипом которых служили редкие медные и никелевые монеты Евтидема (л. ст. — Аполлон в лавровом венке; об. ст. — треножник — алтарь Дельфийского храма). Монеты этого типа опубликованы П. Гарднером, Нарайном¹⁴.

Иконографический анализ монет клада из Тахмач-тепа позволил датировать время правления Евтидема в пределах более 50 лет, а не 20—30, как это принято в литературе. Вероятно, к власти он пришел одновременно с Диодотом, считающимся основателем Греко-Бактрийского царства, а возможно, и чуть раньше. Этим объясняется и появление подражаний Антиоху с именем Евтидема.

Античные источники, упоминая о Согде, постоянно говорят о нем как об отдельном от Бактрии владении. Так, по данным письменных источников, следует: «Наместники взбунтовали прежде всего Бактриану, а друзья Евтидема всю округу»¹⁵. Эти сведения вместе с нумизматическим материалом прямо говорят о таком же, как Диодот, правителе в Согде. Анализ клада из Тахмач-тепа доказывает этот факт античной истории. Первый тип монет клада свидетельствует, что Евтидем пришел к власти и стал чеканить монету в молодом возрасте (20 лет или чуть более), в середине III в. до н. э. Ранние монеты с его молодым портретом (типы 1—7) чеканятся в Бухарском Согде; далее, свергнув Диодота (ок. 230—220 гг. до н. э.) и завладев Греко-Бактрией, он чеканит свои монеты и в Бактрах, либо только в Бактрах. Этим объясняется и наличие пяти подражательных рядов с ранними и поздними портретными прототипами¹⁶.

Управляя Согдом, Греко-Бактрийским царством, Евтидем явился последним царем, при котором эллинистические традиции были столь долговечны, а границы прочны.

К концу III в. до н. э. политическая ситуация в регионе резко меняется. Селевкиды теряют многие свои владения, и утверждаются новые, кочевые династии. К 203 г. до н. э. относятся сведения о больших массах кочевников, стоявших у Окса. Возможно, часть своих владений Евтидем к тому времени уже потерял, например Западный Согд.

Вероятно, около 220 г. до н. э. Согд оказался под протекторатом кочевой конфедерации Кангюй, упоминаемой в китайских источниках. Судя по археологическим материалам, это — время интенсивных перемещений так называемых сарматоидных племен III в. до н. э.¹⁷

В истории денежного обращения Бухарского Согда был период, когда исследуемые подражания тетрадрахмам Евтидема использовались лишь для внутреннего рынка. Монеты эти, почти потеряв серебряное покрытие, исполняют по сути дела уже роль медных монет для внутрилокального, в пределах Западного Согда, обращения. По сути

¹³ Мусакаева А. Древнебухарский чекан Согдианы: Доклад на Международной конференции в г. Бухаре, сент. 18—19. 1997 г.

¹⁴ Gardner P. The coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India [in the British Museum]. London, 1886; Narain A. K. Corpus of Indo-Greek Coins. Oxford, 1962. Pl. II, 5, 7.

¹⁵ Страбон. География. XI. 9,2—3//Древние авторы... С. 91.

¹⁶ Мусакаева А. Монеты Западного Согда III в. до н. э. — VIII в. н. э. (Опыт типологии и исторической периодизации): Автореф. канд. дис. Самарканд, 1991. С. 12.

¹⁷ Обельченко О. В. Культура античного Согда. М., 1992. С. 227.

дела — это первые в истории Бухарского Согда медные монеты. Искажения изображений на них достигают своей критической точки, резко падает вес (до 7 г).

После стабилизации политических отношений, к I в. до н. э. — I в. н. э., появляются новые монеты этой же серии с местным правителем в тиаре и искаженным изображением Геракла на оборотной стороне. Вес монет этой группы, выявленный по кладу из Талли-Мурда Партоу, — 9,9—10 г.¹⁸ Он указывает на направление торговых связей — Индия. Бурный рост этих связей усматривают в функционировании Великого Шелкового пути. Чистота металла (серебро без медной основы, как было до выпуска этой группы подражаний тетрадрахмам Евтидема), а также интенсивные торговые связи дают основание датировать монеты «государь в тиаре» несколько более ранним временем — I в. до н. э. Е. В. Зеймаль датирует эти монеты II — серединой IV в. н. э. На наш взгляд, трудно допустить, что Западный Согд со столь древними традициями денежных отношений, в I в. до н. э. остался в стороне от развития торговли и торговых путей. Помимо этого, находки монет зафиксированы за пределами Западного Согда¹⁹. Да и исследователи легенд на монетах отмечают архаичность знаков бухарского письма, что также является одним из косвенных свидетельств их более раннего чекана. Использовались они, вероятно, вплоть до появления здесь в обращении драхм Пероза, клад монет которого известен в Бухаре. В составе клада имелся уникальный экземпляр монеты — л. ст. портрет Пероза, об. ст. — согдийский принц²⁰.

Итак, данные нумизматических исследований свидетельствуют о том, что первым царем, чеканившим монеты по типу эллинистических в Западном Согде, был Евтидем. Начало его правления, как следует из анализа клада из Тахмач-тепа, падает на середину III в. до н. э. Здесь данные письменных источников не противоречат нумизматическим, о чем писали исследователи²¹. По данным античных источников, отпадение Бактрии (а вслед за ней или одновременно — Согда) от империи Селевкидов произошло во время первой пунической войны, в консульство Л. Манилия, Вулсона и М. Аттилия Регула. Первая пуническая война, как известно, происходила в 264—241 гг. до н. э. А консулы Луций Манилий, сын Авла, Вулсон Лонг Квинт Целий, сын Квинта, и Марк Аттилий, сын Марка Регула II правили в 256 г. до н. э.²²

Далее, в 230—220 гг. до н. э., Евтидем под напором кочевников переселяется в Бактры, о чем свидетельствуют находки поздних типов монет этого правителя с городища Балх.

Позднее, как отмечают исследователи, около 206 г. до н. э. (по данным Полибия), «полчища кочевников остановились перед естественным рубежом — рекой Окс — и в этот раз ее, видимо, не перешли»²³.

Согд после 206 г. до н. э. оказался под влиянием этих кочевников либо был завоеван ими. Исследователи пока не пришли к единому мнению о путях движения этих кочевых племен. По данным индий-

¹⁸ Мусакаева А., Ртвеладзе Э. В. К истории денежного обращения в Западном Согде (Клад подражаний тетрадрахмам Евтидема из Бухары) // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1986. № 6. С. 35—38.

¹⁹ Казамазова Л. Н. Подражания тетрадрахмам Евтидема в собрании ГИМ // Вестник древней истории. М., 1961. № 3. С. 120.

²⁰ Мусакаева А. Краткий обзор античных и раннесредневековых монет музея // Нумизматика Узбекистана. Ташкент, 1990.

²¹ Массон В. М., Ромодин В. А. Цит. соч. С. 103; Помпей Трог. Филиппинская история. XII. 4 // Древние авторы... С. 92.

²² Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 214.

²³ Зеймаль Е. В. Политическая история... С. 197.

ского ученого Нарайна, таких волн кочевников было несколько. Саки двинулись с верховий Или в районы Северо-Западной Индии (долина Свата, Гандхара). Движение это началось в период войны саков с юечжами. «Принцы саков» направились на юг, а юечжи — на запад. Продвигаясь к Оксу, юечжи должны были рассеять племена (скифского корня) в зоне Яксарта. Отдельно Нарайн выделяет также племена, связанные с историей Парфянского царства.

Движение племен сарматоидного круга в III в. до н. э. было не единственным, происходили движения сакских племен из-за Сырдарьи. Вероятно, сакские племена, в свою очередь, привели в движение иные племена и могли направляться через Яксарт либо вдоль него (вверх). По Страбону, «наиболее известные из кочевников — те, которые отняли у эллинов Бактриану, именно азии, пасианы, тохары, сакаравлы, вышедшие с того берега (Яксарта), подле саков и согдийцев; берегом этим владели саки»²⁴. В «Махабхарате» упоминаются кочевые народы: саки, тохары, канки²⁵. Дары, принесенные ими царю Юиштиру, составляли шерсть, шкурки, мечи, сабли, железные копья. Возможно, первая волна кочевников приходится на середину III в. до н. э.; против этих кочевых завоевателей и воздвиг стену Антиох Сотер (293—280—261 гг. до н. э.). Усиление кочевых союзов с середины III в. до н. э. не прошло бесследно для Согда. Следствием его явилось воцарение на престоле Согда Евтидема, в Парфии — Андратора, в Греко-Бактрии — Диодота.

Вторая волна — это 30—20-е годы III в. до н. э., когда Согд, вероятно, был уже завоеван указанными племенами; возможно, в этом приняли участие и сакские племена, а также «канки» Махабхараты. Видимо, к этому времени был уже сформирован союз племен; обитавших как по левому берегу Окса, так и по правому берегу Яксарта — это была конфедерация Кангюй.

Далее племена саков упоминаются уже гораздо позже, в I в. до н. э., — это Индо-сакское государство, Кушанское царство. Монеты этих правителей имеют на оборотной стороне изображения всадников (Сотер Мегас — Аз и др.) В разгроме Греко-Бактрии, как отмечают исследователи, участвовали различные племена. Вопрос в том, откуда они шли. На наш взгляд, данные нумизматики частично проливают свет на этот вопрос.

Если в III в. до н. э. — III в. н. э. иконография монет Бухарского Согда испытывает влияние эллинизма, то с III—IV вв. н. э. — Сасанидского Ирана. Возвышение династии Сасанидов в корне меняет облик монет: на них появляются символы зороастрийских верований: алтари огней, тамги, заменяющие изображения алтарей, звезды, лунницы — символы, свойственные ираноязычному населению Согда с глубокой древности.

В Бухарском Согде выделяется несколько групп монет «туранской серии» (термин употреблен без учета географических границ легендарного Турана). Наиболее ранними являются мелкие серебряные монеты с изображением правителя (в диадеме с полумесяцем) вправо и алтарем на об. ст. На монетах читается имя Мовач или Моваки/Мовар (чтение Э. В. Ртвеладзе, А. Наймарка). Любопытно, что имя «Мавак» известно в античных источниках как имя вождя сакских племен скифского корня. Это были конные стрелки, сопровождавшие Бесса при борьбе с македонскими завоевателями²⁶. Любопытно, что причиски на монетах правителей Боспора, Западного Согда, Чача

²⁴ Древние авторы... С. 101.

²⁵ Там же. С. 133.

²⁶ А р р и а н. Анабасис Александра. III. 8//Древние авторы... С. 42.

идентичны. Это свидетельство участия в управлении этими царствами правителей кочевников сарматоидного круга (саков скифского корня).

Туранская серия имела длительный период жизни—III—VIII вв. Монеты ранней группы продолжают традиции подражательных серий, имеющих в составе экземпляры из меди с серебряным покрытием. Они немногочисленны (известно 12 экз.). Во внутреннем обращении, наряду с медными и посеребренными монетами «туранской серии», находились монеты Гиркода, обращавшиеся, по данным археологических исследований, вплоть до IV в., до появления кушано-сасанидских монет²⁷.

Монеты Гиркода III—IV вв. — это мелкие медные монетки, покрытые серебряной пленкой, в конце своего существования они теряют серебряное покрытие, превращаясь в мелкие скифатные кружочки диаметром до 4 мм, с едва различимыми изображениями.

С IV—V вв. Западный Согд находился под влиянием империй Сасанидов, Эфталитов. Это ярко демонстрируют серебряные монеты Пероза, Варахрана, а также монеты Пероза и Варахрана с надчеканом в виде бухарской тамги. Известны их клады. Монеты с надчеканом, а также одна монета с портретом Пероза и согдийским принцем на об. ст. — свидетельство вхождения этой территории в империю Эфталитов в V в.

Драхмы Варахрана сыграли в истории денежного обращения Бухарского Согда почти такую же роль, как и эллинистические прототипы, став на много столетий основой местной монетной иконографии. Исследователями выделено пять основных типов монет этого круга.

Особый интерес представляет история денежного обращения Бухарского Согда IV—VIII вв. Обилие чеканов говорит о многочисленных княжествах в пределах исследуемой территории. Если в IV в. имелось четыре группы монет «туранской» серии, плюс серия Гиркода (возможно, несколько групп), то после VI в. таких групп становится гораздо больше. Появляются монеты, изготовленные по типу медных монет Асбара «туранской» серии, а следом — 13 локальных чеканов по типу подражаний монетам Асбара. На л. ст. они имеют портреты правителей, иногда в сопровождении легенд, на об. ст. — искаженный вариант тамги с искаженными знаками согдийской легенды монет Асбара.

Помимо этого, выделяется серия монет с алтарем, имеющая на некоторых вариантах надпись «Кан» (легендарная династия согдийских царей).

В особую серию выделяются монеты с изображением несторианского креста и священных животных на об. ст. Датируются они в пределах IV—V вв. и являются внутрилокальным чеканом христианского поселения (общины), очевидно несторианского толка²⁸.

Монеты с изображением священного животного — верблюда обращаются на протяжении III—VIII вв. Культ верблюда был тесно связан с культом огня. Иконография монет этой серии имеет знаки местных верований, переплетенных с зороастрийскими (алтари огня, тамги, сам образ верблюда — образ божества войны и победы Вэртагны). Известно около 50 экз. монет этой серии, выделено 9 типов²⁹. Монеты первой группы датируются IV — первой половиной V в. (воз-

²⁷ Устное сообщение археолога Г. Семенова.

²⁸ Мусакаева А. О несторианах в Средней Азии // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство. Ташкент, 1994. С. 64—70.

²⁹ Мусакаева А. К типологии монет Бухары с изображением верблюда // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990. С. 34—35. Рис. 2.

можно, с III в.), монеты второй группы — второй половиной V — началом VI в. Несколько позже, в VI—VII вв., осуществляется чекан монет третьей группы. В это же время и, возможно, в начале VIII в. обращаются монеты четвертой группы. Исследователи не раз отмечали популярность образа двугорбого бактрийского верблюда в искусстве Бухарского Согда. Это сведения из письменных китайских источников, из которых следует, что правитель царства Ань восседает на троне в виде золотого верблюда. Его же изображение имеется в росписях городища Варахша VII—VIII вв. и др.

Если почти все медные чеканы Западного Согда имеют традиционные знаки, символы священных животных, связанных с зороастризмом, то одна серия с изображением так наз. «пляшущих человечков» стоит особняком в этом ряду. Начало ее чекана связано с появлением в денежном обращении Западного Согда монет с изображением портретов правителей в фас (V в.). Эта серия доживает до прихода арабов, и последние ее монеты имеют знаки мусульманских легенд (IX в.).

Следует отметить, что огромное влияние на денежное обращение и иконографию монет Чача оказал Западный Согд. Подтверждением тому служат монеты раннего чекана, имеющие правителей с одинаковыми прическами, в диадемах с полумесяцем на л. ст. и тамгами на об. ст. И в Чаче, и в Бухарском Согде монеты скифатные (техника изготовления та же). Однотипными являются монеты с изображением льва. В Западном Согде — это серия монет с несторианскими крестами, имеющая льва, до мельчайших деталей идентичного чачскому. Возможно, мастера имели перед собой одинаковые образы штампов. Далее, в VIII в. в Чаче появляется на монетах изображение верблюда с двумя горбами, однако образ его значительно искажен. Налицо подражание западносогдийским монетам.

Определенные параллели можно усмотреть в оформлении монет Чача и Западного Согда в серии с портретами правителей в фас (символы, расположенные вокруг портретов) и др.

Культурно-исторические традиции этих исторических областей имеют много общего. Чач с древности был тем регионом, через который двигались кочевники, чьи следы отмечаются в иконографии монет. В сложении и формировании культуры, идеологии этих регионов принимали участие племена, имевшие общие этнические корни.

Итак, в истории денежных отношений Западного Согда можно выделить четыре периода. Первый — III—I вв. до н. э. Для него характерны появление первых монет, отчеканенных на местном монетном дворе, по типу аттических стандартов, и вообще становление денежных отношений. Существовало несколько стандартов: крупный — подражание тетрадрахмам Евтидема и мелкий — монеты Гиркода; особую роль сыграли тетрадрахмы Евтидема (16—15 г). Средний вес подражаний Евтидему — от 15 г и ниже, монет Гиркода — от 4 г и ниже.

Второй период — I в. до н. э. — V в. н. э. Для него характерны на начальном этапе обращение монет Гиркода (пониженного веса) и появление самостоятельного чекана (группа «государь в тиаре») с устойчивым весовым стандартом 9,9—10 г, из хорошего серебра. А в конце периода появляется, наряду с крупным серебряным номиналом, пять групп медных монет, что свидетельствует о большом размахе внутренней торговли.

Третий период (V—VI вв.) характерен наличием 13 медных локальных чеканов, серии с «пляшущими человечками», с изображением верблюда. Это время дальнейшего поступательного развития денежных отношений внутри малых княжеств, достигших такой силы,

что могли чеканить собственную монету. Вопрос с выпуском серебряной монеты сложен, в обращении участвуют сасанидские монеты, в том числе с надчеканом.

Четвертый период (VII—VIII — начало IX в.) — время появления литых монет с квадратным отверстием или имитирующих квадрат; изготовлены они были по типу китайских и под влиянием Китая. В целом число мелких локальных чеканов значительно сокращается, происходит изменение весовых стандартов. Вес монет с квадратным отверстием больше, чем у более ранних медных монет. Возможно, эти изменения можно объяснить появлением более сильной централизованной власти в Бухарской Согде, чеканившей свою монету.

Все это говорит о том, что на протяжении античного и ранне-средневекового периодов в Западном Согде интенсивно развивались товарно-денежные отношения, экономика в целом, что ставит его в один ряд с такими высокоразвитыми областями Среднеазиатского Междуречья, как Бактрия или Парфия.

Б. Д. КОЧНЕВ

БОРЬБА САМАНИДОВ И КАРАХАНИДОВ ЗА БУХАРУ НА РУБЕЖЕ X—XI ВЕКОВ

К концу X в. Саманидское государство пришло в полное расстройство и уже не могло всерьез противостоять натиску с северо-востока тюрок Караханидов. Во главе Караханидской державы находились тогда Арслан-хан Али (великий каган) и Бугра-хан Харун (каган-соправитель). Наступление на Мавераннахр возглавил второй из них. В 380 г. х. (990 г. н. э.) он захватил Испиджаб, в 381/991 г. — Фергану, а в 382/992 г. вступил в Бухару¹. В царском казнохранилище Бугра-хан будто бы нашел «несметные богатства и драгоценные сокровища»². Из захваченной им саманидской сокровищницы происходила, в частности, та сделанная из изумруда чаша для отведывания зина, которую Беруни видел на пирах у хорезмшаха Мамуна (1009—1017 гг.) и которая стоила около тысячи динаров (золотых монет)³.

Сам Бугра-хан по случаю занятия блестящей саманидской столицы выпустил в 382/992 г. в Бухаре не только динары, но и дирхемы (серебряные монеты). Помещенные на них тексты существенно отличаются от тех, что характерны для саманидского монетного чекана. Если на саманидских динарах и дирхемах аббасидский халиф только упоминался, то на монетах Бугра-хана халиф назван «амиром верующих» и «наместником Аллаха», сам же Бугра-хан именует себя «клиентом ами-ра верующих». На его бухарских динарах помещены не две, как обычно у Саманидов, а сразу три выдержки из Корана. Очевидно, все это связано с усердно проявляемым благочестием Бугра-хана Харуна, о котором сообщает, например, Ибн ал-Асир. Об этом свидетельствует и проставленный на монетах его лакаб (почетное прозвание) — Захир ад-Дава («Опора призыва к вере»). В целом же подчеркнутые монетными надписями благочестие и пиетет к халифу явно призваны были аттестовать Бугра-хана Харуна как государя, более соответствующего

¹ Кочнев Б. Д. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование: Автореф. дис. ... д. и. н. М., 1993. С. 23.

² Байхаки Абдул-Фазл. История Ма'суда (1030—1041)/Пер. с перс., введ., комм. и прил. А. К. Арендса. Изд. 2-е, доп. М., 1969. С. 277.

³ Ал-Бируни Абу-р-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)/Пер. А. М. Беленицкого. Л., 1963. С. 154.

идеалу мусульманского правителя, нежели его предшественники и противники Саманиды⁴.

Помимо Бухары, Харун чеканил монеты в Фергане и Илаке, причем на бухарских монетах фигурирует только сам Бугра-хан, на ферганских и илакских названы также его вассалы, которым, очевидно, были пожалованы определенные права на соответствующие владения. По тогдашним представлениям, столичный центр не мог (или не должен был) быть объектом пожалования: когда в 1153 г. Бахтийяр, один из предводителей мятежных гузов (огузов) потребовал у Сельджукида Санджара дать ему в надел (икта) Мерв, то получил отказ, ибо, будучи столицей, Мерв «не может быть чьим-нибудь наделом»⁵. Поэтому можно думать, что Бугра-хан Харун, чьей столицей до завоевания Мавераннахра был Баласагун в Чуйской долине⁶, хотел сделать Бухару своим стольным городом или по крайней мере одной из столиц.

Успехи Харуна оказались очень непрочными, в Бухару он вступил не ранее 7 мая 992 г., а уже 17 августа в свою столицу смог возвратиться саманидский амир Нух б. Мансур, который вскоре вернул все свои прежние владения. Бугра-хан скончался в том же году, во время отступления⁷.

По смерти Харуна его пост перешел к Ахмаду б. Али, ставшему после кончины отца (388/998 г.) великим каганом. Но новое караханидское наступление на Мавераннахр реально возглавил не он, а его брат Наср, который был не каганом (ханом), а лишь одним из князей (тонга-тегином). Как показывают монеты, Наср б. Али в 384/994 г. завоевал Фергану и Ходженд, в 385/995 г. — Илак, в 387/997 г. осуществлял чекан в Уструшане, в 388/998 г. — в Самарканде, т. е. подступил почти к самой столице. В том же году после смерти отца он принял титул Арслан-илек или просто илек (илит); под последним титулом он и вошел в историческую рукописную традицию. Между тем в Саманидской державе дошло до того, что в начале 999 г. виднейшие сановники низложили законного государя, ослепили его и возвели на престол его младшего брата Абдалмалика б. Нуха. В условиях полнейшего упадка саманидской власти илек Наср 23 октября 999 г. без сопротивления вступил в Бухару, объявив, что явился только в качестве друга и защитника Саманидов. Абдалмалик некоторое время (рукописные источники не называют точный срок) скрывался в Бухаре, но потом был схвачен и вместе с родственниками отправлен в заключение в Узгенд, столицу Насра б. Али⁸.

От 389/999 г. до нас дошли бухарские фельсы (медные монеты) как саманидские (с именем Абдалмалика), так и караханидские (с упоминанием Насра б. Али и его сюзерена Ахмада). Один из бухарских фельсов 389/999 гг. оказался «двудинастийным»: его лицевая сторона — караханидская (здесь названы «хан», т. е. Ахмад б. Али, и «илек», т. е. Наср б. Али), обратная — саманидская (здесь фигурирует Абдалмалик б. Нух). Конечно, данная монета могла быть отмечана по ошибке непарными, разновременными штемпелями, но не

⁴ Ишанханов С., Кочнев Б. Древнейшие караханидские монеты // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 143—151; Кочнев Б. Д. Караханидские монеты... С. 23—24.

⁵ Ибн ал Асир. Ал-Камил фи-т-тарих // Извлеч. в пер. И. Н. Леманова и С. Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939. С. 388.

⁶ Бартольд В. В. Бугра-хан // Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 507.

⁷ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963. С. 320—321; Кочнев Б. Д. Караханидские монеты... С. 24.

⁸ Байхаки Абу-л-Фазл. История Ма'суда. С. 779; Гардизи Абу Саид. Зайн ал-ахбар: Украшение известий. Раздел об истории Хорасана // Пер. с перс. А. К. Арендса. Ташкент, 1991. С. 89; Бартольд В. В. Туркестан... С. 327—329; Кочнев Б. Д. Караханидские монеты... С. 24.

исключено, что ошибки нет, и она выпущена на том отрезке времени, когда Наср стремился выдать себя за друга и защитника Саманидов⁹.

В следующем году из узгендского заточения бежал, персодевшись в женское платье, Саманид Исмаил б. Нух, брат Абдалмалика, более известный под почетным прозвищем Мунтасир («победоносный»). Некоторое время он скрывался в Бухаре, а затем перебрался в Хорезм, где вокруг него собрались остатки саманидских войск. Во главе этих сил Исмаил поставил хаджиба Арслана-Ялу, который разгромил караханидское войско сперва в Бухаре, а затем близ Самарканда. По данным Утби, возвращение Саманидов в лице Исмаила было встречено бухарцами с радостью. Впрочем, торжество его оказалось непродолжительным: при приближении главных сил Насра б. Али Мунтасир и Арслан-Ялу бежали за Амударью, во владения Махмуда Газнави¹⁰.

От Исмаила б. Нуха дошли немногочисленные бухарские фельсы 390/1000 и 391/1000—1001 гг. Поскольку на 390 г. х. приходится 10 «видов» караханидских фельсов Бухары, а уже в третьем месяце 391 г. х. Мунтасир вел военные действия под Нишапуром, можно сделать вывод, что он владел Бухарой в конце 390—начале 391 г. х., т. е. зимой, может быть также осенью 1000 г. н. э. На одном из бухарских фельсов 390/1000 г. одновременно фигурируют илек (лицевая сторона) и Исмаил б. Нух (оборотная сторона). Если это не результат совмещения непарных штемпелей, то здесь, возможно, отразились попытки Мунтасира достичь некоего компромисса с завоевателями. Ни один правитель не назван на анонимном бухарском фельсе 390/1000 г., выпущенном, быть может, в условиях кратковременного политического вакуума, когда Караханиды уже покинули Бухару, а Исмаил еще не вступил в город¹¹.

Совершенно неожиданным оказалось выявление бухарских фельсов все того же 390/1000 г. с именем Али б. Мамуна¹². Как известно, это имя носил второй правитель из хорезмской династии Мамунидов, царствовавший в 997—1009 гг. Именно в его владениях обосновался Мунтасир после бегства из Узгенда и там же собрал свое войско, почему В. В. Бартольд предположил, что это делалось «не без согласия» Али б. Мамуна¹³. Бухарские монеты с именем последнего позволяют оценить ситуацию иначе. Самый факт их чеканки однозначно свидетельствует, что после изгнания Караханидов Али получил в Бухаре весьма значительные права, а это могло быть только в том случае, если он оказал Мунтасиру не только «моральную поддержку», но и реальную, весомую помощь, — очевидно, деньгами или оружием либо войсками, а может, всем вместе. Иначе говоря, хорезмшах Али б. Мамун, как показывают нумизматические данные, был вовлечен в

⁹ Кочнев Б. Д. Из нумизматической истории Бухары конца X—XII вв. // Бухара и мировая культура: Материалы I Международного симпозиума. Бухара, 1993. С. 94; его же. Свод надписей на караханидских монетах: антропимы и титулатура (часть I) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 4. М., 1995. С. 207—208. № 71, 72.

¹⁰ Ибн ал-Асир. Ал-Камил... С. 358; Бартольд В. В. Туркестан... С. 330—331.

¹¹ Кочнев Б. Д. Из нумизматической истории... С. 94; его же. Свод... С. 209. № 89—99.

¹² Мне давно известен фельс 390//1000 г с именем Али б. Мамуна, но название монетного двора (Бухара) читается на нем без полной уверенности (Кочнев Б. Д. Из нумизматической истории... С. 94). В собрании мусульманских монет Тюбингенского университета (ФРГ) оказалась аналогичная монета (инв. № 96—7—162), чье бухарское происхождение несомненно.

¹³ Бартольд В. В. Туркестан... С. 330.

борьбу между Саманидами и Караханидами в большей мере, чем представлялось по сообщениям рукописных источников. Активная поддержка Али б. Мамуном Мунтасира удивлять не должна: его предки издавна были вассалами Саманидов, его отец оставался саманидским вассалом даже в условиях полнейшего ослабления державы, при дворе его брата и преемника Мамуна б. Мамуна находились некие саманидские царевицы¹⁴.

Исмаил б. Нух подчас добивался существенных успехов, но лишь временных. Потеряв почти все свое войско, он в 1003 г. вернулся в Мавераннахр и с помощью гузов дважды нанес Караханидам поражение в долине Зарафшана, но в том же году опять ушел за Амударью. На следующий год он возвратился с остатками своих сил и был разбит наместником Бухары, после чего укрепился в Нуре Бухарском. Две другие битвы, у Дабусии и Бурнамада (в Уструшане), закончились победой Мунтасира, однако между Дизакон (Джизакон) и Хавасом он потерпел поражение и вновь покинул Мавераннахр. В том же 1004 г. Исмаил б. Нух в четвертый раз вернулся в долину Зарафшана, привлеченный обещаниями с помощью своего родственника Ибн Сурхака, жившего в Бухаре и действовавшего в согласии с Насром б. Али. Но на сей раз Мунтасир даже не смог достичь Бухары и едва спасся бегством. В начале 1005 г. он погиб в Хорасане¹⁵.

Успехи Исмаила б. Нуха в 1003—04 гг. не нашли отражения в нумизматических памятниках, по крайней мере известных. Поэтому при изложении событий, этих лет приходится опираться только на рукописные источники. Они довольно подробно освещают ход борьбы между Саманидами и Караханидами за Бухару. Но тем не менее нумизматические материалы, как видим, существенно обогащают реальную картину этой борьбы.

¹⁴ Байхакки Абдул-Фазл. История Ма'суда. С. 808.

¹⁵ Бартольд В. В. Туркестан... С. 331—332.

А. Х. АТАХОДЖАЕВ

К НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БУХАРЫ X ВЕКА

История Саманидского государства благодаря большому количеству рукописных источников считается хорошо изученной. Вопросам, связанным с его социально-экономической и политической историей, посвящено значительное количество исследований, в том числе монографического характера. Широко привлекались для решения некоторых из них и нумизматические источники. Но, как ни странно, почти не использовались монетные данные при изучении истории саманидской Бухары, хотя с тех пор, как этот город стал столицей державы, здесь осуществлялся регулярный и обильный чекан.

Единственное исключение составляет попытка английского нумизмата М. Митчинера составить сводку имен лиц, встречающихся на саманидских монетах Бухары, чье происхождение явно несаманидское. Все они без какого-либо анализа были названы им правителями Бухары¹. Такой подход нельзя не признать механическим. Ввиду этого представляется полезным детально рассмотреть соответствующий материал, существенно дополнив при этом сводку М. Митчинера.

Для большей наглядности имеющиеся данные сгруппированы нами в две таблицы: отдельно для имен, встреченных на серебряных монетах (дирхемах), и отдельно — на медных (фельсах).

¹ Mitchiner M. The multiple dirhams of Medieval Afghanistan. Hawkins Publications. 1973. P. 32.

К числу членов династии безусловно принадлежит 'Абд ал-Малик (ф. 333/944—45 г. и 334/945—46 гг.), ставший в 343/954—55 г. главой государства. Поскольку на монетах он упомянут не один: в к. л. о. с. назван его отец, Нух б. Наср (301—330/913—942 гг.), глава государ-

Таблица 1

Имена на бухарских дирхемах X в.*

№	Год хиджры	Местоположение на монете	Имя	№	Год хиджры	Местоположение на монете	Имя
1	336	л.с.,п.	Наср	14	367	л.с.,п.	Бакр (Наср?)
2	351	—, —	Буграбек	15	368	—, —	—, —
3	352	—, —	—, —	16	368	—, —	Фанк
4	353	—, —	—, —	17	374	—, —	Са'д
5	353	—, —	Бугра	18	375	—, —	Хасан
6	354	—, —	Буграбек	19	376	—, —	—, —
7	354	—, —	Бугра; ал-Мухазидж (Мухарридж?)	20	376	—, —	Са'д
8	355	—, —	Буграбек	21	377	—, —	Фанк
9	356	—, —	—, —	22	378	—, —	Бегтузун
10	359	—, —	Бек	23	379	—, —	—, —
11	361	—, —	—, —	24	379	—, —	Са'д
12	366	—, —	Бакр (Наср?)	25	381	—, —	Аллан (?)
13	366	—, —	Са'д	26	382	—, —	—, —

* В таблицах и далее используются следующие сокращения: п.—поле; л.с.—лицевая сторона; о.с.—оборотная сторона; к.л.—круговая легенда; дрх.—дирхем; ф.—фельс. За недостатком места здесь не приведены ссылки на многочисленные публикации использованных монет и не указаны места хранения неизданных материалов.

Таблица 2

Имена на бухарских фельсах X в.

№	Год хиджры	Местоположение на монете	Имя	№	Год хиджры	Местоположение на монете	Имя
1—3	302—304	л.с., п.	Мухаммад	21	336	л.с., п.	Сахль
4	307	—, —	—, —	22	376	—, —	Сахль
5—6	333—334	о.с., п.	Абдал-Малик	23	378	—, —	ал-Мухазидж (Мухарридж?)
7—8	337—338	—, —	Асад (?)	24	379	—, —	Бегтузун
9	338	—, —	Ибрахим	25	379	—, —	Сахль
10—11	347—348	л.с., п.	Куттегин	26	380	—, —	Бегтузун
12	343	л.с., п.	Куттегин	27	385	о.с., п.	Сахль
		о.с., п.	—, —				Бегтузун ал-Хаджиб;
13	349	л.с., п.	Куттегин				Хусайн ас-Сапиджаби
14	348	л.с., п.	Куттегин;	28	385	л.с., п.	Ахмад б. Али
		о.с., п.	Наср	29	386	о.с., п.	Хусайн ас-Сапиджаби
15—16	349—350	л.с., п.	Наср				Хусайн Сапиджаби (так!)
17	356	—, —	—, —	30	337	—, —	Сапиджаби;
18	358	л.с., п.	Абу Бакр ал-Мухазидж (Мухарридж?)	31	387	л.с., п.	Хусайн Сапиджаби
		в к.л.	—, —			о.с., п.	Сапиджаби
19	358	л.с., п.	Фанк; Бакр	32	388	л.с., п.	Сапиджаби
20	358	—, —	Фанк	33	389	—, —	Тахир
				34	389	—, —	Хашим (?)

ства, — то можно предположить, что 'Абд ал-Малику при жизни отца были даны определенные права, что и отразилось в монетном чекане. Подобная практика для Саманидов не является исключением. Хорошо известны ф. Самарканда-244—245/858—860 гг., на которых глава династии, Ахмад б. Асад (упоминаемый в к. л. о. с.) назван совместно с сыном Насром (упомянут в п. о. с.)².

В истории Саманидского государства немалую роль сыграли Бегтузун и Фаик — высокопоставленные вельможи при последних Саманидах. Так, Фаик, выходец из среды дворцовых рабов, был приближенным Саманида Мансура I б. Нуха (962—976 гг.) и его сына Нуха б. Мансура (976—997 гг.). Бегтузун, выходец из среды тюркских гулямов, в правление Нуха б. Мансура занимал высокую военно-административную должность хаджиба (что подтверждается надписями на некоторых ф.) и был назначен в 997 г. сипахсаларом Хорасана, т. е. стал вторым (после государя) по значимости лицом в Саманидской державе. И Бегтузун, и Фаик сыграли немалую роль в падении Саманидов³.

Если о Фаике и Бегтузуне имеются сведения в рукописных источниках, то Хусайн ас-Сапиджаби (иногда он назван просто по своей нисбе — Сапиджаби) известен только по монетам. Установлено, что он был представителем подчинявшейся Саманидам испиджабской династии Мутидов⁴. Внимания заслуживает и то, что Хусайн ас-Сапиджаби занимал в Бухаре устойчивые позиции как при Нухе б. Мансуре, так и при его пресмнике, Мансуре II б. Нухе (997—999 гг.).

На ф. 347—349/959—961 гг. фигурирует некий, судя по имени, тюрк, имя которого можно прочесть как Куттегин. В такой форме это имя не встречено у средневековых историков, но у Гардизи упомянут хазинадар (казначей) Фатегин, который присутствовал при убийстве хорасанского сипахсалара Бакра б. Малика в Бухаре в 345/956 г. начальником дворцовой стражи Алптетином⁵.

Учитывая особенности передачи имени Куттегин/Фатегин арабской графикой (когда «фа» отличается от «кафа» одной точкой), можно заключить, что это одно и то же лицо. Но его упоминание не ограничено лишь бухарскими ф. — он фигурирует и на ф. Балха и Термеза. Примечательно и то, что Нух б. Наср (943—964 гг.) был женат на его дочери с 337/948—49 г., и, возможно, это обстоятельство повлияло на его карьеру⁶.

На ф. 349—50/960—962 гг. вместо Куттегина присутствует некий Наср. Кто он такой, можно понять, вероятно, обратившись к монетным данным. В табл. 2 под 347, 348 и 349 гг. х. фигурирует на ф. Куттегин, причем в 348 г. х. он даже упоминается на монете дважды (при этом опущено упоминание имени государя). Но в том же 348 г. х. появляются ф. с упоминанием Куттегина и Насра одновременно (необходимо отметить, что оформление обоих видов ф., особенности размещения на них надписей и их характер совершенно иден-

² Тизенгаузен В. Г. О саманидских монетах//Труды Восточного отделения Императорского Российского археологического общества. Ч. I. СПб., 1855. С. 84.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. М., 1963. С. 311, 313—314, 317, 319—321, 323, 329.

⁴ Кочнев Б. Д. Монеты с упоминанием Мутидов — владетелей Испиджаба (X—XI вв.)//Тезисы докладов и сообщений Всероссийской нумизматической конференции. Вологда, 1993. С. 17—20.

⁵ Аб у Са'ид Гардизи. Зайн ал-ахбар (Раздел об истории Хорасана)/Пер. А. К. Арендса. Ташкент, 1991. С. 76.

⁶ Фасмер Р. Р. Куфические монеты Переяславского клада//Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 51. Пг., 1914. С. 31.

тичны). Возникает вопрос — не принадлежат ли оба имени одному лицу — хазинадару? Иначе говоря, он мог, кроме своего тюркского имени Куттегин, иметь еще и общемусульманское имя Наср.

Не обнаружены в рукописных источниках и упоминания о Буграбеке, который, судя по имени, также был тюрком. Стоит напомнить, что во второй половине X в. большинство военно-административных должностей в государстве Саманидов занимали выходцы из среды тюркских гулямов (напр., Алптегин, Себуктсгин, Фаик, Бегтузун и т. д.). Учитывая этот факт и то, что имя Буграбеска помещено на серебряных монетах, можно считать его весьма значительной фигурой в Саманидской Бухаре.

Абу Бакр ал-Мухаззидж (Мухарридж?) в рукописных источниках тоже не фигурирует. Упоминанию его на монетах часто предшествует вводная формула «при посредстве», наличие которой перед именем какого-либо лица принято считать признаком принадлежности его к числу чиновников, занятых в сфере монетного производства⁷. Как видно из таблиц, карьера его длилась около четверти века, что весьма примечательно. Нельзя также исключить, что Бакр, фигурирующий на ф. 358 г. х. (табл. 2, № 19) и есть Абу Бакр ал-Мухаззидж (Мухарридж?), т. е. была допущена ошибка при написании его имени.

Столь длительная карьера чиновника позволяет судить о том, что одно лицо могло весьма значительный срок находиться на конкретной службе. Это относится не только к персонам, связанным с монетным производством. Например, на ф. Ахсикета 355—357/965—968 гг., Ферганы 359/969—70 гг., 362/972—73 гг., 367/977—78 гг. и, возможно, Кубы 356/966—67 гг. и Узгенда 378/988—89 гг. фигурирует некто Ахмад б. 'Али, названный в большинстве монетных надписей наместником («ал-халифа») вышестоящего члена исрархии. Широкий географический охват деятельности Ахмада б. 'Али свидетельствует о том, что он, вероятнее всего, и был реальным правителем Ферганской долины или ее части. О достаточно прочном его положении можно судить по его долголетней службе в Фергане. Очевидно, после того, как в борьбе с Караханидами Саманиды окончательно утратили Фергану (в 384/994 г.), Ахмад б. 'Али вынужден был перебраться в Бухару, где и был соответствующим образом вознагражден.

Как наглядно продемонстрировала Е. А. Давидович, право помещать свои имена на саманидских ф., кроме государя, имели лишь определенные категории лиц — либо владетели, получавшие права (или только часть их) на жалованный объект, либо чиновники, связанные с производством монет⁸. Соответственно, и на саманидских монетах Бухары обнаруживаются упоминания, помимо государей, по крайней мере двух категорий лиц. К одной из них, т. е. к числу тех, кто был связан с организацией монетного производства, определенно относится Абу Бакр ал-Мухаззидж (Мухарридж?) и, возможно, носители еще нескольких имен.

Вне всяких сомнений, не могут быть включены в эту категорию Куттегин, Буграбек, Бегтузун, Фаик, Ахмад б. 'Али и Хусайн ас-Сапиджаби. Следует ли считать их жалованными владетелями или, вслед за М. Митчинером, правителями Бухары, а саманидскую столицу — объектом пожалований за службу? На первый взгляд, подобное предположение кажется невозможным. Однако ничто не мешает допустить,

⁷ Тизенгаузен В. Г. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873. С. XVII; Давидович Е. А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в. // Письменные памятники Востока: Ежегодник. 1969. М., 1972. С. 130—131.

⁸ Давидович Е. А. Монеты Ферганы... С. 110—141.

что перечисленные сановники отнюдь не становились полными хозяевами Бухары, а лишь получали здесь какую-то долю прав и, очевидно, доходов, а также привилегий, включая очень важное право помещать свои имена на монетах.

Для подтверждения этой мысли можно привести примеры из «Тарих-и Систан» (источника, посвященного истории Систана, области в Иране и Афганистане). Здесь, в частности, описывается междоусобная борьба конца X в. между представителями местной саффаридской династии. По условиям перемирия, одному из противников достался столичный город области — Зерендж, другому же, кроме всего прочего, были пожалованы городские ворота Зеренджа под названием Та'ам и харадж с них⁹. Насколько весомым было это пожалование, можно усмотреть в том же источнике. В нем описываются события первой половины IX в., когда весь Систан был охвачен восстанием хариджитов и единственным источником, дающим средства властям, оставались те же ворота, точнее доходы с них¹⁰.

Как показывают приведенные примеры, подобные пожалования имели место в неких критических ситуациях. Поэтому можно предположить, что передача части прав на Бухару была связана с сокращением фонда пожалований во второй половине X в., когда Саманидская держава все более клонилась к упадку. Вместе с тем не следует преувеличивать объем прав и привилегий упомянутых сановников. Правильнее понять их статус помогает сравнение бухарского чекана X в. с синхронным ферганским. Е. А. Давидович исследовала феодальный институт пожалований за службу на большом нумизматическом материале, причем особенно обильным оказался ферганский удельный чекан. На фельсах Ферганы владетель феодальных прав на удел упоминается почетно — в п. о. с. либо в к. л. о. с.; в последнем случае он выступает владельцем монетной регалии и носителем титула «клиснт амира верующих». Нижестоящим членам иерархии (при наличии таковых) отводится поле и (или) круговая легенда лицевой стороны¹¹. На бухарских же монетах все приведенные выше имена упомянуты скромно, в п. одной из сторон. Вероятно, тем самым подчеркивалось их более скромное, по сравнению с остальными жалованными владетелями, положение.

По крайней мере, в одном случае (ф. 385/995 г.) на бухарских монетах фигурируют, помимо государя, сразу два владельца — Бегтузун и Хусайн Сапиджаби. Первый упомянут в п. л. с., второй в п. о. с. Если оценивать их статус, исходя из тех же закономерностей, которые проследила Е. А. Давидович на ферганских ф. X в., то Хусайн оказывается упомянут в более почетном месте, чем Бегтузун. Но Бегтузун был очень влиятельным сановником, оказывавшимся по сути в последние годы существования Саманидской династии вершителем ее судеб. Поэтому мало вероятно рассматривать его как владельца, стоявшего рангом ниже Хусайна, о котором, кроме того, что он принадлежал к небольшой испиджабской династии, ничего более не известно. Но и рассматривать Мутида Хусайна как чиновника монетного двора нет никаких оснований.

На бухарских ф. 379/989—90 г. вместе с Бегтузуном упомянут Сахль, но наличный материал не позволяет решить, был ли его статус таким же, как у Хусайна Сапиджаби, или он исполнял функции, подобные тем, что были возложены на Абу Бакра.

Как видим, саманидские монеты являются важным источником

⁹ Тарих-и Систан//Пер. и коммент. А. П. Смирновой. М., 1974. С. 321.

¹⁰ Там же. С. 185.

¹¹ Давидович Е. А. Монеты Ферганы... С. 110—141.

сведений по истории Бухары X в.; они сообщают нам целый ряд фактов, не упомянутых в рукописных источниках, известных исследователям на данный момент.

К. Ш. ЁНИЕЗОВ

БУХОРО ҒАРБИЙ ҚОРАХОНИЙЛАР ҲУКМРОНЛИГИДА (XI—XII АСР)

Маълумки, IX асрнинг иккинчи ярми ва X асрда Самонийлар давлати Марказий Осиё минтақаларининг катта қисмида ҳукмронлик қилар. эди. 875 йилда Аббосийлар халифи ал-Мутамид Наср ибн Аҳмадни Мовароуннаҳр ҳокими қилиб тайинлагач, бу ўлкада иқтисодий ва маданий ривожланиш бирмунча авж олган эди. Исмоил ибн Аҳмад даврида (892—907) Самонийлар давлати марказлашган кучли давлатга айланиб, унда иқтисод, маданият яна ҳам тараққий этиб борган. Аммо X асрнинг иккинчи яримларида ички зиддиятлар кўпайиб Самонийлар ҳукмронлигини кучсизлантиради. Унга қарам бўлиб келган вилоятларда (хусусан Хуросонда кўтарилган исёнлар, ворислар ўртасидаги тахт учун олиб борилган бетиним курашлар Самонийлар давлатини заифланишга олиб келади. Бундан Қорахонийлар усталик билан фойдаланадилар.

Қорахонийлар хоқонларидан бири Харун ибн Сулаймон (у яна Буғраҳон ат-Турки унвони билан ҳам маълум), 990 йили Самонийларга қарши ҳарбий юриш қилиб Фарғона, Исфиджоб вилоятларини эгаллайди. 992—993 йиллари Буғраҳон Самарқанд ва Бухорони ҳам забт этади¹. Аммо касаллиги туфайли урушни давом эттиролмасдан Қашгарга қайтишда йўлда, Қўчқорбоши деган жойда, 993 йили вафот этади ва шу ернинг ўзида дафн этилади².

Харун ибн Сулаймон Буғраҳон вафотидан кейин улуғ хоқон (Қорахоқон)³ лавозимини унинг жияни Али ибн Мусо эгаллайди. Бу хоқон Харун Буғраҳон бошлаган ҳарбий юришни давом эттириб, 996 йили то Амударёгача бўлган Самонийлар ҳудудини эгаллайди⁴. Али ибн Мусо узоқ ҳукмронлик қилмайди. У шу йилнинг ўзида (996 й.) вафот қилади. Унинг вафотидан кейин Қорахонийлар тахтига ўғли Аҳмад ибн Али (фахрий унвони—Шамс ая-Дувал) ўтиради⁵. Унинг даврида (998—911) Қорахонийлар Мовароуннаҳрни батамом эгаллаб ўз ҳукмронликларини ўрнатганлар⁶.

Шу даврдан бошлаб Қорахонийлар давлати шимолда — Алакўл, Сассиқкўл ва Балхаш кўли ҳамда Торим дарёсидан, жануби-ғарбидан то Амударёгача, ғарбда Чу ва Талас дарёсининг қуйи оқимларидан, шарқда—Хитой чегарасигача (Черчен дарёси соҳилларигача) бўлган катта ҳудудни қамраб олган.

Қорахонийлар давлати қанча катта бўлгани билан унинг бутунлигини сақлаб қолиш қийин эди; у бирқанча ҳудудий мулкларга бўли-

¹ Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих/Перевод с арабского К. Б. Старковой//Материалы по истории киргизов и Киргизии (кейинчалик МИКК). М., 1973. С. 55.

² Бартольд В. В. Богра-хан//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 506—507.

³ Қора — атамаси буюкликни, улугворликни билдирган. Қорахонийлар давлатининг хоқонлари мазкур атамани қабул қилиб, ўзларини Қора-хоқон (буюк-хоқон) деб улуғлаганлар.

⁴ Ал Утби. Тарих-и Намани/Перевод с персидского М. А. Салахитдиновой//Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. (МИСЦА). Кн. I. Ташкент, 1988. С. 26—27.

⁵ Ибн ал-Асир, уни Илек—Илхон ат Турки унвони билан ҳам тилга олган. Қаранг: МИКК. Т. I. С. 57.

⁶ Ибн ал-Асир. Қўрсатилган асар, 57-бет.

содир бўлган аҳволга ортиқча тоқат қилолмасдан бир неча бор исён кўтарганлар. Буларнинг исёнини бостириш баҳонаси билан салжуқийларнинг султонлари ҳамда қорахитой гурхонларининг ҳукмронликлари, даврида, Ғарбий Қорахоний давлатининг иқтисодий ва маданий ҳаётига қаттиқ зиён етказилган.

Салжуқийлар ва қорахитой гурхонларининг ҳам аҳволи яхши эмас эди. XII аср охирларида Хоразмшоҳлар давлати кучайиб, салжуқийлар ва қорахитойларга қаттиқ зарба бериб, уларнинг талай ҳудудларини эгаллайдилар. Бундан фойдаланиб, Ғарбий Қорахонийларнинг охирги хоқонлари қорахитой гурхонларининг қарамлигидан озод бўлган ҳам эдилар. Аммо, 1212 йил Хоразмшоҳ Алауддин Муҳаммад Бухорони эгаллаб, Ғарбий Қорахоний давлатининг охирги хоқони Усмон ибн Иброҳимни қатл этади. Шундай қилиб, Мовароуннаҳрни қарийб 200 йил давомида бошқариб келган Алийлар авлодининг ҳукмронлиги тугатилади.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

БУХАРА НА КАРАВАННЫХ ПУТЯХ ХОРАСАНА И МАВЕРАННАХРА

В формировании и развитии хозяйственно-экономического потенциала и уровня урбанизации любой историко-культурной области или крупного городского центра важную роль играют торгово-экономические связи с ближайшими и дальними центрами, а также с системой торговых трасс.

Торговые трассы, перекрывая политические границы стран и континентов, выполняли не только экономические функции, но и способствовали дипломатическим и научно-техническим, культовым и культурным межэтническим связям, сближая народы разных конфессий, хозяйственных потенциалов, интегрируя их культуры, ибо морскими и сухопутными путями на Восток и Запад передавались материальные, производственные, научные и культурные достижения, шли ремесленники и миссионеры, художники и ученые.

При всем многообразии трасс можно выделить три уровня торговых связей: трансконтинентальные, региональные и местные. Первые связаны прежде всего с реализацией элитных, престижных, дорогих товаров. Они способны развиваться при создании систем крупных держав со стабильной, более или менее централизованной структурой, верховные власти которых заинтересованы в обмене.

Вторые объединяли близкие историко-культурные области более тесными торгово-экономическими узами, включая и массовые, и специфические товары, связанные с минерально-сырьевыми ресурсами и географическими особенностями, определяющими локальные черты ремесленной и сельскохозяйственной продукции.

Третьи формируют гомогенную структуру экономики внутри самого владения, иерархическую систему связей между центрами и периферией, районами с различными хозяйственно-культурными типами экономики.

Наиболее благоприятные для развития условия получают центры, аккумулирующие различные уровни экономических связей. К их числу в Среднеазиатском междуречье принадлежит Бухара, располагавшаяся в низовьях одной из крупнейших рек Центральной Азии — Зарафшана, вдоль трансконтинентальных и региональных трасс, и являвшаяся в то же время организующим центром местных экономических связей крупного оазиса правобережья Средней Амударьи.

Столица Западного Согда, с которым обычно связывается ее история и культура, Бухара, как показывает детальное исследование, была не только частью этого региона.

Работами Я. Г. Гулямова, А. А. Аскарова, А. Р. Мухамеджанова доказано, что в древности Зарафшан через русло Махандарьи группой протоков доходил до Амударьи, а Кашкадарья через Кумсултан впадала в Каракульдарью — Зарафшан¹. В этих районах выявлены следы жизни, начиная от неолита и бронзы. И хотя уже античные авторы — Квинт Курций Руф, Страбон, Арриан — сообщают, что, оросив страну Согдианы, Политимет входит в песчаную пустыню и поглощается песками, средневековые историки, хорошо знавшие этот регион (Наршахи, затем Хафизи Абру), отмечают, что в половодье протоки Зарафшана доходили до Фараба, Битыка и вливались в Амударью².

Я. Г. Гулямов считает, что русло Махана уже около начала I тыс. до н. э. было, видимо, искусственно запружено в районе Уч-Баша и образовало разливы, на которых формировалась земледельческая культура, а керамика здесь находит прямые аналогии с Тазабагъябской культурой Хорезма³, так что Бухарский оазис с глубокой древности был крупной цветущей земледельческой областью, временами даже более значительной, чем Самаркандский Согд.

Могучая Амударья (Окс, Джейхун) была не только границей между крупными географическими регионами, известными в средневековье как Хорасан и Мавераннахр. Она была, так сказать, прозрачной мембраной и животворной базой тесного экономического обмена земледельческих регионов и скотоводческих племен. Анализ источников показал, что от Хавалинга в верхнем течении реки до ее низовьев (помимо Хорезма) имелось не менее 25 стационарных переправ, фиксирующих торговые трассы⁴. О том, что река была не столько разделителем, сколько объединяющим фактором, говорят и обилие переправ, и формирование парных, лежащих на обоих берегах пунктов, среди которых — Тахти Кубад и Тахти Сангин, Ташгузар и Термез, Келиф на обоих берегах реки, Керки и Керкичи, Амуль и Битык⁵.

Наиболее активные связи прослежены в среднем течении Окса, между Амулем (Чарджев) и Земмом Керкухом (Керки) на юге, где насчитывалось до 16 стационарных переправ⁶. Основная часть их связана с Бухарой. Все это свидетельствует о том, что Бухара с глубокой древности складывается как один из важных центров восточной части Средней Амударьи на магистральных путях экономических связей Маргианы и Северного Ирана, Бактрии, Согда, а на севере — кочевых сакских племен и Хорезма.

В ахеменидскую эпоху Согд входил в состав Бактрийской сатрапии, тесно связанной с Маргианой, а бассейн Средней Амударьи, освоенный в это время, был ретранслятором культуры, первенство в которой принадлежало Бактрии. Государство организует и контроли-

¹ Гулямов Я. Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 17—22; Аскаров А. А. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи//ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 28—36; Мухамеджанов А. Р. К изучению древнего русла Махандарьи//ИМКУ. Вып. 5. С. 46—56.

² Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса//Труды ИИА АН РУз. Вып. VIII. Ташкент, 1956. С. 149.

³ Мухамеджанов А. Р. Указ. статья. С. 50—51.

⁴ Макдиси. ВГА. III. С. 292.

⁵ Ставиский Б. Я. Амударья — граница или стержень древних историко-культурных областей Средней Азии//Древний Амуль — проблемы истории и культуры Средней Амударьи. Чарджев. 1993. С. 14—15.

⁶ Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX — начала XIII в. Ташкент, 1996. С. 75.

рует дороги, которые служили и почтовыми, и торговыми трассами. С их помощью, как отмечает А. Мец, Дарий решил потуже затянуть бразды правления огромной переднеазиатской империей⁷.

Основная трасса пути через Бухару на восток от левобережья Амударьи, описанная в средневековых источниках, проходила из Мерва через Амуль, где была удобная переправа к Фарабу, стоявшему на древнем русле Зарафшана. В окрестностях Амуля известны пункты с начала I тыс. до н. э., хотя сам город, как показали археологические исследования, вырос в античное время и расцветает в эпоху Великих Кушан⁸.

Однако еще в раннем средневековье, при первых походах арабов в Мавераннахр, их отряды из Мерва шли на Амуль, затем поднимались по «реке Балха» до Земма, переправлялись на правый берег, а затем шли на Пайкент и Бухару⁹. Этот факт говорит о том, что на ранних этапах переправа у Земма была более оживленной.

Действительно, при археологических исследованиях в районе у переправы найдены материалы середины I тыс. до н. э., когда уже формировался Керкинский оазис, центром которого стал г. Керки, где отмечены мощные слои того времени¹⁰. В античную и последующие эпохи здесь продолжается активный расцвет жизни, что свидетельствует о стационарном функционировании переправы.

На правом берегу опорным пунктом пути был Пайкент. Стационарное поселение, по археологическим данным, возникло здесь не позже IV—III вв. до н. э. В конце III—II вв. до н. э. он обносится крепостными стенами.

Новый этап развития Пайкента начинается с конца III—IV в. н. э., когда появляются укрепления цитадели и первого, а затем второго шахристана. В период раннего средневековья это был небольшой, но сильно укрепленный городок на западной окраине Бухарского Согда¹¹. Он играл определенную оборонительную роль и вместе с тем являлся характерным городом купцов на крупнейших торговых магистралях из Бухары на запад, в Мерв, и юго-запад, в Иран. Богатство города подчеркнуто арабами, которые захватили здесь при походе в 87/706 г. такую добычу, какую они никогда не захватывали в Хорасане. Это послужило одним из стимулов их дальнейших походов на Бухару. Недаром ат-Табари приводит стихи ал-Кумайта о богатствах, полученных в Пайкенте: «И день Пайкента, чудеса которого не счесть, и Бухара не из того, что избежит счета»¹².

В античное время на левобережье вдоль Окса вырастет серия крепостей, среди которых в первую очередь следует отметить Амуль. Расцвет жизни их относится к первым векам н. э. и связывается с широкими возможностями торговли по Великому Шелковому пути. Наряду с Бактрией, большую роль в этом деле начинает играть Парфия, а затем и Сасанидский Иран.

Из 16 переправ между Амударьей и Земмом, отмеченных в средневековье, в тот период стационарно действовало не менее 7—8, и все

⁷ Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966. С. 383.

⁸ Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр//Труды ЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад, 1966. С. 144—162.

⁹ История ат-Табари. Ташкент, 1987. С. 116, 118.

¹⁰ Пилипко В. Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1987; Массон В. М. Древний Амуль — столица среднеамударьинского региона//Древний Амуль: проблемы истории и культуры Средней Амударьи. С. 10.

¹¹ Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л. Городище Пайкент//К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988. С. 187; Семенов Г. Л. Согдийская фортификация V—VIII веков. СПб., 1996. С. 148—150.

¹² Ат-Табари. С. 117—118.

они были связаны с трассами на Бухару. Интересно, что среди них упоминается специальная переправа «бухарцев», а на пути из Бухары на юг — «селение бухарцев».

Бактрия и Согд в первые века н. э. входят в состав разных государств: Бактрия — в Кушанское, Согд — в Кангюй. Но узлы между ними остаются тесными и, помимо этого, расширяются связи с северными кочевыми народами. Особенно ясно это ощущается в период раннего средневековья, когда Согд начинает господствовать на сухопутных трассах Великого Шелкового пути. Интересно отметить, что в торговых колониях согдийцев, распространившихся на восток вплоть до Дуньхуана, бухарские купцы занимают второе место после самаркандских.

Бухара входила в состав согдийской торговой корпорации, объединявшей купцов 6 согдийских владений: Ми, Ань, Цао, Кон, Хе, Ши, — которые отождествляются с Маймургом, Бухарой, Кабуданом, Самаркандом, Кушанией и Кешем. Общее тюркское название союза звучало как «Алты чуб согдак», и связывал он оседлый и кочевые миры вплоть до Кашгарии¹³.

То было время активизации не только транзитных, но и внутренних торговых путей, сложения гомогенной экономической структуры крупной историко-культурной области Бухары. Источники описывают владение Нами, к которому, по мнению исследователей, тяготел весь район Средней Амударьи вплоть до Амуля. Одновременно активизируются связи с северными районами Хорезма. Известный в письменных источниках длительный спор Сасанидского Ирапа и Тюркского каганата за контроль над трассами Шелкового пути завершается тем, что тюркский каган в 586 г. н. э. направляет через Бухару на Хорезм и далее, в обход Каспийского моря, через Кавказ, в Византию торгово-дипломатическое посольство во главе с согдийцем Маниахом и заключает с византийским императором Юстином II торговый и военный договор.

Этим же путем в каганат следует ответное посольство во главе со стратигом Восточных земель Земархом, а затем движутся торговые караваны. Конечно, торговые связи Бухары с северными контактными зонами и Хорезмом переплетались с культурными процессами.

Но настоящий расцвет и Бухары, и торговых связей, транзитных и местных отмечен для IX—X вв., когда Бухара становится столицей государства Саманидов, включавшего весь Мавераннахр и часть Хорасана.

Восточные географы характеризуют Бухару среди владений Мавераннахра как область цветущую, возделанную и орошенную лучше, чем Дамаск и Фарс в Хорасане¹⁴, плотно застроенную и густозаселенную, обводненную рекой Согда и многочисленными каналами с большим оазисом, как внутри стены (размером фарсах на фарсах), так и за ее пределами¹⁵. Ими описаны основные трассы торговых путей Бухары, причем интересно, что в ряде случаев использованы материалы доарабских дорожников. Некоторые географы отмечают, что Бухара повернута лицом к Хорасану и спиной к Согду. Якуби, например, вообще не включает Бухару в Согд. Он подчеркивает, что это — независимая страна, и дорогу из нее в Самарканд называют дорогой «от Бухары в Согд», определяя ее в 7 дней пути¹⁶.

¹³ М а л я в к и н А. Согдийский торговый союз // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 15. М., 1988. С. 57—58.

¹⁴ И с т а х р и. Kitab masalik al-mamalik // BGA. I. 1927. С. 293.

¹⁵ Там же. С. 305—306.

¹⁶ Я к у б и. Kitab at-tarikh // BGA. 7. С. 292.

Основной путь вел из Хорасана в Бухару и далее на восток от Мерва через Амуль. Из Амуля, переправляясь через «реку Балха» (Амударью), караваны вступали в Мавераннахр, в оазис Бухары.

Первым пунктом был Фараб, или Фарабр. По одним данным, он стоял в 1 фарсахе от «реки Балха», по другим характеризуется как речной порт. Географы X в. сообщают, что в половодье река доходила до города. От старого Фараба сохранились руины шахристана площадью до 70 га, с крупной цитаделью и тремя воротами, направленными в стороны Амударьи, Бухары и Термеза. Судя по источникам, славилась городская соборная мечеть у Бухарских ворот, а также крупные тахиридские и саманидские караван-сарай. В IX—XII вв. сюда еще доходили протоки Зарафшана, поэтому город и его сельская округа процветали. Далее путь на восток шел мимо укрепленных селений к Пайкенду, отстоявшему в одном дне пути от Бухары. Описанный выше город купцов — Пайкенд в средневековье превращается в крупный торговый центр, аккумулировавший ряд трасс, идущих с запада и юга в Бухару. Жители его участвовали не только в сухопутной, но и морской торговле, под которой, вероятно, подразумевается торговля по Амударье, Аральскому и Каспийскому морям. В IX—X вв. на трассах Пайкенда, окруженных стеной шахристанов, вырастают многочисленные рабаты — караван-сарай (по источникам, это был «город тысячи рабатов») и ремесленные кварталы. Внутри города раскрыты мастерские керамистов и стеклодувов, металлостроителей-бронзолитейщиков. Интересна восточная аптека¹⁷. Вскрытый караван-сарай включал стандартные жилые и складские ячейки, хозяйственно-производственные и культовые узлы, рассчитанные на караваны из самых разных стран¹⁸.

Далее основные трассы шли на восток и на юг, соединяя Бухару с Самаркандом, Несефом, Термезом и Балхом, откуда они вели в Китай.

Путь из Бухары в Самарканд назывался царской дорогой «Шахрух» и составлял 37—39 фарсахов, преодолевавшихся за 7 дней. Сначала он проходил через городки Бухарского оазиса — Шарг, Тававис, Кук, Карминию, далее через степную зону караваны попадали в Самаркандский оазис и шли через города Дабусию, Рабинжан, Зерман, замок ал-Кама, от которого до Самарканда было 2 фарсаха. Самарканд в средневековье был самым крупным центром Мавераннахра, своего рода сухопутной гаванью, куда собирались купцы из различных стран. Отсюда шли пути на Восток, через Чач или Фергану, на юг — в Несеф, Кеш, Термез, Балх.

Однако из Бухары тоже шли торговые пути на юг, в Несеф, Термез, Балх, минуя Самарканд. В рабадах Бухары упоминаются ворота Ибрахима, Руби, Мардуша, Келабад, которые, по Истахри, вели в Несеф и Балх¹⁹.

Арабские географы, базирующиеся на данных дорожников предшествующих эпох, отмечают пути из Бухары в Термез и Балх вдоль правобережья Амударьи через Базду. Так, Абу Али Ахмед ибн Русте в своей энциклопедии «Дорогие ценности» описывает путь из Бухары в Термез по следующему маршруту: «от Бухары до Джикема — день пути, до старого... день, до колодца Санда — день, до сел. Бухариян — день, до сел. Харазмиян — день, до Балхана — день, до Келифа — день, до стоянки Каясин — день, до Термеза — день» (хотя есть и до-

¹⁷ Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т. и др. Указ. статья. С. 196.

¹⁸ Там же. С. 116—147; Хмельницкий С. Г. Между арабами и тюрками // Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин—Рига, 1993. С. 180—182.

¹⁹ Истахри. С. 307.

бавка — «от Куваднака до Термеза два дня»). Таким образом, прямой путь на Термез, по Ибн Русте, занимал примерно 9—11 дней. Он же сообщает о пути из Бухары в Нахшеб, длиной 30 фарсахов²⁰.

Истахри описывает такой маршрут: от Бухары до Фараджуна — день, до Мианкаля — день, до Маймарга — большой дневной переход, до Несефа — день. Затем до Сунаха — день, до Дидаки (Диладжи) — день, до Кандака — день, до Железных ворот — день, до рабата Разик — день, до Хашимджирда — день, до Термеза — день, переправляясь в Сияхджирд — день, до Балха — день. Всего путь Бухара—Балх занимал 13 дней²¹.

Немаловажную роль для Бухары играли и северное направление торговли с кочевыми племенами, а также транзитный путь в Хорезм. На север шло несколько путей — и более легких, и трудных, но зато более коротких. Варьировали они, вероятно, и в связи с климатическими условиями, ибо весной и осенью легче было двигаться через пустыню, чем летом и зимой.

Один из путей вел через Амуль и по левобережью Амударьи²². Но основные трассы были прямыми. Основной путь в средневековье вел из Бухары один день по населенной местности до Варахши, а затем по пустыне, где не было ни жилищ, ни жителей, только пастбища.

Варахша также возникла как укрепленный пункт на границе Бухарского оазиса с кочевыми землями еще в античное время и играла определенную роль в торговых связях с животноводами степи. В раннее средневековье здесь вырастает загородная резиденция бухар-худатов с парадными залами дворца²³. Жизнь во дворце прервалась во 2-й половине VIII в., когда он был разрушен при подавлении восстания Муканны, поддержанного правителем Варахши. Арабская конница ворвалась во дворец; правитель был убит, во дворце устроен погром. Но город продолжал жить и упоминается в источниках X в. как пункт остановки караванов на пути в Хорезм. Здесь регулярно проходили ярмарки, в том числе 20-дневная, которую называли «базаром Нового года». Из Варахши начинался 8-дневный путь через пустыню, на котором упоминаются пункты остановок — укрепленные караван-сарай: Амзах, рабат Таша, местность Шурух «до песков», рабат Тугана, рабат Хасана, Джигирбенд, местность Набагдина, «Теснина на реке», Мешекли, Шурахан, который уже называется как хорезмский город. В 4 фарсах от него стояла столица Хорезма — Кят, смытая рекой. Некоторые караван-сарай, например Джигирбенд, рабат Тугана, стояли на берегу реки; и отсюда можно было перейти на левобережную трассу.

Из Кята шли пути в Хазарасп, Хиву, а 4-дневный путь приводил в новую столицу — Гурганч.

В более позднее время Ибн Баттута сообщает о несколько иной трассе, по которой он шел сначала 4 дня из Гурганча в Кят, затем 6 дней двигался в Бухару по дороге, названной Сибайя, по пустыне без воды. Она выходила к Вабкенту, красивому городку с каналами и садами. Славился виноград Вабкента, сохранявшийся целый год, и плоды ал-алу, которые в сушеном виде вывозились вплоть до Индии и Китая. Отсюда шел путь (один день) среди садов в Бухару²⁴.

²⁰ Ибн Русте. ВГА. VII. С. 343—344; цит. по: Волин С. Л. Переводы Ибн Русте, Кудамы и других арабских географов // Архив ЛО ИВ АН, ф. 93, оп. 1, д. 21. 1959.

²¹ Истахри. Указ. соч. С. 337.

²² Истахри. С. 338; см. также: Материалы по истории туркмен и Туркменин. Т. I. М.: Л., 1939. С. 180.

²³ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.

²⁴ Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 80.

Таким образом, Бухара с глубокой древности вырастает как крупный торгово-ремесленный центр, связанный с важнейшими сухопутными торговыми трассами Востока, которые формируют высокий потенциал культурно-экономической жизни ведущих городских центров Хорасана и Мавераннахра.

Торгово-экономический потенциал Бухары в связи с ее положением на скрещивании караванных путей складывался из двух источников: во-первых, из реализации собственной ремесленной и сельскохозяйственной продукции города и оазиса, а во-вторых, из ретрансляции товаров соседних регионов.

Не останавливаясь здесь на детальной характеристике бухарских ремесел, являющейся темой особого исследования, нельзя не отметить хотя бы некоторые из них, известные в связи с торговым обменом по упомянутым выше трассам. В первую очередь, это касается производства шелка. Искусствовед Д. Шеперд (Франция), изучая шелковую ткань, хранящуюся в соборе г. Юи в Бельгии, обнаружила на ней торговую таможенную надпись тушью. Иранист В. Хеннинг определил ее как согдийскую надпись VII в., содержащую единицу измерения длины ткани, именуемой «занданечи». На основании этой находки в других музеях и хранилищах был выявлен целый ряд образцов шелковых тканей, близких по технике и стилю ткани из Юи. Они детально исследованы А. М. Беленицким и И. Б. Бентович, доказавшими путем широких аналогий безусловно согдийский характер этих тканей и связавшими их производство с бухарским селением Зандана²⁵, из которого, по Наршахи, еще в его время вывозили ткань «занданачи». Во многих селениях Бухары ткали подобную материю, которую вывозили в Ирак, Фарс, Кирман, Индустан. «Все вельможи и цари шьют из нее себе одежды и покупают ее по той же цене, как парчу». Наршахи описывает ткацкую мастерскую и самой Бухары — «байт-ат Тураз», где вырабатывались очень дорогие ткани, высоко ценившиеся в халифате, и сообщает, что занданачи была известна даже больше, чем эти ткани, хотя она была тогда уже не шелковой, а хлопчатобумажной²⁶.

На ранних же этапах занданачи представляла собой оригинальную шелковую ткань, которая широко шла не только на запад и юг, но даже на родину шелка, в Китай. В частности, сообщается о посылке в 718—719 гг. китайскому императору из Бухары этой ткани, известной как парча²⁷.

В связи с этим небезынтересно отметить западные названия шелка. Если в английском языке он называется «силк» (silk), в чем можно усмотреть латинское «серикон», ткань «серов», то в немецком она называется «зайдене» (seidene). Не является ли это отражением «зендени», которая широко сохранилась в музеях и соборах Европы? Зендень, зендянца была хорошо известна в разные времена на Руси²⁸.

Кроме тканей, в Китай из Бухары привозили вышитые ковры и покрывала из шелка.

Как показывают археологические исследования, в Бухаре и городах оазиса были развиты также керамическое и стеклодувное, металлургическое и ювелирное ремесла, обработка драгоценных камней.

²⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелководства//СА. 1961. № 2. С. 66—78.

²⁶ Наршахи. История Бухары/Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. С. 23—29.

²⁷ Laufer D. Sino-Iranica. Chicago, 1923. P. 490.

²⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С. 59; Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.//Труды ГИМ. Вып. XXI. М., 1952. С. 91.

Автор середины X в. Макдиси, специально отмечавший экспортные операции городов Востока, сообщает, что из Бухары вывозили мягкие ткани, молитвенные коврики, ковры, постельное белье для караван-сараев, медные светильники, топоры, конскую сбрую, ткани, жиры, газельи шкуры. Из городов и селений оазиса вывозили также: из Карминин — платки, из Дабусии и Вазара — ткань, которую правители Багдада называли хорасанским шелком. Объектом экспорта были также продукты животноводства и растениеводства (лошади, богатые арабскими кровями, мясо, дыни «ат-так», «каменный мед», ягоды, лекарственные травы)²⁹.

Как мы уже отмечали, не менее важной была роль Бухары как ретранслятора товаров. Истахри не случайно относил Хорезм к Мавераннахру, отмечая, что «главный город его за рекой и ближе к Бухаре, чем города Хорасана»³⁰. И именно отсюда вывозились меха соболя и белки, горноста́я и лисицы, кожа, шерсть, рабы и многое другое. С востока поступали также покрывала и кожаные изделия, шелковичные черви.

Активно вывозились воинские доспехи, оружие, изделия из металлов, ковры и шелковые ткани к кочевникам и на север, а через Хорезм в Хазарию и на Русь.

Все это сделало Бухару известным на востоке центром торгово-экономических связей и определило основные направления ее караванных связей, описанных восточными географами.

²⁹ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 95, 124, 171, 264—265; А. л. Макдиси. Ахсан ат-тасим фи маърифат ал-иклим. Ч. II. Техрон, 1377. С. 221—350 (см.: МИТТ. Т. I. С. 202).

Р. Г. МУКМИНОВА

БУХАРА — СТОЛИЦА ХАНСТВА, ГОРОД КУПЦОВ И ИСКУСНЫХ МАСТЕРОВ

Бухара, вдохновенно воспетая целой плеядой поэтов и писателей, на протяжении своей многовековой истории неоднократно становилась столицей крупных государств. Средневековые авторы именовали ее «благословенным и почитаемым городом», прославившимся видными факихами, учеными, поэтами, известными мазарами «шейхов и добродетельных людей». «По причине многочисленности ученых и [обилия] знаний ее называют родником ученых и науки», — писал в 40-х годах XVII в. Махмуд ибн Вали¹.

Один из периодов возвышения Бухары приходится на XVI в.

В период правления Убайдулла-хана, когда он был признан верховным правителем государства Шейбанидов (1533—1539 гг.), Бухара стала играть роль столицы этого государства, а в результате резко возрастает ее политическое и экономическое значение. Здесь возводятся новые монументальные и торговые постройки; расширяются границы города и в этой связи вновь сооружаются отдельные части крепостных стен.

«Город очень велик», — отмечал английский торговый агент и дипломат Антони Дженкинсон, посетивший Бухару в конце 1558 г. Безусловно, такое впечатление создавалось у путешественника в результате сравнения Бухары с городами Западной и Восточной Европы, которые он посетил до приезда в Центральную Азию. Его инфор-

¹ Махмуд ибн Вали. Мое тайн относительно доблести благородных (География)/Введ., пер., прим., указат. Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977. С. 22, 23, 76.

мация о том, что треть города принадлежала тогда купцам, позволяет судить о месте, которое занимала торговля в жизни Бухары середины XVI в.

Роль Бухары еще более возросла при «собирателе» уделов региона, Абдулла-хане. Тогда Бухара окончательно становится столицей Бухарского ханства. В этой связи разрастается территория города, возводятся новые монументальные здания мечетей, ханако, медресе, появляется множество торгово-ремесленных заведений: токов, тимов, чахорсуков, караван-сараев, ремесленных мастерских и лавок (дуконов).

Значительно увеличивается число искусных мастеров различных отраслей ремесленного производства, продукция которых пользовалась спросом не только в данном регионе, но и в других странах.

Одним из основных предметов внутренней и внешней торговли были ткани и ткацкие изделия. Например, кочевникам степей бухарские купцы поставляли в основном дешевую бязь. Когда Мухаммад Шейбани-хан решил выкупить попавших в плен узбекских султанов, он отправил в стан кочевников караваны верблюдов, груженных тюками карбасов (бязи). Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани отмечал, что степняки крайне нуждались в ткани карбас и охотно приобретали ее у купцов².

Разнообразные ткани из Бухары поставлялись, особенно с XVII в., в Россию, о чем мы узнаем из описей товаров, привозившихся в Москву бухарскими купцами.

Некоторые виды хлопчатобумажных и шелковых тканей вывозились из Бухары в Индию, Иран, Китай и другие страны. А в результате слово «бухарали» часто воспринималось там как «бухарский купец», а термином «бухари» стали обозначать целый ряд предметов.

Бухарский караван-сарай имелся в Астрахани, а в Баку до сих пор сохранилось здание караван-сарая, именуемого «бухарским». Словом «бухари» стали обозначать в Азербайджане каракулевые шапки. Посещение этой страны центральноазиатскими купцами наложило определенный отпечаток и на быт местного населения: и поныне устроенные в домах обогреватели (печки) называют там «бухари»³.

Из Бухары в другие страны прибывали не только купцы. Нередко туда отправлялись (или насильно переселялись) опытные мастера — ювелиры, шелкоткачи, золотошвеи и др., а вместе с ними в разных регионах распространялись их богатый опыт и традиции изготовления высококачественных изделий.

Купцы также выполняли не только торговые операции. Посещая различные страны, они получали там разнообразную информацию о состоянии их экономики, политической ситуации, содействовали взаимному обмену в области культуры и быта. «Купцы, — писал Алишер Навои, — благодаря своему ремеслу, путешествиям представление о стране и городах имеют, об удивительных вещах и диковинных событиях рассказывать умеют»⁴.

Надо сказать, что в крупных торгово-ремесленных центрах имелось специальное помещение — кази-хона, где производилось оформление юридических документов. В таких канцеляриях казни в присут-

² Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Мехман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя)/Пер., пред. и прим. Р. П. Джалилова. М., 1976. С. 101.

³ Мамедова Г. И., Мустафаев Т. Т. О торговых связях азербайджанских и среднеазиатских городов в XVIII в.//Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 103.

⁴ Алишер Навои. Возлюбленный сердец/Пер. А. Рустомова (рифмованная проза)//Соч. Т. X. Ташкент, 1970. С. 31.

ствии «достойных доверия» свидетелей рассматривали разнообразные гражданские дела, касающиеся повседневной жизни и производственной деятельности горожан. Там же заключались письменные договоры о продаже движимого и недвижимого имущества, предоставлении в аренду и закладе лавок-мастерских (дуканов), о поступлении к мастеру-устоду ученика-шогирда (с указанием срока обучения и условий, которые должна была выполнять каждая из сторон), о сдаче денег в оборот (причем в акте указывались сумма, внесенная каждым компаньоном, и причитающаяся ему доля прибыли).

Значительный интерес представляют сведения источников о торговых компаниях. Компаньоны вели торговлю за счет капитала, который складывался из их паев. При этом, как оговорено в одном из документов из сборника «Хутут-и каза», не следовало указывать конкретную сумму, причитающуюся по завершении торговой операции каждому из компаньонов, ибо предусмотреть заранее точный размер выручки было невозможно.

В международной торговле, приносившей огромные доходы, наряду с купцами участвовали и феодальные правители. Так, Аштарханид Убайдулла-хан (1702—1711 гг.) отправил из Бухары в Астрахань (Хаджи-Тархан) 30 верблюжьих вьюков с целью «продать и, продав, купить всяких товаров на свой ханский обиход».

Как правило, для снаряжения каравана государям приходилось занимать у купцов и других своих богатых подданных солидные суммы, которые, впрочем, они часто не возвращали, о чем свидетельствуют документальные данные.

Вместе с тем, купцы могли получить от государя соответствующую охранную грамоту, в определенной степени обеспечивавшую им безопасность в пути и по приезде в город.

Правители ханства были заинтересованы в расширении торговли с другими государствами. Так, А. Дженкинсон описывает в своем дневнике действия бухарского хана, который отправил отряд для поисков грабителей, отнявших у участников одного каравана разные товары, в том числе и его. Грабители были пойманы, вещи возвращены английскому представителю торговой компании и другим владельцам, а разбойники наказаны. Подобный поступок бухарского хана, оказавшего покровительство иностранным купцам, привел в восхищение А. Дженкинсона.

Можно вспомнить здесь и поступок Амира Темура, по приказу которого купцам были возвращены их товары. Согласно Шарафиддину Али Язди, в ходе сражений под Карши военачальники — баходиры Амира Темура приняли купцов за политических противников и вступили с ними в бой, а одержав победу, отняли у них четыре тюка дорогостоящей ткани кимхоб и преподнесли их Амиру Темуру. Однако Темура приказал вернуть все товары их владельцам⁵.

В выданных купцам грамотах, включенных в сборник документов «Мактубат ва аснад», перечисляются разнообразные сборы, которые взимались с товаров. Причем от степени оказанных государю услуг зависело количество сборов, от которых освобождался тот или иной купец⁶.

За особые заслуги перед правителем купец мог быть возведен в сан тархана, т. е. освобождался от торговых сборов и получал особые привилегии, в том числе право беспрепятственного доступа к хану.

⁵ Ш а р а ф у д д и н А л и Я з д и й. Зафарнома/Нашрга тайёрлаш, сўз боши, изоҳ ва кўрсатқичлар А. Уринбоевники. Тошкент, 1972. Л. 1246; С. 268.

⁶ Мактубат ва аснад. Ркп. С.-Петербургского отделения ИВ РАН, А-210, л. 776, 1706 и др.

Тарханские грамоты, как правило, выдавались удельным правителям, крупным землевладельцам. Однако изредка упоминаются и тарханы-купцы, в том числе чужестранцы. Так, за оказанные ему услуги Шейбани-хан покровительствовал туркестанскому купцу Фазылу. Последний стал обладателем тарханной грамоты купца и пользовался соответствующими привилегиями. Впрочем, из сообщения Захириддина Мухаммад Бабура можно сделать выводы, что привилегии тарханства предоставлялись купцам не очень часто⁷. Награждение тарханной грамотой применялось, кстати сказать, и на Руси. В XVII в., например, люди купца и промышленника Строганова имели тарханную грамоту государя⁸.

Во внутренней и особенно внешней торговле принимали участие представители светской и духовной знати. В XVI в., как видно из документов, особое место занимали богатейшие феодалы — джуйбарские шейхи Ходжа Ислам и его сын Ходжа Са'д. Их доходы с многочисленных земельных участков, имевшихся в разных областях Центральной Азии, существенно пополнялись за счет прибыли, получаемой с торговых лавок, токов, тимов, ремесленных мастерских, располагавшихся не только в Бухаре, но и в других городах Мавераннахра. Число их постоянно расширялось за счет покупки и строительства новых объектов. За двадцать лет, с 1544 по 1563 г., Ходжа Ислам скупил в Мавераннахре свыше ста лавок и мастерских на общую сумму около 5500 танга.

При Абдулла-хане были проведены мероприятия по благоустройству и безопасности дорог, что способствовало дальнейшему расширению внешней торговли Бухары.

Доходы, получаемые от внешней торговли, были огромны. И это побуждало купцов отправляться в дальние страны. Как писал Алишер Навои, «они на верблюдах пустыню пересекают, переваливают через горные хребты, испытывают ужасы морских бурь». Чтобы жить честно добытым хлебом, им приходится очень много ездить и переживать великие трудности. Вместе с тем Навои считает, что основная цель купцов — любым путем, хитростью и обманом, накопить богатство. Мудрый поэт предупреждает тех, кто «свои сто до тысячи довести мечтают, холст шелком заменить желают»: «не должна быть прибыль единственной целью купца... ради жемчуга он не должен лезть в пасть зубастых китов». «Чтобы сберечь дорогую материю, он не должен плохо одеваться, чтобы накопить продовольствие, он не должен черствым хлебом наедаться»⁹.

Особенно большие доходы приносила внешняя торговля. Купеческие караваны отправлялись во многие страны, в том числе в Россию. Один из них, по словам Бадриддина Кашмири, был благосклонно встречен в Москве¹⁰.

Бухара по праву считалась городом купцов и торговцев. Она выступала как один из важнейших центров торговли и ремесла обширного региона. Ее роль в политической, экономической и культурной жизни страны особенно возросла в годы правления Шейбанида Абдулла-хана (фактически правил с 1556 по 1598 г.). Именно тогда в городе были созданы многие новые торгово-ремесленные заведе-

⁷ Zahir al-Din Muhammad Babur. Babur-nama (Vaqa'yi')/Critical edition based on four chaghatay texts with introduction and notes by Eiji Mano. Kyoto, 1995. P. 123 (20). См. также: Мактубат ва аснад, л. 1716.

⁸ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962. С. 209.

⁹ Алишер Навои. Возлюбленный сердец. С. 31.

¹⁰ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 2094, л. 90—91.

ния — лавки, мастерские, пассажи, караван-сарай. Вдоль караванных путей были построены крытые водоемы.

Активное участие в строительстве торговых сооружений принимали джуйбарские шейхи, деятельность которых поддерживалась Абдулла-ханом. Ходжа Ислам и его сын Ходжа Са'д вкладывали огромные средства в строительство гражданских сооружений. По распоряжению Ходжа Са'да были возведены (по другим данным — отремонтированы) два огромных караван-сарая из жженого кирпича — один на Чорсу, в «даруни шахр», второй — в квартале менял валюты — Саррафон, в «Бируни шахр». Последний был очень большим. Здесь собирались «арабские и неарабские» оптовые торговцы и купцы (соудагарон ва туджарон)¹¹.

Торговля непосредственно была связана с изменениями в области денежного обращения. Проводившиеся в XV—XVI вв. денежные реформы имели своим результатом значительную стабилизацию товарно-денежного обращения. Рынки Бухары, на которых реализовывались разнообразные товары, привлекали в город деньги, что способствовало развитию торговых компаний — ширкат и своеобразных форм банков того времени — сарраф-хана, деятельность которых, как и самих саррафов, нашла отражение в документах.

Во второй половине XVI в. Бухара стала центром частного предпринимательства, кредита и обмена денег. Дальнейшее развитие получили денежные расчеты, ростовщический кредит, письменно фиксировавшиеся в кази-хона. Наблюдается активная деятельность саррафов, обменивавших иностранную валюту на местную, а также крупные деньги на мелкие, и наоборот. Они предоставляли деньги в ссуду под проценты, принимали деньги и ценности на хранение. Ярким свидетельством широкой деятельности саррафов служит наличие в Бухаре того времени специального помещения — Дома менял — сарраф-хона¹². Действовал и караван-сарай саррафов. О количестве саррафов и их огромной роли в жизни города свидетельствуют также: наличие в Бухаре Перекрестка саррафов — Чахорсук-и саррафон, улицы Саррафов и, видимо, здесь же располагавшейся, мечети саррафов. Имелись и сохранившаяся до наших дней Баня саррафов, а также Мост саррафов. Саррафы возглавляли и торговые караваны. Один из них, согласно мемуарам Зайниддина Васафи, в 1512 г. возглавил большой караван, направлявшийся из Герата в Самарканд¹³.

Известно, что шариат запрещал мусульманам заниматься ростовщичеством. Однако, в обход запрета, отдельные лица прибегали к завуалированной форме взимания процентов с предоставленной ими денежной ссуды. При этом в акте исчисления ростовщического процента выражалось платой якобы за хранение какого-либо предмета домашнего обихода, например обычного ножа, принадлежащего человеку, получившему ссуду.

Как показывают документальные материалы XV — начала XVII в., купечество играло большую роль в делах государства. Купцы и ремесленники принимали непосредственное участие в общественно-политической, экономической и культурной жизни общества.

Оптовая торговля велась не только за наличные деньги. Юридические документы свидетельствуют о торговых сделках по векселям, которые, как оговаривается в актах, могли «служить при необходимости» документом. В одном из подобных документов сообщается о про-

¹¹ Там же, л. 295.

¹² Мактубат ва аснад, л. 141а.

¹³ Зайн ад-Дин Васафи. Бадаи' ал-вакаи'/Крит. текст, введ. и указат. А. Н. Болдырева. Т. I. М., 1961. С. 19.

даже в форме отсроченных платежей текстильных изделий. В списке товаров, полученных по данному векселю, значится четырнадцать наименований тканей, в основном индийских.

Получение по расписке большого числа дорогих тканей требовало определенных гарантий. Обычно ответственность за обеспечение выполнения обязательств брало на себя авторитетное лицо. Подобные акты касаются получения товаров по расписке и оптовой торговле продукцией текстильной промышленности — одной из наиболее развитых отраслей ремесла в Бухарском ханстве.

Интересно отметить, что Убайдулла Аштарханид попытался отстранить от власти могущественных сепаратистски настроенных феодалов, заменив их в государственных учреждениях выходцами из торговцев и ремесленников, людьми «безродными», «низкого происхождения», как характеризует их историк Мир Мухаммад Амин. «К государю получили доступ, — с возмущением отмечает он, — подлые люди: дети ремесленников и торговцев пытались приблизиться к самым почетным должностям». Однако реакционно настроенные феодалы были более могущественны. Они смогли избавиться от реформатора: Убайдулла-хан был убит. И тем не менее, данный факт красноречиво говорит о роли купцов и ремесленников во всех сферах жизни города. Недаром Мухаммед-Рахим Мангыт также пытался позднее опереться на них.

Все эти факты проливают дополнительный свет на многовековую историю древней, но вечно молодой Бухары.

А. А. АГЗАМОВА

К ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ БУХАРЫ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В период позднего средневековья резко возрастает роль Бухары как крупного торгово-экономического центра Центральной Азии. Тому во многом способствовал выбор шейбанидскими правителями Бухары стольным городом государства. Шейбаниды, Аштарханиды и Мангыты уделяли Бухаре более пристальное внимание, чем другим городам ханства. При шейбанидских правителях Убайдулла-хане, его сыне Абдулазиз-хане и Абдулла-хане II в городе возводятся, наряду с новыми медресе, мечетями, ханака, и сооружения торгово-экономического характера — тиму, чахарсуки, токи, караван-сарай, дукканы и др.

Именно в этот период значительно возросла значимость города как крупного торгово-экономического центра государства. Большую роль в этом сыграло расположение Бухары на транзитных торговых трассах. Здесь скрещивались пути купцов, путешественников, послов ближних и далеких стран, кочевой степи и соседних городов. Они начинались с одиннадцати городских ворот и шли по разным направлениям.

В распоряжении местных и иноземных купцов было множество караван-сараев. С развитием торгово-экономической жизни число их значительно возросло. Это ясно видно, в частности, на конкретных материалах источников первой половины XIX в. Так, если по сообщению Е. К. Мейендорфа, в 20-х годах XIX в. в городе насчитывалось 14 караван-сараев¹, то в 30-х годах XIX в., согласно данным П. И. Демезона и И. В. Виткевича, их число достигло 25². В 40-х годах прош-

¹ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 100.

² Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М., 1963. С. 58, 99.

лого столетия Н. В. Ханыков приводит уже названия 25 «каменных» и 14 «деревянных» караван-сараев³.

Развитие торгово-экономической жизни и расширение взаимосвязей Бухарского ханства, в частности г. Бухары, с другими городами, степью и отдаленными странами во многом способствовали более активному втягиванию разных слоев общества в торгово-экономическую деятельность. Как писал А. Д. Гребенкин, «торговлей занимаются через других муллы, имамы, мударрисы, аксакалы — одним словом, все лица, которые владеют известной суммой свободных денег»⁴. Действительно, среди лиц, занимавшихся торговлей и владевших многими торгово-экономическими заведениями, были представители разных слоев общества.

Важная роль в этом деле принадлежала представителям правящих династий. Будучи крупными владельцами земель, разных видов недвижимости и денежных средств, они нередко вкладывали свои капиталы в сферу торговли, часто направляли караваны, груженные разнообразными товарами центральноазиатского происхождения, в иностранные государства. Ярким примером тому могут служить фактические данные о посольстве во главе с купцом Ходжа Наурузом, отправленным Имамкули-ханом в Московское государство для торговых целей⁵. Этот караван, состоявший из 300 человек⁶, был задержан в Самаре местными властями. Ходжа Науруз писал в 1614 г. царю Михаилу Федоровичу в жалобе: «...А. после того, как я приехал в Казань и что у меня было товару государя моего бухарского царя, и со всего взята пошлина...»⁷

Об участии верховных правителей Бухары в международной торговле свидетельствуют и данные, относящиеся еще к концу XVI в. Так, в челобитной бухарского посла Мухаммада Али царю Федору Ивановичу от 11 ноября 1585 г. отмечается, что вместе с дарами для царя «да послал наш государь Абдуллай в твою государеву отчину товару со мною 2000 зенденей всяким цветом, 200 мелей, 100 объяренных зенденей, 100 дороги, 150 кушаков бумажных, 40 пуд краски»⁸.

Внушительные масштабы подобной торговой деятельности подтверждаются и на примерах участия в международной торговле других правителей Бухарского государства. Так, в челобитной 1634 г. прибывшего в Ярославль бухарского купца Ходжа Ата-кули царю Михаилу Федоровичу о разрешении беспошлинно продавать привезенные им товары бухарского правителя, в частности, отмечается: «А товару государь со мной в Ярославль пришло царева: 2626 зенденей червчатых, да 2000 зенденей цветных чаровых, 1530 зенденей семенди цветных, 735 ансырей шелку ласу, 38 киндяков, 325 пестредей, 664 балха белых бязей, 30 аязмов зенденных, 200 ямей бязи, 70 выбоск...»⁹ Подобного рода примеров в письменных источниках рассматриваемого периода имеется немало.

В торгово-экономической жизни Бухары активно участвовали и многие государственные чиновники ханства. Например, в 20-х годах XIX в. Е. К. Мейендорф отмечал, что «особенно правительственные чиновники» занимались широкой торговой деятельностью. В большин-

³ Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. М., 1843. С. 88, 89.

⁴ Гребенкин А. Д. Таджики//Русский Туркестан. Вып. II. 1872. С. 26.

⁵ Труды Вост. отд. Русского Археологического общества. Т. XXI. СПб., 1892. С. 259.

⁶ Материалы по истории Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. М.; Л., 1932. С. 407.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Там же. С. 98.

⁹ Там же. С. 143.

стве случаев сфера этой деятельности выходила за рамки Бухарского ханства и была тесно взаимосвязана с внешней торговлей. Одним из таких чиновников в XIX в. был кушбег. Будучи первым министром ханства, он, помимо участия во внутренней торговле, вел активную деятельность в сфере международной торговли Бухары. Под его протекцией отдельные купцы нередко назначались караван-баши торговых караванов, следовавших в дальние страны. Вместе с тем они должны были совершать по поручению кушбеги определенные торговые сделки в его пользу. Так, в источнике первой половины XIX в. упоминается о некоем караван-баши Рахимбае, который, по словам П. И. Демезона, «отправился в Москву, чтобы продать принадлежащие кушбеги шали; найдя цены на них на ярмарке в Нижнем Новгороде не подходящими, вернуться в Бухару прежде, чем он выгодно продаст их, Рахимбай не осмеливался»¹⁰. Тот же автор упоминает о «хозяине каравана» Нияз Мухаммаде. «Сей старец (ему больше 65 лет) ...свое место... занимал благодаря содействию кушбеги, с которым имел дела. ...Он отправил все свои товары в Бухару...»¹¹

Торговлей, особенно внешней, кроме многочисленных чиновников, занимались и их приближенные. По конкретным данным 30-х годов XIX в., одним из них был Гадигар-бек, человек лет сорока, который был «в родственных отношениях с кушбег, женатым на его сестре». Связанный с кушбег родственными узами, он принимал активное участие в торговой жизни города, в частности в сфере внешней торговли. П. И. Демезон отзываясь о нем так: «Гадигар-бек занимался торговлей, имел приказчиков, обязанных доставлять его товары в различные уголки России и Туркестана. Он следовал примеру тех..., не очень богатых, которые утром съездив на поклон к хану, возвращаются в свои караван-сарай и не занимаются ничем, кроме своих тканей и своего хлопка»¹².

Представители правящих династий нередко прибегали к финансовой помощи крупных купцов. Последние снабжали их соответствующей долей капитала, в котором они нуждались, особенно в те годы, когда в стране наблюдался экономический спад. Так, автор XVI в. Хасанходжа Нисари пишет: «Хусайн Алоуддин является одним из влиятельных купцов Бухары. По торговым делам он имел отношения со многими султанами». Примечательно, что Убайдулла-хан не вернул ему тысячу танга, которые Хусайн Алоуддин выделил для торговых операций хана¹³.

Деятельность как горожан, так и сельчан в торгово-экономической сфере была тесно взаимосвязана с внутренней и внешней политической жизнью государства. Частые междоусобные войны и борьба за власть между представителями правящих династий всегда отрицательно отражались на хозяйственной жизни страны и состоянии торговли. В этих ситуациях правители нередко прибегали к финансовой помощи крупных представителей торговли, заинтересованных в укреплении центральной власти. Об одном из таких случаев сообщает и автор XVII в. Малеха, по свидетельству которого, «казна оказалась пустой, и Субхан-кули-хан для содержания своего войска влез в долги к торговцам»¹⁴.

¹⁰ Записки о Бухарском ханстве... С. 27.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 41.

¹³ Хасанходжа Нисарий. Музакири ахбоб/Форс тилидан Исмоил Бекжон таржимаси. Тошкент, 1993. С. 86.

¹⁴ Цит. по: Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники) Ташкент, 1985. С. 177.

Автор начала XVIII в. Мир Мухаммад Амин-и Бухари также свидетельствует о займах богатых лиц и купцов правящему дому. «Финансовые чиновники небовидного дворца, — пишет он, — забирали в долги и у богатых лиц города и торговцев на производство нужных и ненужных расходов казначейства много денег, так что средств дивана на покрытие [долгов] не хватало, расходы же государя день ото дня все увеличивались»¹⁵.

Подобные акции имели место в истории Бухары нередко и в конечном итоге приводили к обеднению состоятельных слоев страны, в частности купцов Бухары. Реакция последних на подобные явления не всегда была одинаковой. Во многих случаях купцы вынуждены были прибегать к различным ухищрениям, скрывали реальный объем своего состояния. Так, Ф. Беневени, посетивший Бухару в 20-х годах XVIII в., когда там наблюдался полный хаос политической и экономической жизни, отмечал: «Здесь одному приезжему торговому за деньги вдруг свой товар продать не возможно, для того, что здесь не сыщется такой торговый богатый [человек]. Токмо перепродавцы товар беруг в долг, а заплачивают как продадут в лавке. Не без того, что и денежный человек и сыщется, однако ж со страху... себя не оказывает»¹⁶.

Подобные явления наблюдались и в последующее время. Например, автор второй половины XIX в. отмечал: «Больших капиталов в Средней Азии нет. Торговля по большей части производится в кредит. В кредит товар набирается у более крупных торговцев, небольшими партиями...»¹⁷ О причинах, препятствовавших накоплению капитала у купцов, Л. Костенко писал: «Когда понадобится хану, он отправляется с визитом к какому-нибудь купцу или чиновнику, у которого почему-либо предполагает запасы капиталов. Иногда и просто отдается приказание собрать с купцов известную дань. Перед войною также обходятся всякие церемонии и лицам богатым предписывается сарядить на свой счет известное число ратников и выставить их в поле». Отсюда Л. Костенко делает вывод: «Понятно, что каждый, сколько-нибудь успевший нажить себе капитал, должен скрывать его, притворяться неимущим, и чтобы не навлечь на себя внимание власти, должен избегать оптовой торговли»¹⁸.

Разумеется, в Бухарском ханстве и в его стольном граде были и богатые купцы со свойственными им традициями и навыками, складывавшимися на протяжении веков в коммерческом мире Востока. Владея определенными капиталами, они принимали активное участие во внутренней и внешней торговле страны. В первой половине XIX в. их роль в сфере оптовой торговли значительно возросла. Через своих многочисленных приказчиков-скупщиков они закупали сырье у непосредственных производителей — хлопок, каракулевые шкурки, шелк-сырец и др.

Источник 30-х годов XIX в. сообщает, что эта категория торговцев ездила по селениям ханства, где в определенные базарные дни производила закупку сырья. Приобретенный таким образом товар они складывали в специальных помещениях, отведенных для каждого вида товара. Здесь же производилась его дальнейшая реализация. Таким был, например, караван-сарай «Пахта», где складывалась «хлоп-

¹⁵ Мир Мухаммад Амин-и Бухари. Убайдулла-наме/Пер. с перс.-тадж. и прим. А. А. Семенова. Ташкент, 1957. С. 156—157.

¹⁶ Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. М., 1986. С. 71.

¹⁷ Костенко Л. Среднеазиатская торговля//Туркестанские ведомости. 1871. № 5.

¹⁸ Там же.

чатая бумага». «Сарай Пахта — хлопчатой бумаги...— пишет И. В. Виткевич. — Из деревень товар этот сами поселяне не привозят, но барышники ездят по деревням в базарные дни, закупают бумагу и сваливают ее здесь»¹⁹.

В позднесредневековый период в торговой жизни г. Бухары активизируется и деятельность мелких скупщиков готовых товаров и разных сельскохозяйственных продуктов. Их роль в экономике города особенно возрастала в те годы, когда в государстве происходили феодальные междоусобицы и политические неурядицы. Последние отрицательно влияли на хозяйственные связи города и села, что в конечном итоге пагубно отражалось на их экономике. В такие периоды особенно выделяется фигура скупщика готовой продукции²⁰. С развитием товарно-денежных отношений в Бухаре стали более четко выделяться лица, специализировавшиеся на скупке определенного вида готовой продукции и ее реализации. В конце XVIII — начале XIX в. в их числе можно особо отметить скупщиков тканей и ткацкого сырья — камисий, металлических изделий — фузулутфуруш, обуви и гончарных изделий — вофуруш и др.²¹

В рассматриваемый период для Бухары было характерно также выделение фигуры более мелких представителей торговцев, которые переходили с базара на базар, странствуя по определенному региону. Они скупали на деревенских базарах на наличные деньги разные продукты и товары или производили обмен товаров, а затем перепродавали их на городских рынках. С накоплением определенного капитала они приобретали на правах аренды лавку или открывали свою, обретая тем самым новый статус — джаллял-саттарош, которые брали товары в кредит у более богатых купцов города²².

Надо сказать также, что ханы шейбанидской, аштарханидской династий и мангытские амиры, а также их приближенные, помимо многочисленных доходов, поступавших от всякого рода торговых операций, различных налогов и пошлин от внутренней и внешней торговли, владели разными торгово-экономическими объектами, которые также приносили им большие денежные доходы. Как правило, будучи обладателями крупных земельных угодий, они имели также множество торгово-ремесленных заведений, караван-сараяв и т. д.

В этой связи представляют большой интерес данные, приводимые П. И. Демезоном и И. В. Виткевичем, относительно караван-сараяв г. Бухары начала 20—30-х годов XIX в. Согласно им, в городе функционировали, наряду с другими, караван-сарай, принадлежавшие эмиру — «Новый сарай Амира» и «Старый сарай Амира». Первый из них был расположен «около бассейна Диван-Беги». Там можно было «найти лишь каракулевые шкуры, а Старый сарай Амира служил лишь только кладовой, где бухарские купцы хранили хлопок»²³.

Другой вид торгово-экономических заведений — дуканы, как и караван-сарай, тоже находились в частной собственности многих чиновников, знатных лиц и др. Ярким примером тому может служить документ XVI в. о приобретении Ходжа Мухаммад Исламом Джуйбари дуккана внутри тима торговцев платьем в Бухаре. Интересен этот документ тем, что в нем упоминаются имена таких знаменито-

¹⁹ Записки о Бухарском ханстве... С. 101.

²⁰ История Узбекистана (XVI — первая половина XIX в.). Т. 3. Ташкент, 1993. С. 135.

²¹ Турсунов Н. С. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). Душанбе, 1991. С. 126.

²² Гребенкин А. Д. Указ. статья. С. 25.

²³ Записки о Бухарском ханстве... С. 57, 101.

стей начала XVI в., как Баки Тархан — правитель Бухары и Лятиф Мирек, который был одним из приближенных амира Убайдуллы-хана Шейбанида. В документе, в частности, упоминаются караван-сарай Лятифа Мирека и «дуккан-ханэ, оставшийся после [смерти] амира Баки Тархана, сына амира Абд аль-Али Тархана»²⁴.

Крупные торгово-производственные сооружения были частью собственности многих чиновников и высокопоставленных лиц и в последующие столетия. Так, в первой половине XIX в. в числе караван-сараяв Бухары упоминаются сараи приближенных амира — Раджаббека-диванбеги и кушбеги, где последний «проводил большую часть времени... в особой комнате»²⁵. Кроме того, он активно участвовал и в других сферах торгово-экономической жизни города. Например, на правах откупа он владел таможеней в Кагатаме. По свидетельству очевидца, «тут есть дом кушбегиа, в котором собирают пошлину — баджхана, таможенный дом. Здесь же, в Кагатаме, сам кушбеги, великий ловчий, сокольничий, который держит пошлину на откуп и платит, как говорят, хану 80 тыс. бухарских червонных»²⁶.

Представители мусульманского духовенства, как и многие другие зажиточные лица, тоже участвовали в международной торговле, снаряжали караваны в дальние страны и нередко сами же их возглавляли. Так, согласно ярлыку Имамкули-хана (1633 г.), одним из них был Камалиддин Ходжа Ата-кули. В ярлыке, в частности, говорится: «...Хаджи обоих священных городов Камал-ад-дин Хаджи-Ата-кули принадлежит к числу рабов этого дома, ... пусть он раздобудет, приложив старание, и доставит из ценных товаров и материй стран Индийской и Ирака и Тюрэ и Казани и Москвы и прочих стран... то, что нужно»²⁷.

Представителям духовенства, наряду с крупными земельными участками, принадлежали и многие торгово-экономические заведения. Например, в одном из документов XVI в. отмечен «дуккан лучшего из муфтиев Маулана Мухаммед Амина»²⁸. Подобные факты встречаются и в других источниках.

Верхушка духовенства, владея огромными финансовыми средствами, скупала у обедневших владельцев большое количество торгово-ремесленных заведений. Так, крупный джуйбарский шейх Ходжа Ислам на протяжении 1544—1563 гг. скупил 104 лавки и мастерские. Его преемник — Ходжа Са'д занимался тем же. Кроме того, немало торгово-ремесленных заведений джуйбарские шейхи построили сами. Например, при Ходжа Са'де было построено 12 объектов — дукканы, торговые ряды (раст-и базар), крытые базары, караван-сарай, торговые бани (хаммам)²⁹.

Итак, анализ данных из источников XVI — первой половины XIX в. показывает, что в торгово-экономической жизни позднесредневековой Бухары участвовали представители разных слоев городского общества. Активная торговая деятельность купцов, ханов, амиров, высокопоставленных чиновников, представителей мусульманского духовенства и других лиц способствовала накоплению определенного капитала и развитию экономики города, а также усилению роли Бухары как крупного торгового центра региона.

²⁴ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов: К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. Док. № 264.

²⁵ Записки о Бухарском ханстве... С. 99—101.

²⁶ Там же. С. 94.

²⁷ Материалы по истории... С. 139.

²⁸ Иванов П. П. Хозяйство... Док. № 7.

²⁹ Там же. С. 63.

БУХАРА ПОД РОССИЙСКИМ ПРОТЕКТОРАТОМ

В первой половине XVIII в. отдельные крупные землевладельцы, купцы и ремесленники, большинство населения Бухарского ханата желали укрепления центральной власти. Такую попытку предпринял сын Субханкули-хана Убайдулла (1702—1711), который, объединив разрозненные области, восстановил целостность государства. Убайдулла-хан был последним Джанидом, открыто выступившим за усиление верховной власти и объединение страны, против сепаратизма. После его смерти распад государства обозначился совершенно определенно. О дальнейшем падении авторитета центральной власти сообщали авторы ряда письменных источников, как местных, так и иностранных, в том числе Флорио Беневени. Он писал, что «каждая область со своей столицей не подчиняется Бухаре и имеет своих независимых правителей...»¹ В конечном счете это привело к тому, что в 1740 г. Бухара становится вассальным владением иранского шаха. В 1747 г., после смерти Надир-шаха, к власти в Бухаре приходит Мухаммад Рахим-бий, который в 1756 г. был поднят на белом войлоке амирами четырех узбекских родов — мангытов, хитай-кипчаков, бахринов и сараев. Он стал первым ханом — основоположником Мангытской династии, последней в истории Бухарского государства, просуществовавшего до 1920 г. Со времени его правления Бухарское ханство стало называться амиратом.

Существенные изменения происходили тем временем и в России. Развитие капиталистических отношений в России XIX в. настойчиво требовало захвата новых территорий, могущих послужить источниками сырья и рынками сбыта промышленных изделий.

Русская буржуазия, остро нуждаясь в хлопке, до 1861 г. ввозила его в основном из США. Но во время гражданской войны в США (1861—1865) вывоз хлопка из Северной Америки резко сократился, а в результате в хлопчатобумажной промышленности России возник кризис, вызвавший закрытие отдельных фабрик и массовое увольнение рабочих. К тому же из-за произвольных пошлин, налагаемых узбекскими ханами на товары русских купцов, с 1852 г. значительно сократились их поездки в регион; русские торговые и промышленные фирмы вынуждены были прибегать к посредничеству казанских и уфимских купцов. В связи с этим в Министерство иностранных дел была подана записка, в которой требовалось добиваться создания в ханствах благоприятных условий для деятельности русского купечества. Опасность сокращения товарооборота между Россией и ханствами в 40—50-х годах заставляет русских капиталистов и купцов, в первую очередь владельцев московских текстильных фабрик, усиливать нажим на правительство и требовать от него более энергичной политики по отношению к ханствам. Издававшиеся в Москве и Петербурге влиятельные русские журналы и газеты, выражавшие интересы владельцев хлопчатобумажных предприятий, в 1862—1863 гг. стали открыто высказываться о необходимости продвижения царизма в Центральную Азию для обеспечения промышленности хлопком.

Этот регион привлекал российское правительство и предпринимательские круги тем, что он в случае завоевания мог бы не только послужить богатым источником сырья для текстильной промышленности

¹ Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. М., 1986. С. 78.

России, но и стать обширным рынком для сбыта русских промышленных товаров.

В 40—50-х годах XIX в. царизм, однако, еще не решался вступить на путь открытого завоевания ханств. Общее международное положение России в связи с революционными событиями в Европе в 1848 г. и Крымской войной 1853—1856 гг. не благоприятствовало завоевательным планам в Центральной Азии. Тем не менее царское правительство проявляло все больший интерес к азиатскому вопросу. Наряду с усилением деятельности царских дипломатов началось широкое изучение политического и экономического состояния ханств, караванных путей в Центральную Азию и т. д.

Надо сказать, что по вопросу о разворачивании наступательных действий против ханств существовали разногласия между Военным министерством и Министерством иностранных дел. Военный министр Д. А. Милютин стоял за активные действия в Центральной Азии, а министр иностранных дел, вице-канцлер князь А. М. Горчаков настаивал на осторожности, опасаясь осложнений в англо-русских отношениях. Территория между Амударьей и Сырдарьей привлекала внимание не только России, но и Англии, которая свои захватнические планы в отношении этого региона прикрывала лозунгом обеспечения безопасности Индии. Поэтому уже в 20-х годах XIX в. ханства становятся ареной соперничества между Англией и Россией. Мнение Горчакова поддерживало и Министерство финансов, которое отказывалось от немедленного финансирования наступательных операций.

В конечном счете, однако, победу одержал военный министр Милютин, который с полным одобрением отнесся к Записке, составленной в октябре 1864 г. для Александра II в Министерстве иностранных дел, где говорилось о «тайнственном, но непродолимом тяготении» России к Востоку. В 1858 г. в Бухару была направлена миссия во главе с полковником Н. П. Игнатьевым, которая добилась некоторых результатов — бухарский амир согласился удовлетворить основные требования, предъявленные Игнатьевым, которые заключались в уменьшении пошлин на русские товары, создании временного торгового агентства в Бухаре. После возвращения миссии Игнатьева начинается разработка планов военного наступления царизма на ханства.

В этот период наблюдается заметный подъем в экономике Бухары, развиваются товарно-денежные отношения, оживились торговые и посольские сношения Бухары с Россией. Только с 1800 по 1836 г. в Бухару прибыло три русских посольства. Бухарский амир, в свою очередь, только с 1836 по 1843 г. снарядил в Россию три посольства для переговоров о расширении русско-бухарских торговых связей. Обмен посольствами продолжался до 60-х годов XIX в. Таким образом, обе стороны были заинтересованы в поддержании и расширении посольских и торговых взаимоотношений.

В 40—50-е годы XIX в. Россия проявляет все больший интерес к Туркестану. Активные же военные действия против Кокандского ханства начались в 1864 г. Разумеется, агрессия царской России в Туркестане не могла не привести к столкновению ее с Бухарским амиратом — наиболее крупным центральноазиатским государством.

Бухарский амират в тот период занимал довольно обширную территорию — Бухарский оазис, среднее и верхнее течение Зарафшана с Самаркандом, Пянджикентом, большую часть Туркмении с долиной Мургаба, где находился г. Мерв, часть Афганского Туркестана, а также Восточную Бухару, т. е. почти всю нынешнюю территорию Таджикистана.

Население г. Бухары было многонациональным. Здесь жили узбеки, таджики, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, евреи, персы, арабы, цыгане. Национальное большинство в эмирате составляли узбеки — 1,5 млн. человек².

Экономической основой эмирата служило сельское хозяйство, главным образом земледелие, скотоводство и огородничество. Дехкане выращивали ячмень, пшеницу, рис, просо, хлопок, маш, кукурузу, кунжут и др.³

Значительную роль в хозяйственной жизни города играло кустарное производство, имевшее многовековую историю. Особенно процветало ткачество. Развивались и такие виды ремесленного производства, как медное, гончарное, литейное, камнеобрабатывающее, деревообрабатывающее, гончарное и др. Кустарным образом разрабатывались в эмирате железная руда, золото, горный хрусталь, каменная соль, сера.

Бухара была столицей и одним из самых крупных городов эмирата, насчитывавшим 80 тыс. жителей. Город этот занимал исключительное положение и составлял особую, управляемую первым министром ханства административную единицу, в состав которой входило еще 9 амлякдарств, или туманов, непосредственно подчиненных Бухаре: Каракульский, Зинданский, Пирматский, Гиждуванский, Канимехский, Ваганзинский, Вабкентский, Шафирканский и Яратепинский. Во главе вилайетов стояли правители — хакимы или беки. Последние, как и амлякдары, управлявшие туманами, назначались и сменялись непосредственно эмиром по представлению кушбеги.

Бухара XIX в. была феодальным городом. Большая часть земли принадлежала феодалам, эмирским чиновникам, духовенству. Первым крупным землевладельцем в Бухаре был сам эмир, в личном пользовании которого находилось более тысячи десятин земли. За эмиром следовали беки — крупные землевладельцы, собственники мильки-хури-халис — как феодальные властители, пользовавшиеся иммунитетом. Их права и привилегии определяла жалованная грамота повелителя страны. Амляковые земли, юридически составлявшие собственность государства, фактически находились в наследственном владении и пользовании непосредственных производителей-крестьян, которые обрабатывали их собственным инвентарем, уплачивая государству налог-ренту.

Мусульманское духовенство непосредственно владело землями религиозных общин и организаций (вакуфов). Объектом вакуфа могли быть земля, виноградники, огороды, определенная сумма денег, инструменты и мастерские, мельницы, учебные заведения (мактабы, медресе), библиотеки, различные постройки. Так, бухарскому медресе Кукельдаш принадлежали вакуфы, приносящие дохода 150 тыс. таньга; из них 75 тыс. распределялись между 148 кельями (худжра медресе), в которых жили ученики; 28 тыс. получали мударрисы (преподаватели)⁴. В начале XX в. в распоряжении вакуфного управления города находилось 278 500 тананов земли, около 1500 лавок и сараев в Старой Бухаре.

В Бухаре находилась ставка эмира, пользовавшегося неограниченной властью. Дворец эмира был по-восточному пышным, а двор многочисленным. В городе были расквартированы основные воинские части бухарской армии во главе с командующим. Здесь же располагался аппарат государственного управления ханства, состоявший из

² Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Ташкент, 1966. С. 14.

³ Там же.

⁴ История Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1986. С. 98.

административно-финансового, судебно-полицейского и военного ведомств, во главе которых стоял кушбеги — первый помощник амира. Ему принадлежала высшая исполнительно-распорядительная власть в ханстве. Финансовое управление возглавляли диван-беги, ведавший сбором поземельных податей (харадж), и закятчи-калон, в обязанности которого входил сбор налогов со скота и всего движимого имущества.

Особое место в системе государственного управления Бухары занимал суд, возглавляемый представителями духовенства, в то время как административно-распорядительная власть находилась в руках землевладельческой аристократии. Во главе судебной власти стоял сам амир, который лично разбирал уголовные дела, носящие характер социально опасных действий подрывающих господство землевладельческой и торговой аристократии. За амиром следовал кази-калон, который считался главой юрисдикции и в официальных документах именовался «столпом правосудия» (шариат панох).

Полицейская власть в Бухаре сосредоточивалась в руках миршаба (начальника ночной стражи). В городе насчитывалось более 100 полицейских. Они обычно вступали в свои права ночью и при обходе города забирали в миршабану подозрительных лиц. Политические преступники пожизненно заключались в подземную тюрьму (зиндан). Практиковалась также смертная казнь.

Бухара поддерживала давние торговые связи с Хивой, Кокандом, Афганистаном, Персией, Кашгарией, Гератом, Индией⁵. Из Бухары в Россию вывозились хлопок, шелк, краски, сушеные фрукты, халаты, а из России в Бухару в большом количестве ввозились готовые фабрично-заводские изделия. А. Вамбери писал, что в Бухаре нет ни одного дома, ни одной палатки, где бы не было какого-нибудь русского изделия⁶. Но после взятия генералом М. Г. Черняевым Ташкента русско-бухарские отношения ухудшились, так как бухарский эмир Музаффар (1860—1885 гг.), соперничая с кокандским ханом, сам претендовал на столь важный торгово-экономический центр, как Ташкент. В Петербург было отправлено бухарское посольство для выяснения отношений. Однако Черняев распорядился арестовать всех бухарских купцов на подведомственной ему территории и конфисковать их товары. Власти Оренбургского края последовали примеру Черняева. При этом, однако, был нанесен серьезный удар не только по бухарским торговцам, но и по тесно связанным с ними торговыми операциями русским предпринимателям, что породило большое беспокойство правящих кругов России. Министр иностранных дел России А. М. Горчаков заявил в связи с этим, что Российская империя не может отступить в Центральной Азии, «преклониться перед амиром», ибо от этого зависело ее влияние в этом регионе, назвав тем не менее арест бухарских купцов и конфискацию их товаров «дикой мерой». В Петербурге эти действия были признаны вредными, «чрезмерными и опасными»⁷.

Однако в отношении Бухары было решено все же придерживаться твердых позиций: не давать повода к столкновениям, но и не избегать при необходимости активных действий. «Будущность» политики Российской империи в Центральной Азии, по мнению многих, зависела от того положения, в какое царское правительство намеревалось поставить себя по отношению к Бухаре. Но вскоре после заявления орен-

⁵ Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 144, 147.

⁶ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1865. С. 213.

⁷ Туркестанский край. Т. 19. Ч. I. С. 283. Письмо Горчакова Милютину от 23 июля 1865 г.

бургского купечества, игравшего важную роль в центральноазиатской торговле, о том, что Нижегородская ярмарка ожидает представителей Бухары — выгодных покупателей русских товаров, а бумагопрядильные предприятия страны крайне нуждаются в местном хлопке, оренбургский генерал-губернатор М. Крыжановский пошел на уступки. Хотя он не разрешил бухарским купцам вернуться в ханство, но позволил им под наблюдением специально созданных в Оренбурге и Троицке комиссий по бухарским делам отправиться со своими товарами на ярмарку. Более того, 19 октября 1865 г. Комитет министров, разбирая вопрос о состоянии русско-бухарской торговли в связи с карательными мерами, посоветовал оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому при первой же возможности полностью отменить репрессивные меры против бухарских купцов, впредь способствовать ограждению их прав и не прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам без согласия на то центрального правительства.

Между тем отношения России с Бухарой продолжали резко ухудшаться. Но, хотя между ними уже развернулась вооруженная борьба, обе стороны еще делали попытки достичь своих целей дипломатическим путем. Амир Музаффар направил в Петербург посольство. Однако царское правительство поручило вести переговоры оренбургскому генерал-губернатору. Посольство, несмотря на протесты посланника, было задержано в Казалинске. Та же участь постигла и русское посольство, отправленное Черняевым в октябре 1865 г. в Бухару. Активные попытки обоих посольств выполнить возложенную на них миссию оказались безуспешными. Министерство иностранных дел от имени царя уполномочило оренбургского генерал-губернатора вступить в переговоры с посланником Бухары, предъявив главное и основное требование — «поставить торговлю и политические отношения» Российской империи в Бухаре «в самое благоприятное положение»⁸.

Однако, несмотря на усилия, предпринятые Д. И. Романовским, сменившим М. Г. Черняева на посту губернатора Туркестанской области, предотвратить войну с Бухарой не удалось. Бухарские войска продвигались к Ташкенту, да и в самом городе зрел заговор приверженцев Бухары. Это ускорило решение Романовского начать активные военные действия против Бухары. 8 мая 1866 г. в районе урочища Ирджар произошло крупное сражение, в результате которого бухарская армия была разбита и, понеся потери, отступила в пределы своей страны. Романовский взял г. Ходжент и крепость Нау, что изолировало Бухарское и Кокандское ханства друг от друга. Эти события показали, что Романовский по сути дела продолжает активную захватническую политику своего предшественника.

После поражения амирских войск и взятия Ходжента военные действия были прекращены. Бухарский амир распорядился о возвращении русского посольства; были освобождены и задержанные ранее русские купцы. Генерал Романовский не имел полномочий на заключение мирного договора, но обещал приложить усилия к заключению его, и в начале июня вернулся в Ташкент.

17 августа 1866 г. в Ташкент прибыл и оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, чтобы официально урегулировать отношения с Бухарой. Перед бухарским послом были выдвинуты требования о признании всех территориальных завоеваний России, обеспечении безопасности и свободы передвижения русских купцов в Бухару, уравнении пошлин, взимаемых с русских товаров, с пошлинами, которыми облагались бухарские товары в России, о выплате военной контри-

⁸ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 218.

буции. Посол согласился принять все предложенные условия, но просил лишь исключить пункт о выплате контрибуции, что дало Крыжановскому формальный предлог для возобновления военных действий. Однако еще до окончания переговоров он известил Милютину, что выступает в поход против Бухары⁹, и предъявил бухарскому амиру Музаффару невыполнимый ультиматум — в десятидневный срок выплатить крупную контрибуцию (500 тыс. руб.). 23 сентября царские войска вторглись в пределы Бухарского амирата и вскоре штурмом овладели важными крепостями — Ура-Тюбе, Джизак, Яны-Курган.

С последующим подписанием мирных договоров военные действия временно прекратились, но после назначения К. П. Кауфмана генерал-губернатором вновь образованного Туркестанского генерал-губернаторства они возобновились. Кауфман отказался от мирного договора, подписанного Крыжановским, и предложил провести русско-бухарскую границу значительно западнее, чем предполагалось первоначально. После очередных переговоров, 1 сентября 1867 г. проект договора был окончательно составлен и отправлен на утверждение амиру. По словам самого Кауфмана, этот договор «вернее было бы назвать ультиматумом»¹⁰, и он мало рассчитывал на его утверждение. Однако военные действия с амиром непосредственно в данный момент он считал нежелательными, поскольку необходимо было укрепить позиции колониальной администрации во вновь созданном Туркестанском генерал-губернаторстве и урегулировать взаимоотношения с Кокандом. Исходя из этого, Кауфман решил на ведение длительных переговоров с Бухарой, которые продолжались с ноября 1867 г. по апрель 1868 г.

Между тем на фоне сложных взаимоотношений Бухары с Россией положение в Бухарском ханстве становилось все напряженнее. Среди господствовавших кругов амирата определились две группировки. Бухарское духовенство и феодальная верхушка требовали от амира решительных действий против Российской империи. Обвиняя Музаффара в слабости и нерешительности, они сделали ставку на старшего сына амира — Абдумалика, по прозвищу Катта-Тюра. Иную позицию заняли купечество, торговые и ремесленные слои Бухары.

После непродолжительных военных действий между Россией и Бухарой в 1868 г. был заключен мирный договор, одним из пунктов которого стала отмена торговли невольниками в амирате. Согласно договору, русским купцам предоставлялось право свободной торговли и свободного проезда через территорию амирата в соседние страны; бухарские власти должны были обеспечивать их безопасность и взимать с их товаров пошлину лишь в размере 2,5%. Русским промышленникам и купцам разрешалось учреждение торговых агентств во всех желательных для них пунктах.

Однако к тому времени в российских кругах произошел раскол в политике по отношению к Бухаре. МИД России требовал прекратить вмешательство во внутренние дела Бухары, ограничиваться простым наблюдением за событиями. Иной точки зрения придерживался К. П. Кауфман. Путем дипломатических ходов он получил возможность самостоятельно решать эту проблему и затягивать ее решение на неопределенный срок. Дальнейшие взаимоотношения Бухары с Россией регламентировались договором, подписанным в 1873 г. Согласно этому договору, Бухарский амират признавался протекторатом России, ему запрещалось вести самостоятельные внешние сношения с иностранными государствами. Так, когда в Ташкенте стало известно об

⁹ Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890. С. 248.

¹⁰ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 35, л. 149.

отправке бухарских послов в Константинополь (Стамбул), туркестанские власти взяли с посланников обещание, что «других отношений, кроме простого обмена любезностями, не может и не должно существовать между Бухарой и Султаном»¹¹. Тогда же от амира потребовали прекратить какие-либо сношения с Турцией. При этом было заявлено, что все сведения о его государстве «гораздо вернее и скорее доходят до султана через посла нашего в Константинополе, которому сообщается своевременно все относящееся до Бухары»¹².

Туркестанская администрация получила право вмешиваться и в решение вопроса о наследнике бухарского престола, о назначении на пост первого министра и кандидатов на посты беков крупнейших областей. Одновременно Россия брала обязательство сохранять территориальную целостность амирата, помогать амиру в его борьбе с внутренними врагами и защищать его государство от внешних врагов.

Во второй половине XIX — начале XX в. и законодательная, и исполнительная власть в Бухаре продолжали оставаться у амира. При нем сохранялся совещательный орган, членами которого он назначал крупных феодалов, поддерживавших амира, т. е. последние ведали всеми делами государства, и без их санкции ничего не предпринималось¹³.

Политика царизма в Бухаре в основном характеризовалась сохранением феодального строя в амирате. Весьма достоверный итог политики царского правительства в 60—70-х годах XIX в. в отношении Бухары подвел Кауфман: «Преследуя в течение десяти лет задачу введения азиатских рынков в сферу русского торгового преобладания, я имею основание утверждать, что торговые сношения наши с Бухарой привели к хорошим результатам. В настоящее время русские товары на бухарских рынках преобладают и смело могут конкурировать с немногими английскими произведениями, встречающимися на рынках Бухары»¹⁴.

В первые годы после установления протектората во внутренней жизни Бухары мало что изменилось. Однако с конца 80-х годов, в связи с проникновением сюда русского и иностранного капитала, в Бухаре начинается развитие капиталистических отношений. С проведением через территорию амирата железнодорожного пути (1887 г.) он начал играть более активную роль в торговых отношениях с Россией, что усилило вторжение царизма в самые разнообразные стороны жизни ханства, нарушая формальный «суверенитет» Бухары даже в области территориальной, и отдавало ее в полную политическую и экономическую зависимость от царской России. С проведением железной дороги в амирате начали возникать русские поселения. Устройство железнодорожных линий и станций требовало создания так называемой «железнодорожной полосы отчуждения». Одновременно появились русские поселения при железнодорожных станциях и на речных пристанях.

Все сношения Бухары с Россией и Туркестанским генерал-губернаторством шли через дипломатического чиновника, находившегося при туркестанском генерал-губернаторе. В январе 1885 г. указом Александра III в Бухаре было учреждено представительство России — «Российское императорское политическое агентство» во главе с политическим агентом, который назначался Министерством иностранных дел¹⁵.

¹¹ Там же, д. 50, л. 249.

¹² Там же, л. 250.

¹³ Там же, ф. И-1, оп. 29, д. 53, л. 3—5; оп. 34, д. 791, л. 9—22.

¹⁴ Халфин Н. А. Указ. соч. С. 296.

¹⁵ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 34, д. 604, л. 11.

и подчинялся как туркестанскому генерал-губернатору и, следовательно, Военному министерству, так и Министерству иностранных дел.

Агентство, таким образом, было органом, проводившим колониальную политику царской России в амирате. Агенту поручались сношения с Бухарским правительством по всем политико-экономическим вопросам. Он должен был осуществлять контроль за амиром и его министрами касательно их отношения к России. Ему вменялись также в обязанность: надзор над памирскими бекствами; цензура газет и театральных пьес в русских поселениях амирата; покровительство поселившимся в Бухарском амирате христианам; ведение отчетности о денежных средствах, поступающих в политическое агентство от бухарского правительства на истребление саранчи; распределение вод р. Зарафшан; благоустройство городов, постройка больниц, почтово-телеграфных зданий и других учреждений¹⁶.

Политическому агенту были даны также полномочия судьи как над русскими, находившимися в амирате, так и над бухарскими подданными. По отношению к русским поселениям в амирате политический агент в Бухаре обладал всеми правами генерал-губернатора. Для расширения влияния Политического агентства и более эффективного контроля за деятельностью бухарского правительства в начале 1910 г. штат агентства был увеличен, введена должность помощника политического агента по административной части с подчинением этого чиновника непосредственно туркестанскому генерал-губернатору.

Возрастающая экономическая связь с Россией расшатывала устоявшиеся в Бухаре порядки и феодальные институты. Развитие товарно-денежных отношений способствовало разложению феодального способа производства и зарождению новых, капиталистических отношений, что в значительной мере было обусловлено существенным ростом хлопководства. Этот процесс определил развитие связанных с хлопководством отраслей промышленности — хлопкоочистительной и маслобойной, зарождение новых местных предпринимателей и промышленных кадров.

Бухара и ранее была самым крупным центром ремесленного производства в амирате. Здесь производились все предметы бытового назначения, необходимые как для городского, так и сельского населения. Изделия бухарских мастеров, имевших богатейший, накопленный веками опыт, находили большой спрос и в соседних странах. В г. Бухаре было зарегистрировано 99 отраслей ремесленного производства¹⁷. Ремесленная промышленность во второй половине XIX — начале XX в. продолжала сохранять решающее значение в обеспечении местного населения ханства орудиями труда, предметами быта и продуктами питания.

Ведущей отраслью бухарского ремесла было ткачество, работавшее не только на внутренний, но и на внешний рынок. В столице и ее пригородах насчитывалось до 10—12 тыс. ткацких станков¹⁸. Тканые изделия бухарских мастеров еще в X—XII вв. вывозились в соседние восточные страны¹⁹. В XVI в. индийцы вывозили из Бухары различные шелка, а русские — изделия из хлопка, шелка и ткани²⁰. Но после установления протектората царизма, в связи с ввозом бумажных тканей, ткачество сохранилось лишь в сельской местности. И как следствие в начале XX в. постепенно начинает уменьшаться вывоз

¹⁶ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 353, л. 40.

¹⁷ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962. С. 20.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Наршахи М. История Бухары. Ташкент, 1897. С. 29.

²⁰ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию (1558—1560). Л., 1932. С. 184.

бухарского шелка, а одновременно увеличивается ввоз дешевого русского фабричного шелка.

В городе имелось много базаров, которые возникали и в местах поселения торговцев. Насчитывалось более шестидесяти караван-сараяв, что свидетельствовало о широком развитии торговли. Многие иногородние купцы вели постоянную торговлю с Бухарой и имели здесь свои караван-сарай. Бухара торговала и с соседними ханствами, с Сибирью, Афганистаном, Индией, Кашгаром и т. д. Торговые обороты между Бухарой и Россией постоянно росли, причём в основном за счет вывоза из Бухары. Торговлю как бухарскими, так и русскими товарами осуществляли преимущественно бухарские купцы. Вскоре после установления протектората, в 1881 г., было запрещено ввозить в Туркестан иностранные товары, кроме индийского чая и краски индиго, которые Россия не производила. Это сокращение сопровождалось ростом ассортимента товаров из России. Уже в 1887 г. российский политический агент В. Н. Чарыков писал, что «Бухара может считаться русским рынком, так как иноземные товары туда почти не проникают»²¹.

Русская буржуазия, желая монопольно овладеть центральноазиатским рынком, стремилась окончательно вытеснить из Бухары иностранные, прежде всего английские товары. Политика царизма способствовала увеличению вывоза сырья. Бухаре принадлежало второе место (после Ферганы) по производству хлопка. Если в 1868—1869 гг. из Бухары в Россию было вывезено 250 тыс. пуд. хлопка, то в 1913 г. — 1233 тыс. пуд. на 12 330 тыс. руб.²²

В 1894 г. был принят закон о включении Бухары и Хивы в единую с Россией таможенную черту, что лишало их права устанавливать самостоятельные торговые взаимоотношения с различными государствами, хотя Бухара была крупным торговым центром и имела широкие торговые связи. На ее рынках можно было встретить индийскую кисею, свечи из Бирмы и прочие товары Востока и Запада, вплоть до швейцарского сгущенного молока и шелковых дамских шалей с о. Мальты.

После включения Бухары в единую таможенную черту с Россией увеличился товарооборот между ними. Начался усиленный ввоз из России мануфактуры разнообразных сортов, сахара, керосина, посуды, железных изделий и т. д. Из Бухары в Россию шли хлопок, каракуль, шелк, сушеные фрукты и др. К 1913 г. в ханство ввозилось разной мануфактуры на 15 974 тыс. руб. (44% всего ввоза); хлеба и сахара — на 9140 тыс. (26%); разной посуды — на 1039 тыс. и т. д. Промышленные товары из России составляли 96,5% всех товаров, ввозимых в ханство²³.

Обширная торговля России с Бухарой накануне первой мировой войны (1914 г.) была сосредоточена в руках 10 посреднических контор и 50 коммерческих предприятий. В ханстве функционировали 4 транспортных общества («Восточное общество», «Акционерное общество», «Общество Гергард и Гей», «Общество Кавказ и Меркурий») и три страховые конторы («Второе Российское страховое общество», «Российское транспортное и страховое общество», «Северное страховое общество»), которые обслуживали бухарских купцов и торгово-промышленную буржуазию России. В начале века в Бухаре возникли первые промышленные предприятия капиталистического типа. В 1905 г.

²¹ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 34, д. 675, л. 60.

²² История Бухары. Ташкент, 1976. С. 170.

²³ История Узбекистана. Т. II. С. 378.

в амирате уже работало 9 хлопкоочистительных заводов, перерабатывавших за сезон около 2500 тыс. пуд. сырья.

Наплыв товаров из России привел к падению отдельных отраслей ремесленного производства предметов широкого потребления: мануфактуры (мата), обуви, разного рода посуды и др. Однако отдельные отрасли кустарного производства не только сохранили свое значение, но и получили стимул для дальнейшего развития. К ним прежде всего относилась выделка ковров и каракулевых шкур, которые в большом количестве шли на экспорт, главным образом в Россию. В 1911 г. из Бухары в Россию было вывезено ковровых изделий на 100 тыс. руб. К 1914 г. было выработано 200 тыс. пудов шелковых тканей на 1,5 млн. руб., что составляло половину продукции шелкоткацкого производства кустарной промышленности всего края²⁴.

В столице амирата — Бухаре получили значительное развитие различные ремесла и промыслы по обработке металла, кожи, волокна, изготовлению одежды и продуктов питания, строительному производству и т. д.

С 90-х годов XIX в. усиливается вывоз капитала в Бухару, возникают различные объединения, открываются банки, значение которых в экономике амирата все возрастало. Так, в 1891 г. создается отделение Московско-Рязанского банка, затем Московского Международного торгового банка. В 1894 гг. в городе было открыто отделение Государственного банка, капитал которого достигал 90 млн. руб. Вслед за ним открываются отделения частных банков: Русско-Азиатского, Соединенного, Азовско-Донского, Московского — учетного, Русского для внешней торговли и Сибирского торгового. В 1917 г. был учрежден Русско-Бухарский банк. Постепенно возрастал оборот Новобухарского отделения Государственного банка. Если в 1898 г. общие обороты его составляли 89 498 млн. руб., то в 1899 г. они достигли 97 666 млн. руб.²⁵, а к 1903 г. — 123,5 млн. руб.²⁶ Росли также кредиты коммерческим банкам.

Накануне первой мировой войны бухарские отделения банков выдавали различным фирмам на торгово-кредитные операции по покупке хлопка до 40 млн. руб. Субсидировал торговлю и амир, отпуская на эти цели до 1 млн. руб. ежегодно. Бухарские отделения русских банков постоянно расширяли свою деятельность, о чем свидетельствуют ссуды и обороты банков. Так, Бухарским отделением Русского для внешней торговли банка были осуществлены банковские операции: учет векселей в 1911 г. — на 2668 тыс. руб., а в 1912 г. — уже на 3800 тыс.; выдача кредитов под хлопок — соответственно 2500 и 3158 тыс. руб. и т. д.²⁷ Бухарским отделением Сибирского торгового банка с 1 февраля 1912 г. по 1 сентября 1913 г. было учтено векселей на 4500 тыс. руб., выдано ссуд под хлопок на 1220 тыс., под каракуль — на 1800 тыс. руб.²⁸

Хотя новые, капиталистические отношения в меньшей степени затронули Бухару, чем Туркестан в целом, наряду с ремеслом и домашней промышленностью, появлялись заводы по первичной обработке сырья. Так, в Бухаре открываются фирмы товарищества Большой Ярославской мануфактуры, торгового дома бр. Шлосберг, Потеляхова, Дюршмидта, Николаевской мануфактуры, Саввы Морозова,

²⁴ Там же. С. 384.

²⁵ ЦГА РУз, ф. И-295, оп. 1, д. 24, л. 1.

²⁶ Там же, д. 28, л. 1.

²⁷ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 563, л. 42.

²⁸ Там же, л. 8.

бр. Крафт, Московского торгово-промышленного товарищества и др.²⁹ В городе имелись кишечночистительный завод и несколько торговых предприятий по закупке шерсти и кож в сыром виде.

Параллельно с проникновением в экономику Бухары русского капитала формируется и местная национальная буржуазия. В начале XX в. из ее среды вышли крупные капиталисты: Ходжасвы, ежегодные операции которых достигали 1 млн. руб.; братья Вадыевы, владевшие 11 собственными и 20 арендованными заводами по переработке сырья; крупные банкиры Мирсалиховы и Мансуровы, и, наконец, сам амир бухарский Саид-Мир-Алим распоряжался 27 млн. руб. зол. в Государственном банке и 7 млн. руб. в частных банках и занимал третье место на мировом рынке по торговле каракулем. Ведущей отраслью становится хлопкообрабатывающая. В целом в г. Бухаре проникновение новых всяний было заметнее, чем в других городах ханства. В самом городе и прилегающих к нему районах было 5 хлопкоочистительных заводов, один из которых принадлежал бухарскому правительству.

В Бухаре были проведены за счет амира телеграфные линии, которые соединили Бухару и Каттакурган, Карши, Келиф, Термез с ветками от Карши на Гузар и Китаб, Чарджоу и Керки, Самарканд и Термез³⁰.

В связи с ростом экономических связей, развитием промышленности и зарождением местной буржуазии возрастает потребность в грамотных людях, возникает необходимость в изучении светских наук. Основным типом школы в Бухаре оставались мактабы — начальные религиозные школы. Но уже в 1894 г. здесь появилась первая русско-туземная школа.

К концу XIX в. создаются и новометодные школы. В них начал применяться новый, звуковой метод обучения. Инициаторами создания таких школ были джадиды. На формирование их мировоззрения, безусловно, оказали влияние события 1905—1907 гг. в России. Именно джадиды впервые заявили о своей приверженности к реформированию страны на путях демократии и общественного прогресса. Развивалось движение за реформу системы мусульманского образования, развитие культуры. Всего джадидами было предложено 6 реформ. Движение джадидов, возникшее как культурно-просветительное, в этот период начинает приобретать политическую окраску.

Первая мировая война пошатнула экономические связи Бухары с Россией, сократился ввоз русского хлеба и предметов широкого потребления. В результате в Бухаре произошло сокращение посевных площадей под хлопчатником. Деятельность русских банков и торговых учреждений была почти парализована. Складывалась напряженная обстановка и внутри самого амирата, что заставило туркестанского генерал-губернатора послать туда войска во главе с генералом Лилиенталем и оккупировать г. Бухару для защиты власти амира.

События февраля 1917 г. в Петрограде, отречение от престола Николая II всколыхнули все слои бухарского общества, активизировали общественную жизнь в стране, наложив на нее отпечаток политической обостренности. Они оказали огромное влияние и на дальнейшие судьбы Бухары.

²⁹ Наршахи М. Указ. соч. С. 169.

³⁰ ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 446, л. 27; ф. И-1, оп. 29, д. 861.

М. Н. ФЕДОРОВ

О ЦЕНАХ НА РЫНКАХ БУХАРЫ XIX—РУБЕЖА XX ВЕКА

Прежде, чем перейти к характеристике цен на рынках Бухары XIX в., надо хотя бы вкратце остановиться на монетных системах

Центральной Азии того времени. В 1785 г. в Бухаре была проведена реформа, открывшая новый этап в истории денежного обращения в регионе. После почти двухвекового периода так наз. «порчи монеты» (выпуска серебряных монет с большой примесью меди) в обращение поступили теньги высокой (950) пробы с «указным весом» 3,36 г, хотя в действительности их вес редко превышал 3,1 г.¹ Такого типа теньги легли в основу денежного обращения в Центральной Азии в XIX в., а в Бухарском эмирате — до первой мировой войны, когда высокопробные серебряные монеты исчезли из обращения. Кроме тенег, выпускались золотые тилли и медные пулы (карапулы). «Указной вес» тилли — 4,8 г, но практически он редко превышал 4,6 г. Тилла в разное время равнялась 19—20—21 теньге, а теньга — от 24 до 60 медных монет, в зависимости от веса последних. До начала 90-х годов XIX в. теньга равнялась 19—20 коп. сер. В 1893 г. из-за понижения цен на серебро на мировом рынке и прекращения свободной чеканки рупий в Индии, куда теньгу вывозили на переканку в рупии, курс теньги упал и уже не поднимался выше 16 коп. В 1901 г. распоряжением министра финансов Российской империи теньга была приравнена к 15 коп. сер. В 1904 г. чеканка теньги в Бухаре под давлением русского правительства была прекращена, но обращение ее продолжалось до 1915—1916 гг., когда из-за обесценивания бумажных денег серебряные монеты, как уже сказано, исчезли из обращения². Курс тилли держался до 1897 г. обычно в пределах 4 руб.

После этого краткого экскурса обратимся к ценам, имевшим место в Бухаре XIX—рубежа XX в.

1. Недвижимое имущество

а. Земля. В 1820—1821 гг. в Бухарском ханстве, по данным Е. К. Мейендорфа, земля оценивалась от 200 до 2000 руб. асс. за танап в 3600 кв. шагов³. Рубль асс. в то время равнялся 25 коп. сер.⁴; танап в 3600 кв. шагов = 1820,9 кв. м⁵; бухарская тилла = 16 руб. асс.⁶ Итак, танап стоил от 12,5 до 125 тиллей при средней цене 37,5 тилли за танап. Приведем некоторые сведения, уточняющие и дополняющие эти данные.

1801 г. Бухарский вилайет. 150 танапов земли продано за 500 ашрафи (тиллы), т. е. по 3 1/3 тилли за танап⁷.

1851 г. Окрестности Бухары. 36 танапов земли «обеленного» (не облагаемого налогом) имения проданы за 223 ашрафи по 19 тенег каждая⁸, т. е. по 6,2 тилли за танап.

1870 г. Бухарский вилайет. 12 танапов земли проданы за 13 золотых⁹.

¹ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964. С. 164—165.

² Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история /Пер., предисл., примеч. и указ. А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 372—373; Буриашева Р. З. Кошрабадский клад бухарских и русских монет (середина XIX — начало XX вв.) // ИМКУ. 1969. Вып. 8. С. 203—204.

³ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 108.

⁴ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975. С. 270—271.

⁵ Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 126.

⁶ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 112.

⁷ Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв. Ташкент, 1954. С. 184.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 201.

1875 г. Окрестности Бухары. Постройки и насаждения на площади 1 3/4 танапа (без стоимости земли) проданы за 100 тенег¹⁰.

Вторая половина XIX в. Бухарский вилайет. 25 танапов «мертвой» (необрабатываемой) государственной земли проданы в частное владение по одному золотому за танап. Всего за 500 тенег (т. е. тилла = 20 теньгам)¹¹.

Конец XIX — начало XX в. Земля в пригородах Бухары стоила 2000—2500 тенег за танап¹².

б. Дома. 1820—1821 гг. Бухара. Дом (кирпичный, украшенный росписью), в котором проживало российское посольство, стоил 16 000 руб. асс., или 1000 тиллей, «что составляет огромную сумму для этого (т. е. Бухары) города». Другой «каменный» (т. е. кирпичный) дом оценивался в 800 тиллей¹³.

2. Движимое имущество

а. Ткани, одежда, предметы домашнего обихода, оружие и т. д.

1833—1834 гг. Бухара¹⁴. Ткани из хлопка. От 4 до 20 тенег за 20 аршин (аршин = 71,12 см), или 14,224 м. Карбас — 3—4, подкладочная ткань — 2—3 теньги за 20 аршин. Привозные из Индии ткани. Кимекаб (шелковые, тканые с золотой или серебряной нитью). Шириной аршин. Отрез на платье (8—9 аршин) стоил 10—45 тиллей. Муслин на тюрбаны. 24—28 аршин по 12—25 руб. асс., или около 0,75—1,56 тилли. Калекот шириной 1 аршин, длиной 12 аршин — за 9—11 тенег. Набивные хлопчатобумажные ткани шириной аршин, длиной 12 аршин — за 6—7 тенег; шириной 3/4 аршина, длиной 16 аршин — за 4 теньги. Шали набивные и гладкие — 3—6 тиллей кусок.

1836 г. 615 штук бязи за 9000 руб. асс.¹⁵, т. е. примерно по тилле штука.

1868 г. Каттакурган. Ткани из хлопка. Бязь 8 аршин (5,69 м) длиной — 3 теньги, такой же отрез алачи — 3,5 теньги, калами — 3 теньги, подкладочная ткань — 1,5 теньги¹⁶.

Шкурки, меха. 1820—1821 гг. Бухара. Черный каракуль — 10—16 руб. асс. (0,62—1 тилла); серый каракуль — до 50 руб. асс. (3,1 тилли)¹⁷.

1833—1834 гг. Бухара. Черный каракуль с мелким завитком — 10—12 тиллей за 1 дест., худшего качества — 1,5 тилли за дест. Лисьи шкуры по 4—6 фунта (фунт = 409,512 г) — за тиллю¹⁸.

Ковры. 1833—1834 гг. Бухара. Ковры длиной от 4 до 15 аршин (2,845—10,67 м) стоили от 4 до 40 тиллей¹⁹.

Оружие. 1820—1821 гг. Бухара. Местного производства сабли стоили по 1 тилле, а привозные, персидские, булатной стали, — по 10 тиллей за штуку. Большие ножи из булатной стали (делались из поломанных сабельных клинков) — по 1—3 тилли за штуку²⁰.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 219.

¹² Садриддин Айни. Бухарские палачи. Смерть ростовщика. Ятим. Душанбе, 1970. С. 197.

¹³ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 95, 160.

¹⁴ Записки о Бухарском ханстве (отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М., 1983. С. 75—78.

¹⁵ Там же, С. 90.

¹⁶ Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 555.

¹⁷ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 111.

¹⁸ Записки... С. 75—76.

¹⁹ Там же. С. 80, 87.

²⁰ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 116.

1836 г. Порох в Бухаре был плохого качества, но зато дешевый: 2 руб. асс. (2,5 теньги) за пуд²¹.

Рабы. 1820—1821 гг. Бухарское ханство. Сильный здоровый мужчина — 40—50 тиллей. Ремесленники (столяр, кузнец, сапожник) — до 100 тиллей. Женщины дешевле, но если молодые и красивые, то до 100—150 тиллей.

1835—1836 гг. Бухара. «20—50 тилла, или бухарских червонцев за хороших девок дают по 70, за пригожих мальчишек до 40, но работники обыкновенно не дороже 30»²².

1807 г. Один раб был продан в Бухарском ханстве за 40 тиллей²³.

б. Тягловый и убойный скот. Лошади. Приводимые из Туркмении «аргамаки» (породистые жеребцы-производители) стоили в Бухаре в 1820—1821 гг. по 800—2500 руб. асс., или 50—156,25 тилли²⁴.

Бухарское ханство, вторая половина XIX в. 10 коней оценено в 1000 тенег, (т. е. по 5 тиллей в среднем). В начале XX в. в Бухаре хороший конь продавался за 120 руб. (по курсу того времени — 800 тенег)²⁵.

Верблюды. В Восточной Бухаре во второй половине XIX в. «хорошо выкормленный, здоровый верблюд стоил от 250 до 300 тенег»²⁶. В начале XX в. на базарах Бухары стоимость верблюда была 150 руб.²⁷, или 1000 тенег, но деньги к тому времени обесценились в связи с первой мировой войной.

Крупный рогатый скот. В конце XVIII—начале XIX в. в Бухарском ханстве корова стоила 3 тилли²⁸. В Восточной Бухаре во второй половине XIX в. крупный рогатый скот стоил от 40 до 100 тенег²⁹.

Бараны. В 1820—1821 гг. в Бухаре баран стоил 16 руб. асс., т. е. тиллу, причем «киргизы» приводили баранов за сотни миль, ибо в Бухаре они стоили дороже, чем в пограничных районах России³⁰. Около 1825 г. бараны (видимо, годовики) стоили 8, а откормленные — 16 и 24 руб. асс.³¹, т. е. по 0,5—1,5 тилли. В 1867 г. в Кобадиянском вилайете Бухарского ханства баран среднего качества стоил 16, а коза — 8 тенег³², т. е. 0,8 и 0,4 тилли. В 1889 г. в Восточной Бухаре хорошие бараны продавались по 20—30 тенег³³, или 1—1,5 тилли.

в. Сырьевые продукты. Шелк. В 1821 г. в Бухаре шелк продавали от 352 до 304 руб. асс. за пуд (22—18 тиллей). В 1833—1834 гг. шелк-сырец шел по 13—14 тиллей за пуд, шелковая пряжа — 30—32 тилли за пуд, слегка окрашенная пряжа — по 17 тенег за 1 нимчу (т. е. 1,2 фунта) и по 20 тенег, если туда входит красный цвет. Шелковая пряжа красного цвета стоила 26 тенег за нимчу. Кокандский шелк в Бухаре стоил 16, а ходжентский — 15 тиллей за пуд³⁴.

²¹ Записки... С. 91.

²² Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 145; Записки... С. 102.

²³ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. С. 48.

²⁴ Там же.

²⁵ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Ташкент, 1929. С. 25, 51.

²⁶ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. I. Душанбе, 1962. С. 110.

²⁷ Семенов А. А. Очерк... С. 110.

²⁸ Егани А. А., Чехович О. Д. Регесты среднеазиатских актов//ППВ. 1978—1979. М., 1987. С. 62.

²⁹ Искандаров Б. И. Восточная Бухара... С. 110.

³⁰ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 111.

³¹ Валиханов Ч. Сочинения. Алма-Ата, 1985. Т. IV. С. 146—147.

³² Семенов А. А. Очерк... С. 48.

³³ Искандаров Б. И. Восточная Бухара... С. 110.

³⁴ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 130; Записки... С. 74.

В 1868 г. в Бухаре 1 чарйак (5 фунтов, или 1/8 пуда) коконов стоили 4—5 «коканов» (т. е. тенег), самые лучшие коконы из Каттакургона — 7 тенег. После обработки 32 чарйака коконов давали 2 чарйака шелка высшего качества. Цена хорошего шелка — 100 тенег (20 руб. сер.), а низкосортного — 3 тилли 5 тенег (13 руб. сер.) за чарйак³⁵. Иначе говоря, пуд коконов стоил 1,6—2 и 2,8 тилли; шелк-сырец (вероятно, имелась в виду пряжа) — от 34 до 40 тиллей за пуд.

Хлопок. В 1833—1834 гг. в Бухаре хлопок неочищенный (гуза) шел по 48—52 теньги (или 2,4—2,6 тилли) за батман (8 пудов), очищенный (пахта) — 6—8 тиллей батман. Хлопковая пряжа — 15—25 тиллей батман. Хлопковые семена, из которых изготовляли масло, — 7—10 тенег за батман³⁶. Иначе говоря, гуза стоила 6—6,5 теньги, или 0,3—0,325 тилли за пуд; пахта — 0,75—1 тилла за пуд, пряжа — 1,875—3,125 тилли за пуд; семена — 0,9—1,125 теньги за пуд.

Бухара, 20-е годы XIX в. Пуд хлопка стоил 14 руб. асс., или 0,9 тилли, а с доставкой в Россию — 40 руб. асс. за пуд.

Индиго (привозное, из Индии) обычно стоило 12 тиллей за пуд. Когда его завезли очень много, цены упали до 4 тиллей за пуд. в 1832 г. — до 2,5, а в 1834 г. — до 2 тиллей (4—5 тенег) за пуд³⁷. Перец индийский черный стоил в Бухаре в 1834 г. 20—21 тиллю за батман, т. е. 2,5—5,62 тилли, а корица — 3—4 тилли пуд³⁸. Нашатырь в Индии стоил 15 тиллей, а привезенный в Бухару (1834 г.) — 66 тиллей за батман³⁹, или 8,25 тилли за пуд.

3. Продукты питания

Зимой 1834 г. в Бухаре средние цены составляли: пшеница — 12—14 тенег батман (8 пудов), кунжут — 32—40, захир (под сезама) — 23—25, чечевица — 18—19, ячмень — 10, джугара — 11, горох — 20, овес — 10,5⁴⁰. В переводе на пуды: пшеница — 1,5—1,75; кунжут — 4—5; захир — 2,875—3,125; чечевица — 2,25—2,375; ячмень — 1,25; джугара — 1,375; горох — 2,5; овес — 1,3 теньги за пуд. Рис в Бухаре продавался по 42—44, самый лучший (гиссарский) — по 48 тенег за батман⁴¹, или 5,25—5,5 и 6 тенег за пуд. В 1834 г. в Бухаре пшеница не была дороже, чем 1 тилла за батман (2,5 теньги пуд). Ее вывозили в Хиву и продавали по 3,5 тилли за батман⁴² (8,75 теньги за пуд). Во второй половине XIX в. бухарский амир Насрулла (1826—1860 гг.) каждое лето посылал конницу для истребления хлебных посевов Шахрисабза. В результате цены на хлеб там возросли до 140 тенег за батман (17,5 теньги за пуд)⁴³.

Вообще цены в столице и ее округе были гораздо выше, чем в провинции. Так, по данным А. А. Семенова, в восточных бекствах Бухарского ханства, например в Каратегине, в 90-х годах XIX в. цены на пшеницу составляли осенью 8 тенег (1,28 руб.), а весной — 11 тенег (1,76 руб.) за тамошний батман в 15 пудов, тогда как в Бухаре «цены были выше более чем в 3 раза»⁴⁴. Значит, в Каратегине

³⁵ Радлов В. В. Из Сибири. С. 556—557.

³⁶ Записки... С. 75.

³⁷ Там же. С. 20.

³⁸ Там же. С. 78.

³⁹ Там же. С. 77.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 81.

⁴³ Искандаров Б. И. Восточная Бухара... С. 42.

⁴⁴ См.: Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история... С. 272—273.

пшеница стоила 0,53—0,73, а в Бухаре—1,6—2,2 теньги за пуд. В 80-х годах XIX в. пшеница в Каратегине была еще дешевле: 3—4 теньги за батман⁴⁵ (0,2—0,27 теньги за пуд).

В начале XX в. в Бухаре цены на пшеницу составляли от 3,2 до 6 руб. за батман (бухарский, 8 пудов)⁴⁶, или 2,7—5 тенег за пуд. Как видим, по сравнению с XIX в. цены в XX в. повысились.

Цены на мясо в XIX в. в регионе держались примерно на уровне 1—1,5 кг баранины и 2 кг говядины за теньгу; сало обычное, не курдючное, шло, как правило, по той же цене, что и мясо⁴⁷.

Привозной (из Индии) сахар в 1833—1834 гг. стоил в Бухаре 17—20, а леденцы—26—30 тиллей за батман⁴⁸, или 2,125—2,5 и 3,25—3,75 тилли за пуд.

4. Оплата труда, доходы, налоги и т. д.

Заработки. В 1820—1821 гг. в Бухаре мударрис (преподаватель медресе) получал 100—200 тиллей, а студент—300 тсег в год⁴⁹. В месяц это составит 8,33—16,66 тилли, или около 175—350 тенег, и 25 тенег. Врач за визит к больному или за прием больного получал 1 теньгу⁵⁰. Теплая зима 1821 г. уменьшила заработки сапожников: они зарабатывали не более 45 пулов (9/11 теньги) в день, причем хлеб, нужный для пропитания 1 человека, стоил больше половины этой суммы⁵¹. Обычный заработок их был примерно в полтора-два раза выше.

По данным Е. К. Мейендорфа (1820—1821 гг.), солдат получал 6 тиллей плюс 1 тиллю на сено, плюс 5 батманов джугары и 5 батманов пшеницы; кассабадар (гвардеец) получал все в двойном размере⁵². По сведениям П. И. Демезона (1833—1834 гг.), солдат (алман) получал около 150 руб. (асс. или сер.?) в год, из которых часть деньгами, часть джугарой и соломой, редко имел лошадь и нанимал ее на время походов⁵³. По данным И. В. Виткевича (1835—1836 гг.), сипаи (солдаты) «проживают, где хотят, и являются по приказу, а получают ежегодно 4 тиллы и 4 батмана пшеницы»⁵⁴.

Столь разноречивые сведения требуют комментария. Во-первых, речь идет о разных контингентах войск. Согласно Е. К. Мейендорфу, военные силы Бухарского ханства состояли из регулярной армии (25 000) и «вассалов» (видимо, ополчение во главе с вассальными феодалами—всего 60 000), которые собирались под знамена лишь при общей мобилизации⁵⁵. Судя по всему, П. И. Демезон и И. В. Виткевич приводят сведения о второй категории («проживают, где хотят, и являются по приказу»).

Во-вторых, жалование в 6 тиллей, плюс тилла на сено, плюс 5 батманов пшеницы и 5 джугары даже при максимальных ценах составит 6+1+5+3,3 (джугара обычно в полтора раза дешевле пшеницы)—всего 15,3, а в среднем 12—13 тиллей, или примерно 321 и 252—

⁴⁵ Там же. С. 273.

⁴⁶ Семенов А. А. Очерк... С. 53.

⁴⁷ Плоских В. М., Федоров М. Н. Некоторые данные о ценах в Кокандском ханстве//Известия АН Кирг. Общественные науки. 1990. № 1. С. 48.

⁴⁸ Записки... С. 78.

⁴⁹ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 152.

⁵⁰ Там же. С. 155.

⁵¹ Там же. С. 118.

⁵² Там же. С. 139.

⁵³ Записки... С. 72.

⁵⁴ Там же. С. 113.

⁵⁵ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 112.

273 теньги. Если жалованье войнам годовое, то это 0,89, при максимальных ценах на пшеницу и джугару, и 0,7—0,76 теньги в день, т. е. примерно столько же или даже меньше, чем у сапожника, жаловавшегося на плохие заработки.

Данные П. И. Демезона «150 руб. в год», если ассигнациями, то получится около 10 тиллей в год, а если серебром — то 37,5 тилли. Но у П. И. Демезона все другие цены указаны в рублях ассигнациями. Данные И. В. Виткевича: «ежегодно по 4 тилли и 4 батмана пшеницы» — при максимальных ценах пшеницы дадут 8, при средних — 6,3—6,7, или 168 и 132—140 тенег в год. В день это выходит 0,47 и 0,37—0,39 теньги, что едва соответствовало прожиточному минимуму 1 человека.

Итак, данные П. И. Демезона и И. В. Виткевича, очевидно, относятся к иррегулярным войскам, ополчению, воины которого жили, где кто хотел, имели какой-то приработок (подобно стрельцам в донетровской России) и собирались под знамена во время военных действий или смотров.

Сведения же Е. К. Мейендорфа относятся к другой категории, видимо, к регулярным войскам, но и тут не все ясно: то ли они получали по 6 тиллей в год и продукты на год, то ли по 6 тиллей в месяц и продукты на год. За выяснением этих данных обратимся к Филиппу Ефремову, российскому унтер-офицеру, попавшему в плен в Бухару и служившему юзбашой (сотником) в войске Бухары в конце 70 — начале 80-х годов XVIII в. В его время солдат получал 2 червонца (тилли), 4 батмана пшеницы и 4 джугары⁵⁶. При максимальных ценах это составит 8,7 тилли, при нормальных еще меньше (если считать цену пшеницы 0,6 тилли за батман, то будет 6 тиллей).

Мы полагаем, что жалованье рядового регулярных войск было 2 тилли в месяц плюс годовая выдача продуктов. Для сравнения напомним, что в начале X в. воин в войске Саффаринов получал 100 дирхемов в месяц⁵⁷. Дирхем X в. был высокопробного серебра и весил 2,9645 г⁵⁸, т. е. соответствовал бухарской теньге конца XVIII — XIX в. По курсу начала XIX в. 100 дирхемов составили бы около 5 тиллей. Поэтому нам представляется, что сведения Е. К. Мейендорфа можно понимать как 6 тиллей в месяц и годовая выдача продуктов для солдат регулярной армии. По данным IX—XII вв., жалованье воина примерно в 3 раза превышало средний заработок квалифицированного ремесленника⁵⁹.

Впрочем, не исключено все же, что речь идет о 6 тиллях в год. Тогда Е. К. Мейендорф, видимо, сообщает о каком-то более высокооплачиваемом подразделении регулярных войск, чем те, о которых писали П. И. Демезон и И. В. Виткевич. Сообщая о жаловании воинов, Е. К. Мейендорф упоминает кассабадаров (гвардейцев), получавших двойной оклад (т. е., по нашим расчетам, 30,6 или 24—26 тиллей в год). Жалованье солдата, по Ф. Ефремову (2 тилли плюс 4 батмана пшеницы и 4 — джугары) при условии, если это 2 тилли в месяц и годовая выдача продуктов, составит 24+6,7 или 24+4 и 24+4,6, т. е. 30,7, или 28—28,6 тилли в год. Не исключено, что кассабадары Е. К. Мейендорфа (30,6 тилли в год) и рядовые Ф. Ефремова (30,7 тилли в год) суть одно и то же.

⁵⁶ Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. М., 1952. С. 32.

⁵⁷ Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. I. С. 280.

⁵⁸ Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970. С. 12.

⁵⁹ Федоров М. Н. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX—XII вв. // СА. 1972. № 2. С. 74—75.

Доходы. В 1820—1821 гг. в Бухаре худжра (комната, келья) в караван-сараях давала дохода 16 руб. асс. (1 тиллю) в месяц⁶⁰. В 1835—1836 г. в караван-сараях (видимо, похуже качеством и не в столь удобном месте) комнаты приносила дохода 2—4 тенге в месяц (в 10—15 раз меньше, чем в первом случае), а кладовая — 7—14 тенге в месяц⁶¹. Возможно, впрочем, что Е. К. Мейендорф имел в виду комнату и кладовую, вместе взятые (2—4) + (7—14). В целом же караван-сарай из 300 мест приносил 300 тиллей дохода в год⁶².

В 1867 г. в окрестностях Бухары 75 танапов вакуфной земли, сданные в аренду на 6 месяцев, давали 660 тенге дохода⁶³ (1 танап — 88 тенге). В начале XX в. в Бухарском вилайете 2,5 танапа земли, свободной от налогов, отданные в аренду, приносили 120 тенге⁶⁴. Водяная мельница давала дохода 60—90 коп. (3—4,5 тенге) в день⁶⁵.

Представление о «цене» налогов дают следующие факты. В Бухарском ханстве харадж (земельный налог) был двух видов. Первый составлял 1/5, 1/6 и 1/8 урожая. Второй — в одних районах по 1 тенге и 7,5 фунта (3,1 кг) зерна с танапа, а в других районах — 1 тенга весной и 1 тенга и 15 фунтов (6,15 кг) зерна осенью⁶⁶. С мельницы брали от 20 до 100 тенге, а с толчен — от 50 до 100 тенге в год⁶⁷.

В заключение вкратце остановимся на курсах золотых, серебряных и медных монет Бухары по данным современников. В 1820—1821 гг. в Бухарском ханстве, по данным Е. К. Мейендорфа, тилла = 16 руб. асс. = 4 руб. сер., тенга — 76 коп. асс. = 19 коп. сер. Пул = 1,38 коп. асс. = 0,345 коп. сер. Тилла = 21 тенге. Тенга = 55 пулам или 24 карапулам⁶⁸.

В 1833—1834 гг., по данным П. И. Демезона: тилла = 15 руб. 12 коп. асс., тенга = 72 коп. асс., тилла — 21 тенга, тенга = 34—36 пулам, в среднем — 35, пул чуть больше гроша⁶⁹. К этому времени благодаря мерам, принятым русским правительством, курс рубля ассигнациями несколько повысился. Что же касается серебряных рублей, то тилла по-прежнему равнялась 4 руб. сер. В 1835—1836 гг., по данным И. В. Виткевича⁷⁰, тенга = 20 коп. сер., тилла = 4 руб. сер. («40 000 тилла или 160 000 руб.»). Курс тилли в ассигнациях определялся как 1 тилла — около 16,3 руб. асс. (340 тиллей = 5540 руб.). Из соотношения 4 руб. и 20 коп. курс тилли определяется в 20 тенге.

В 1851 г. участок земли в окрестностях Бухары был продан за 223 ашрафи (т. е. тилли), «имеющих хождение по 19 танга»⁷¹. Курс тилли с 21 в 1820—1821 и 1833—1834 гг. упал до 20 в 1835—1836 гг. и до 19 тенге в 1851 г. Затем снова поднялся до 20 во второй половине XIX в. (25 танапов земли по 1 тилле были проданы за 500 тенге)⁷².

В 60—70-х годах XIX в. курс тенги равнялся 20 коп. сер. В конце 80-х годов он стал падать и в 90-х годах равнялся 16 коп. сер. В 1901 г. курс тенги был установлен в 15 коп. сер., хотя в действительности серебра в тенге было больше, чем на 15 коп.⁷³

⁶⁰ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 100.

⁶¹ Записки... С. 99.

⁶² Там же. С. 101.

⁶³ Семенов А. А. Очерк... С. 39.

⁶⁴ Там же. С. 38.

⁶⁵ Радлов В. В. Из Сибири. С. 268, 298.

⁶⁶ Семенов А. А. Очерк... С. 22.

⁶⁷ Там же. С. 52.

⁶⁸ Мейендорф Е. К. Путешествие... С. 112, 113.

⁶⁹ Записки... С. 63, 74.

⁷⁰ Там же. С. 90, 99, 101.

⁷¹ Документы... С. 193.

⁷² Там же. С. 219.

⁷³ Мухаммад Юсуф Муниши. Муким-ханская история. С. 372—373.

После завоевания края Россией здесь, в том числе в Бухарском ханстве, обращались, помимо российских золотых, серебряных и медных монет, также бумажные кредитные билеты Российской империи, которые пришли на смену ассигнациям в 1843 г. Первоначально кредитный рубль равнялся 1 руб. сер., затем 93—99,5 коп. сер. Широкий выпуск кредитных билетов во время Крымской войны привел к их обесцениванию, и в конце 50—начале 60-х годов курс кредитного рубля упал до 85—80 коп. сер.⁷⁴ Русско-турецкая война 1877—1878 гг. снова вызвала обильный выпуск кредитных билетов и их дальнейшее обесценивание. Это отразилось и на денежном обращении в Центральной Азии. Например, в 1878 г. в Бухарском ханстве кредитный рубль стоил всего 45 коп. сер., а в мае 1880 г. 5 руб. кредитными билетами оценивались в 17 бухарских тенег⁷⁵, т. е. 3 руб. 40 коп. сер. (68 коп. сер. за кредитный рубль). Затем курс кредитных рублей повысился. Не был он постоянным и по отношению к золотым монетам. Первоначально «империал» (монета достоинством в 10 руб. зол.) обменивался на 10 руб. 30 коп., а к 90-м годам он уже оценивался в 15 руб. кредитными билетами⁷⁶.

Что касается золотой тилли с «указным» весом 4,8 г, то надо сказать следующее. До реформы 1897 г. российская 5-рублевая золотая монета весила 6,54 г (с 1817 до 1895 г.) и 6,45 г (с 1886 до 1896 г.)⁷⁷. Когда после реформы 1897 г. вес золотой монеты в 5 руб. понизился до 4,3 г⁷⁸, курс бухарской тилли должен был вырасти по крайней мере до 5 руб., ибо при «указном» весе в 4,8 г она обычно весила от 4,4 до 4,5 г; изредка до 4,6 г.

Разумеется, приведенные нами сведения отнюдь не являются исчерпывающими, но в какой-то мере они помогают прояснить картину цен в Бухарском ханстве XIX—рубежа XX в.

⁷⁴ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 271—272.

⁷⁵ Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. М., 1974. С. 98, 102.

⁷⁶ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 274.

⁷⁷ Узденников В. В. Монеты России. 1700—1917. М., 1985. С. 410.

⁷⁸ Там же.

Д. А. АЛИМОВА

БУХАРА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА И ЗАРОЖДЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА

Новое время в истории нашей страны порождает и новые подходы к оценке ее прошлого, и здесь открывается широкое поле деятельности для историков. Независимость окрылила их, дав возможность объективно изучать и излагать историю всех эпох и времен, освободив их от жестких рамок былого идеологического контроля и прессинга. Однако широко распространенная альтернативность мнений выявляет порою явную необоснованность суждений, построенных лишь на эмоциях, без привлечения широкого круга архивных и литературных данных. Это относится и к оценке роли джадидизма в истории Бухары. В последнее время приходится слышать высказывания историков о том, что «благодатное» для Бухары амирское правление было «погублено джадидами» и их деятельность якобы нанесла огромный ущерб экономике, культуре и теологии Бухары начала XX в. Для подобных суждений, их принятия или отклонения необходимо четко уяснить себе, что же происходило в Бухаре в конце XIX—начале XX в. — времени по значению процессов, развивавшихся там, равного целой исторической эпохе.

С этой целью следует привлечь в первую очередь свидетельства людей, имевших самое непосредственное отношение к историческим процессам в Бухаре той поры и описавших их в своих трудах. Говоря об истории Бухары того времени, исследователи прежде всего опираются на произведения выдающегося ученого, просветителя и поэта Ахмада Дониша, прозванного за глубокие познания в естественных и точных науках мухандисом. Известно, что, окончив медресе, он самостоятельно изучил историю, литературу, астрономию, геометрию, медицину, каллиграфию, имел познания и в области музыкального искусства.

Поступив на службу при дворе амира Насруллаха в качестве главного каллиграфа и художника в середине 50-х годов XIX в., Ахмад Дониш в 1870 г. добровольно ушел со службы, как несовместимой с его представлениями о справедливом устройстве государства. Он пишет об этом: «...Из-за отсутствия порядка служба в войске и услужение правителям показались мне тяжелыми и бесплодными, я, несмотря на то, что меня приглашали и упрскали, устранился и поселился в медресе, удовлетворившись сухим хлебом»¹. Трижды бухарские амиры, считаясь с его глубокими знаниями, включали Ахмада Дониша в состав посольств, отправляемых в Россию. Эти поездки в страну, тогда более развитую, чем Бухара, усугубили его критическое отношение к ее правящим кругам, понимание отсталости и косности форм правления. С конца 70-х годов вплоть до смерти амира Музаффера Ахмад Дониш проработал судьей в отдаленных провинциях Хузар и Нахрпай. Эта работа еще более утвердила его мнение о необходимости социально-экономических преобразований в общественном устройстве Бухары. В «Трактате об устройстве государства и взаимоотношениях людей» («Наводир ал-вокеа») он высказал свое отношение к существовавшему режиму и предложил реформу государственного управления Бухарского ханства. Яркая картина состояния страны, системы правления, положения народа, а также война с Россией описаны в его знаменитом труде, более известном под названием «Рисола» («Трактат») или «Рисолаи тарих амирон мангит» («Трактат по истории мангитских амиров») ². Всех амиров Бухары от Данийала до Абдуллахада, за исключением Шахмурада, Ахмад Дониш характеризует как неумелых правителей, заботившихся только о личном благосостоянии, а не о благоустройстве государства и его подданных. «Они, — пишет он, — забирали себе все, что бы ни находили, — похищали пламя от свечи у вдов и хлеб из вакуфных амбаров, и все это на потребу своего брюха и себе на радость. И ни у кого не было смелости возражать. Среди амиров и хакимов оживился базар азартных игр, винопития и распутства, а у крестьян и ремесленников не осталось возможности ни стоять, ни двигаться из-за обилия жестокостей, притеснения, налогов и прочих сборов вроде аминана, вакилана» ³. Приводя примеры из повседневной жизни, он пишет: «Если какая-нибудь вдова принесет на базар моток пряжи и продаст его за три фулуса (местная монета. — Д. А.), то два фулуса из них забирает амин, а если кто-нибудь принесет вязанку дров и продаст за три дирхама, две части из них также становятся долей амина» ⁴.

Дониш приводит интересный рассказ из уст бедного дехканина

¹ Е п и ф а н о в а Л. М. Рукописные источники по истории Средней Азии периода присоединения ее к России: Бухара. Ташкент, 1965. С. 14.

² Рисола. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 1987.

³ Е п и ф а н о в а Л. М. Указ. соч. С. 19.

⁴ Там же.

из Гиждувана, привезшего на продажу в Бухару коконы: «Как только я пришел на базар, мой товар потащили на несколько весов, в 2—3 местах взяли «аминана» и плату за место, определили половину веса и половину цены, так что, получив 10 танга, я поскорее сбежал с базара и все боялся, как бы, не дай бог, я сам не исчезнул бы на весах у этих воров»⁵.

Такая ситуация была главенствующей во всех сферах. В области ирригации, самой жизненно важной в климатических условиях Бухары, царил та же система обкрадывания людей. Еще задолго до того, как вода поступала в город, мирабы начинали брать мзду, она бралась и с тех, кто участвовал в очистке каналов. А с дехкан брали налоги даже с незаселенных земель, а за неуплату их грозила тюрьма. Система же полицейской власти не поддается никакому определению. По словам Дониша, «хранители общественного порядка» не имели от государства жалованья. Их жалованье состояло из поборов с населения, поэтому они, «естественным образом», вместо того, чтобы охранять жизнь и имущество жителей Бухары, сами превращались в разбойников, заключая соглашения с грабителями.

Конечно же, это был самый нижний ряд господствовавшей системы. Верхним рядом в ней был двор, где назначение на государственную должность определялось тухфой (подарок) огромных размеров в форме взяток или наличнем у претендента красивой млоденькой дочери. Злоупотребления чиновничества, алчность правителей и самих амиров, использование религиозных канонов для оправдания своих недостойных действий, состояние образования, носившего схоластический характер, отсутствие четкой внешнеполитической линии, направленной на сохранение самостоятельности государства, узкие, весьма ограниченные устремления, нацеленные на завоевание новых земель в регионе, плюс нищенское положение народа — такова общая характеристика Бухарского ханства при амире Музаффаре, данная его современником.

Однако Ахмад Дониш был не просто критиком, на него лег огромный груз осознания бедственного положения его Родины. Он имел целостное представление о развитых странах, знал и был убежден, что прорыв возможен, и он должен быть определен прогрессивными начинаниями. Он предлагал начать реформу с жизненно важной артерии — ирригации. В своем труде Дониш выдвигает проект проведения оросительного канала из Амударьи в районе Колифа и Керки, чтобы ликвидировать недостаток воды в ханстве, усугублявшийся тем, что воды Зарафшана после русско-бухарской войны оказались под контролем царских властей. По этой причине началась засуха, но это не избавило налогоплательщиков от взимания налогов, а потому многие дехкане ушли из деревни в Казали и районы, находившиеся под русским надзором. Подобные явления носили социальный характер и вели к структурным изменениям в кишлаке.

Читая «Рисала», мы убеждаемся, что Ахмад Дониш не был одинок, он пишет, что четвертая часть населения не мирится с такими порядками. Это была та часть народа, куда упало зерно прозрения, брошенное им, где вызревало движение, названное джадидизмом, призывавшим к прогрессу и полноценному развитию общества, и основателем его был сам Дониш.

Последователь Ахмада Дониша Мирза Мухаммад Абдулазиз Сами Бустани был широко известен в свое время в мире науки. Все тазкира отмечают его как видного историка, литератора, поэта, кал-

⁵ Там же.

лиграфа и «мастера красноречия» Он служил при амире Музаффаре и более десяти лет при амире Абдуллахе в качестве мунши (амирского секретаря). Будучи очевидцем событий конца XIX — начала XX в. в Бухаре, он оставил потомкам целый ряд трудов и особенно знаменитый среди них — «Тарихи салатини мангитийа дар ас-салтанат Бухорон шариф» («История мангитских государей, [правивших] в столице, благородной Бухаре»), где описывает состояние Бухарского амирата и подробно излагает историю завоевания Туркестана Россией. В отличие от произведений Ахмада Донниша, о которых мы говорили выше, книга Сами представляет полную картину военных действий, повествует о положении и настроениях населения Самарканда и Восточной Бухары, об Андижанском восстании Дукчи-нишана 1898 г. и т. д.

В бывшей советской историографии столь ценный труд использовали лишь выборочно, а сам Сами оценивался как носитель антирусских настроений. Части сочинения, где с горечью говорилось о потере ханствами независимости, использовались только для негативной характеристики личности самого автора. Его бичевали как человека, «не сумевшего понять прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России». Между тем Сами, судя по его сочинению, был в высшей степени патриотом своей Родины. Во время войны Бухары с Россией он состоял в должности «вакан пигар» («наблюдающего за событиями»), а потому имел возможность правдиво описывать происходившие события. Эта должность позволяла ему увидеть общую техническую и военную отсталость страны, состояние войска, набранного, по его словам, из случайных людей, большинство из которых «были воры, азартные игроки, пьяницы... никогда не слышавшие ружейного выстрела».

Причину снятия Сами с должности и изгнания из амирского двора историки видят в том, что он не скрывал своего негативного отношения к окружающим престол чиновникам и к самой системе правления в Бухаре. В своих поэтических произведениях того времени он смело подвергал критике придворную знать, нередко и самого амира, предававшихся праздности и порокам. В одном из стихотворений он писал, что «мелодия правды улетела с земли на небеса». Это значило, что Сами не видел справедливости ни в методах правления, ни в решениях амира, ни в положении населения.

По мнению Сами, упадок государства и обнищание народа, начавшиеся еще при амире Насруллахе (1826—1860), усиливаются при Музаффаре (1860—1885) и разрушительная сила пороков самой системы доводит Бухару до крайнего положения при амире Абдуллахе (1885—1910). По словам Сами, «некоторые умудренные опытом старики стали считать дату упадка Бухарского государства с восшествия на престол этого амира Насруллаха...»

Новый амир — Музаффар, пишет Сами, «в притеснениях и несправедливости превзошел покойного отца... Постепенно дело дошло до преступления границ шарията».

Вину за поражение в войне с русскими войсками Сами во многом возлагает на амира Музаффара, не сумевшего мыслить дальше своих узких интересов и воспользовавшегося осаждением русскими Ташкента, чтобы захватить Коканд.

Вот какие интересные факты приводит Сами: «Овладев силою Аулие-Ата, христианское войско (под командованием полковника М. Г. Чернышева. — Д. А.) выступило оттуда на Ташкент и окружило. Шаш. Амиры и все жители Ташкента подтянули пояса для сопротивления и решили сражаться. Они справили амиру Музаффару сми-

рейнное письмо с просьбой помочь и поднять весь народ Бухары... Тем временем христианское войско с усердием приступило к осаде, окружило крепость, подобно кольцу, и открыло жаркую стрельбу сокрушающими крепость пушечными ядрами. Жители Ташкента от сильного ливня ядер и пуль не смогли оказать сопротивление и подняли вопли о помощи. [Однако] сколько они ни просили смиренно помощи у Музаффара в письмах и словесных сообщениях, [все] оказалось бесполезно, он не давал приказа бухарскому войску выступать, до и только. Жители Ташкента потеряли надежду на помощь бухарцев и, решив стоять насмерть, проявляли стойкость и твердость в обороне крепости... Больше того, выступив из Ходжента [амир] двинулся с большим войском и грохочущими пушками на Коканд. Кокандское же войско вынуждено оставить Ташкент, вернуться для защиты Коканда». Это позволило русским войскам окружить город с четырех сторон, закрыв входы в крепость, и в то время, «когда амир Музаффар дошел с бухарским войском до Кокандской местности Канибадам, христианское войско силой овладело Ташкентом, а жителей его предало мечу и кинжалу и, погубив много людей, захватило город. Амир Музаффар же, войдя без боя и сопротивления в Коканд, был вознагражден исполнением своего заветного желания»⁶.

Как видим, амир был далек от того, чтобы стать организатором сопротивления. Стремясь захватить Коканд, он не готовился к войне с Россией, хотя ее войска вплотную подошли к границе ханства. И только взбунтовавшееся духовенство Бухары заставило его выступить на войну, результатом которой было поражение и превращение Бухарского ханства в вассальное государство. Причинами поражения бухарского войска и Сами, и Ахмад Дониш считали отсутствие у амира каких-либо продуманных правил в отношении устройства войска. На должности военачальников назначались полнейшие невежды в военном деле. Сказывались также неупорядоченность выплаты жалованья воинам, необеспеченность семей в случае гибели воина и неосведомленность войска о противнике.

Однако в отличие от Сами, Дониш критически оценивает и деятельность духовенства, которое, как и амир, не имело ясного представления о противнике, собрало огромную неорганизованную толпу ополченцев, вооружило их палками и заставило участвовать в джихаде, обрекая тем самым на верную гибель.

И Сами, и Дониш очень резко отзываются о феодальных правителях и в ярких красках описывают тяжелое положение народа. Еще более критически отзываются они об амире Абдуллахаде. Сами считает что при его правлении «не осталось и следа от предков темуридского узбекского ханства», а Ахмад Дониш констатирует, что при новом амире ничего не изменилось и положение народа не стало лучше.

Их младшим современником, к трудам которого мы также можем обратиться, был известный бухарский историк Мирзо Салимбек ибн Мухаммад Рахим, занимавший видные посты при трех бухарских амирах — Музаффаре (1860—1885), Абдуллахаде (1885—1910) и Алимхане (1910—1920). Он оставил нам ряд ценнейших трудов по истории Бухары. Один из них — «Тарихи Салими» посвящен обширному периоду от появления на исторической арене Чингизхана до событий 1920 г. в Бухаре. Его история более обширна, и в отличие от «Рисола» Ахмада Дониша затрагивает интересующие нас более поздние события.

⁶ Мирза Абдулазиз Сами. Тарихи салатини мангитиё. М., 1962. С. 58—59.

Мирзо Салимбек за всю свою служебную деятельность увидел немало. Начав свою карьеру в возрасте 20 лет в качестве писца в канцелярии правителя Нахрпая и Зияуддина Астанакулбека, ставшего впоследствии кушбегги (первое приближенное к амиру лицо), он постоянно продвигается по службе, занимая влиятельные посты, от представителя Бухары в Ташкенте (во время пребывания на посту туркестанского генерал-губернатора Н. О. Розенбаха) до правителя различных областей Бухарского амирата. В последний же год существования ханства он занимал должность главного закатчи (глава всех сборщиков заката).

После революции в числе крупных амирских чиновников Мирзо Салимбек был арестован, а его имущество конфисковано. После освобождения он был зачислен в комиссию «Общество истории», которая намеревалась написать историю Бухарского арка⁷. По-видимому, эта работа натолкнула его на мысль изложить правдивую историю Бухары. Большая часть книги посвящена событиям, свидетелем которых был сам автор. Мирзо Салимбек не предназначал ее для чтения других лиц, поэтому, по верному определению востоковеда А. А. Семенова, «получились оригинальные, полные интимности, ничем не прикрытой откровенности воспоминания лица, много видевшего и много испытавшего»⁸.

Многолетнее положение приближенного к амиру человека не помешало Салимбеку быть объективным в оценке исторических событий и действий самого амира, которого он характеризует весьма слабавольным правителем. Оценивая период правления амира Саид-Алимхана (1910—1920 гг.), он пишет о нараставшем кризисе в экономике Бухары. По его сведениям, с началом первой мировой войны резко возросли цены на продовольствие. Если до войны 1 ман (8 пудов) зерна стоил 200, а 1 ман риса — 700 танга, то в 1917 г. 1 ман зерна стоил 12 000, а 1 ман риса — 14 000 танга⁹. Курс бумажных денег постоянно падал. Особенно возросли цены на товары, привозимые из России. Мирзо Салимбек крайне негативно оценивает колониальную политику России в Бухаре. Вместе с тем он констатирует, что и при амире Алимхане сохранялись тот же административный аппарат управления, та же неограниченная власть амира над своими подданными, тот же паразитический образ жизни правящей верхушки бухарского общества, а следовательно, и тяжелое положение простого народа. Но в отличие от своих предков Алимхан был слабавольным и его действия во многом зависели от окружавших его чиновников, от того, кто возьмет над ним верх.

Впрочем, более подробно писали о нем Садриддин Айни и Абдурауф Фитрат. Не забегая вперед, необходимо отметить, что все трое указанных нами авторов, описавших события конца XIX — начала XX в. в Бухаре, дают полное представление о политическом, экономическом и социальном положении государства. Их работы интересны еще и потому, что все они занимали высокие посты при государях, вращались в высших сферах управления, были в центре политических событий, а потому отразили происходившие события с наибольшей основательностью.

Давно минули те времена, когда историки полагали, что историю делают не личности, а только народ. Это правильно лишь отчасти.

⁷ Епифанова Л. М. Указ: соч. С. 45—46.

⁸ Семенов А. А. Последний бухарский историк [Мирза Салимбек]. Рукопись, 53 с. Душанбе, АН Тадж. Отдел научных фондов архива. Фонд. А. А. Семенова, оп. 1, д. 24, л. 45.

⁹ Тарихи Салим. Рқп. ИВ АН Рӯз, инв. № 2016, л. 188а.

Историки международного класса, как А. Тойнби, Е. В. Тарле, М. Блок, Ф. Фукуяма, считали, что у руля истории стоят личности, лидеры. От их знаний, умения масштабно мыслить, объективно оценивать происходящее и способности принимать верные решения зависят положительные и негативные сдвиги в жизни народов. Поэтому упомянутые выше авторы, пусть даже не ученые в полном смысле этого слова, но государственные мужи с недюжинными способностями, имевшие склонность к анализу и оценке явлений и фактов, не могли быть более субъективными, чем современный исследователь с большим багажом исторических знаний. Напротив, рассуждая о том, к каким тяжелым последствиям приводят завоевание Центральной Азии Россией, управление страной по соображениям собственной выгоды, извращения законов шариата и философских основ ислама, — они были предельно объективны. Один из них был более близок к джадидизму, другой — менее, но все они понимали, что состояние Бухары того времени не может отвечать ни одной цивилизованной форме общественной жизни. Это и породило движение за прогресс, аккумулировавшее в себе все, что связано с представлением о новизне, и обозначившее поиск выхода из кризисного положения. Соединение ислама и науки, ислам плюс прогрессивное развитие — вот узел философских поисков джадидов первой формации.

Какие характеристики давали бухарскому обществу те, кто стоял у истоков движения, как они оценивали реалии и на чем обосновывались их философские и практические идеи реформации? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы обращаемся прежде всего к трудам Абдурауфа Фитрата, Садриддина Айни и Файзуллы Ходжаева, стоявших в центре событий того времени и определенным образом влиявших на них.

Нет нужды представлять читателю Абдурауфа Фитрата — виднейшего представителя бухарского джадидизма, крупного общественного деятеля, ученого, демократа и писателя — фигуры ярчайшей в национально-прогрессивных движениях Востока. О нем писали много и в Узбекистане, и далеко за его пределами сложилось объемное фитратсведение, досконально изучающее его творчество и биографию, трагически прерванную в 1937 г. Мы не будем подробно писать о нем и характеризовать его труды, ибо наша цель — словами очевидцев показать состояние Бухары и историческое предназначение джадидизма. Обратимся лишь к двум работам Фитрата — «Баёноти сайёхи хинди» («Рассказ индийского путешественника») и «Амир Алимхонинг хукмронлик даври» («Период правления амира Алимхана»).

Первая из них представляет собой рассказ индийского путешественника, посетившего Бухару. Конечно же, устами путешественника говорит сам Фитрат, увидевший как бы со стороны неприглядный быт и жизнь бухарцев. Косность и невежество представителей духовенства, неправильно толкующих шариат и в целом исламские нормы поведения, по его мнению, отрицательно влияли на все сферы жизни бухарцев.

Как известно, Бухара прославилась на весь мир как родина величайших людей науки, медиков, поэтов, мыслителей. Однако затем Бухара и в целом Туркестан, «бывший яркой звездой знаний, лучистой страницей книги человечества», — писал Фитрат, — погрязли в болоте невежества». И в этом он обвиняет бухарское духовенство, произвольно толковавшее ояты Корана по своему усмотрению. Его примеры из области состояния медицины, основанной не на общих канонах медицинской науки, а на каких-то выдуманных заклинаниях; управления краем, где нет никакой оплаты службы и все зиждется на поборах

с населения; судопроизводства, где справедливость определяется размером кармана истца; образования, где царствуют схоластика и бессмысленное зазубривание текстов,—представляют собой впечатлительные рассказы о встречах с представителями этих сфер.

Бухара издавна была крупным очагом образования. И к 1911 г., ко времени написания «Баёоти сайёхи хинди», в Бухаре было 200 медресе высшего, среднего и низшего звена. Фитрат приводит названия 72 медресе высшего звена с общей суммой доходов от вакфа—3 776 000 танга¹⁰. Это была по тем временам огромная сумма, однако лишь меньшая часть этих средств шла на цели их содержания, а большая оседала в карманах управителей вакфов. Они не гнушались ни продажей худжр, ни распределением мест мударрисов за деньги. «Бухара, подарившая миру более 400 известных ученых, имеющая высочайший научный потенциал, достигшая высших достижений в культуре, олицетворявшая собой общий дом ученого мира, аудиторию всеобщего просвещения, имевшая все средства для прогрессивного развития, превратилась в настоящее обиталище невежества, в невольницу нищеты и унижений»¹¹, — восклицает Фитрат.

Красной нитью в книге Фитрата проходит мысль о том, что Европа многое взяла у Востока в области науки и просвещения и достигла хороших результатов. Теперь, писал Фитрат, настала пора учиться у европейцев и использовать их технику и науку, чтобы поднять культуру производства, торговли, управления и других сфер жизни. Ведь в Бухаре, отмечал он, производятся прекрасные ткани и ремесленные изделия, однако они вытесняются с рынка зарубежными товарами, созданными посредством машин и техники. Свои идеи Фитрат основывает на предписаниях Корана, не одобряющего отказ от достижений других народов только потому, что они исповедуют иную религию.

Произведение А. Фитрата стало ярким проявлением нового прочтения философского содержания ислама, правильным пониманием его мирообъяснения и оценки роли человека в этом мире. Задача человека — не просто исполнять предписанные Кораном заветы, а стать хозяином своей земли, своей судьбы — так толкует священную книгу Фитрат: «Человек по воле Корана — высшее существо, он может управлять землей и небом, преобразовывать их». Если горы, железо, земля преобразовываются человеком, то почему он не может преобразовать свою жизнь, а должен ждать милостей от правителей? Так ставит он вопрос, толкуя ояты Корана не как призыв к покорности судьбе, а как побуждение людей самим вершить свою судьбу. Прекрасный знаток Корана, Фитрат подтверждает свои размышления выдержками из него: «лайса лил—инсани илла ма саяй» — «чего бы человек ни достигал, он этого достигает желанием и усилием».

По Фитрату, развитие предпринимательства и торговли должно основываться на знаниях и единстве нации. Не соревнование друг с другом за большие заработки, а объединение средств для строительства фабрик, покупки оборудования будут способствовать промышленному и сельскохозяйственному развитию. Ведь Бухара так богата полезными ископаемыми — золотом, медью, железом, углем, маслом, — восклицает Фитрат. А главным условием прогресса он считает обучение детей предпринимательству и другим наукам. «Если бухарцы не будут пользоваться благами знания, данными богом, богатством Бухары овладеют чужие люди, завладевшие страной, но имеющие знания. Построив свои фабрики и машины, они возьмут в

¹⁰ Фитрат А. Хинд сайёхнинг қиссаси//Шарқ юлдузи. 1991. № 8. С. 15.

¹¹ Там же.

руки торговлю и тогда тысячи рабочих рук будут привлечены к ним на службу, а дети наши будут вынуждены быть в подчинении»¹². Совершенно очевидно, что здесь имел в виду Фитрат: экономическая отсталость приведет к экономической и политической зависимости от России.

Вторая книга А. Фитрата не только освещает бытовое и социальное положение населения Бухары, но и деятельность самого амира Саид-Алимхана. Хотя большая часть книги посвящена краткой характеристике мангитских амиров, Фитрат, не касаясь основных политических событий, дает как бы частную оценку амиру, описывая его образ жизни. Надо учитывать, что книга «Правление амира Алимхана» была написана в 1930 г., когда уже в полную силу вступил тоталитарный режим, и джадидизм бичевался официальными властями как «национально-буржуазное, контрреволюционное движение». Думается, что поэтому Фитрат ограничился частной характеристикой, не «примешивая к делу» джадидов. Собственно, поэтому некоторые его оценки, например деятельности Насрулла-кушбеги в поддержку джадидов, носят отрицательный характер.

Тем не менее ценность работы Фитрата — в четком определении сути государственного устройства Бухары. Основными политическими фигурами там, по мнению А. Фитрата, были кушбеги (главный везир), козикалон (верховный судья, решавший все религиозные дела и управлявший судопроизводством), ранс (вопросы цен, статистики, управления дорогами и др.), хазиначи (государственный казначей). Управление страной, по определению Фитрата, «безвольным и ленивым» Алимханом было отдано этим людям, постоянно сменявшимся на постах и враждовавшим между собой. «Ни один из этих государственных служащих при Алимхане не имел государственного жалования и поэтому продолжало процветать взяточничество и поборы с населения»¹³.

Сам амир был занят преимущественно заботами о личных удовольствиях. Его некоторый либерализм в отношении джадидов в начале развития их движения, разрешение на открытие школ, реформа под названием «Фармони ислохот» — все это было результатом влияния Насрулла-кушбеги — человека достаточно образованного и симпатизировавшего джадидскому движению. Согласно принятому закону, запрещались взятки и подношения лицам, занимающим государственные должности, уменьшались налоги, в частности земельный налог, служащим дворца повышалась зарплата. Однако против укоренившейся системы взяточничества не было панацеи, и, несмотря на борьбу кушбеги, сам амир продолжал принимать подношения.

Фитрат подробно останавливается и на военном устройстве, отмечая, что система привлечения в войска людей со стороны или студентов медресе, не обученных военному делу, не принесла положительных результатов.

В своей книге Фитрат довольно часто цитирует Садриддина Айни, опираясь на его труды «История мангитских амиров». Айни, в свою очередь, пользовался работой Ахмада Дониша. Все три автора негативно оценивали время правления последних амиров Бухары. С. Айни, как и Фитрат, характеризует Саид-Алимхана как беспринципного правителя, думавшего только о личном спокойствии. Издав указ о реформе, «он стремился как можно быстрее отменить собственный фирман. Успокоившись в отношении Временного правительства и

¹² Там же. С. 39.

¹³ Фитрат. Амир Олимхоннинг хукмронлик даври. Тошкент, 1992. С. 30.

издав фирман, он вроде бы обелил себя в глазах общественности, теперь был нужен лишь предлог, чтобы отделаться и от указа», — пишет Айни в своей книге «История революции в Бухаре»¹⁴.

Как видим, политическое и экономическое состояние Бухары, региона в целом и определило причины появления на исторической арене такого национально-прогрессивного движения, как джадидизм. Он сформировался под влиянием прогрессивных реформистских течений в Азии и Европе и ознаменовал собой переломный этап общественного развития. Понимание национальной интеллигенцией, прогрессивными силами всей глубины кризисного состояния колониального Туркестана, полузависимых от России Бухарского и Хивинского ханств, их возрастающего отставания от общемировых процессов, причин подавления свободолюбивых устремлений коренного населения, застоя в экономике и духовной сфере, обусловленного религиозной схоластикой, породило в их сознании идеи реформирования общества, без чего невозможно было его дальнейшее развитие. Это отечественное реформистское движение прошло сложный и исторически неоднозначный путь. Джадидизм вбирал в себя философский опыт прогрессивно-реформистских движений многих стран, пытаясь трансформировать его на своей национальной почве, а в то же время он был ареной столкновения разных взглядов о перспективах общественного развития. Но и на этом сложном пути зрела и оформлялась концептуальная идеология борьбы с колониализмом, которую сейчас мы можем рассматривать как духовную предтечу современной преобразовательной практики, генетическую основу нынешнего курса масштабных реформ. Джадидизм в Центральной Азии был многогранен, и одним из его главных русел был бухарский джадидизм, имевший свои особенности и формы развития, обусловленные экономическим, политическим положением Бухарского эмирата и нравственным состоянием его общества.

Как же процесс, начавшийся, по словам Ф. Ходжаева, с действий «кучки фрондирующих интеллигентов», превратился в «сильное национально-прогрессивное движение»? На этот исторический вопрос он отвечает сам в своих статьях, а затем и в книге «К истории революции в Бухаре», изданной в 1926 г.

Ф. Ходжаев считал, что почвой для возникновения джадидизма в Бухаре послужила прежде всего сама экономическая основа ханства, «странный и уродливый анахронизм», сдерживавший развитие общества. В то же время автор осознает, что Бухара, находясь в самой глубине Центральной Азии, вместе с тем располагалась в центре мировых путей древности и что при наличии забитого, безграмотного населения здесь на каждом шагу встречались следы высокой самобытной культуры. Ко всему этому — деспотический строй, охраняемый «из политических видов» русскими штыками, а в результате Бухара стала родиной джадидизма. Парадокс? Нет, именно эти причины, да плюс «русский капитализм..., покрывший Среднюю Азию сетью своих банков, торговых контор, скупавших усиленно дехканское сырье, и поставлявший в Среднюю Азию свою мануфактуру и другие фабрикаты»¹⁵, — все это вызвало глубокие раздумья передовой части общества, вылившиеся в джадидизм. Устаревшая структура управления в Бухаре и в то же время происходившие в ее экономике изменения ставили деловую торговую часть общества в весьма затруднительное положение. Поэтому «джадидизм выражал интересы передо-

¹⁴ Айни С. История революции в Бухаре//Памир. 1986. № 4. С. 85.

¹⁵ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926. С. 8.

вой части торгового класса». «Сельские кулаки» — маленькие феодалы на своих земельных наделах, находившиеся рангом ниже, не поддавались влиянию реформ, потому что были самостоятельными и экономически независимы, обладая лучшими по качеству землями «милк», «милк хур», «танхо». Дехканство же, находившееся под влиянием духовенства, было нейтрально и пассивно. «Большинство джадидов, — писал Ф. Ходжаев, — принадлежало к материально среднему и плохо обеспеченной интеллигенции или мелкой буржуазии: студенты духовных школ, мелкие лавочники, мелкие чиновники, были и крупные купцы, но, во-первых, их мало..., а во-вторых, они не столько сами работали в организации, сколько поддерживали ее материально: назовем хотя бы Мансурова и Якубова. Были даже крупные духовные лица, например мулла Икрам (мулла Икрам известен своей брошюрой, содержащей критику тогдашней Бухары), но в целом партия была партией городского средняка», — отмечает Ф. Ходжаев¹⁶.

Очень верны, на наш взгляд, заключения Ф. Ходжаева о роли купечества в джадидском движении. Купеческие круги понимали, что для развития торгового капитала необходимы были европеизация Бухары и установление в ней хотя бы простейших правовых норм. А состояние дел в амирате не создавало для этого соответствующих условий. Поэтому купечество было склонно к оппозиции и присоединилось к джадидскому движению, всячески поддерживая его материально.

Однако оно, конечно же, было напугано репрессиями, последовавшими после колесовских событий, и не желало открытой борьбы с амиром, в которой оно могло, по выражению Ф. Ходжаева, больше потерять, чем приобрести. «Массовое движение, без которого нет успешной революции, — писал он, — их пугало. Общественное восстание, так или иначе затрагивающее интересы капитала, не могло входить в их программу. Им нужны были частичные реформы, но не революция... Их уход сильно ослабил движение, лишая организацию довольно значительной поддержки»¹⁷.

Ф. Ходжаев считал, что обстановка в Бухаре, «тяжелая атмосфера общественной жизни» ускорили развитие джадидизма, хотя здесь он возник позже, чем в Туркестане, и быстрее, уже с 1915 г., свернул с пути культурничества на путь политики. Подтверждением тому автор считал публицистические и литературные произведения бухарских джадидов, в частности А. Фитрата (например, рассмотренный нами «Баё-ноти сайёхи хинди»), где подверглись критике не только духовная жизнь, но и законоведение, торговля, формы правления в ханстве.

История показывает, что путь джадидского движения был необратим: начиная с просветительства и узкого культурничества, он непременно выливался в политическое движение, ставившее задачи кардинального переустройства общества и управления им. Так, в Татарии оно привело к организации «Мусульман иттифоки», в Туркестане — «Шурои Исломи» и других партий, в Бухаре — Партии младобухарцев-революционеров. Но было бы ошибкой считать, что только с возникновением партий стали выдвигаться политические требования. Конкретные требования такого характера имели место с самого начала. После 1910 г., когда джадидизм принял организационный характер, в «мечтах наиболее передовой части джадидов», их «программе-максимум» главное место занимает идея процветания в Бухаре демократии и капитализма по западным образцам. Ф. Ходжаев

¹⁶ Там же. С. 12.

¹⁷ Там же. С. 33.

сам симпатизировал этим идеям, и даже время написания его книги — 1926 г. — не помешало ему соединить не совместимые для большевиков понятия: демократизм и капитализм¹⁸.

Причин расширения целей джадидской организации, обретения ею политической окраски, на наш взгляд, было две: во-первых, — кризис, переживаемый джадидизмом в 1914—1915 гг., закрытие газет и новометодных школ показали, что существующая власть не позволит джадидам широко развернуть свою деятельность по борьбе с косностью и невежеством; пока не произойдет изменений в структурах и политической основе власти, не будет вообще никаких изменений в обществе. Во-вторых, джадидизм получил мощный приток молодых сил в лице бухарцев, возвратившихся после учебы за границей; изучивших зарубежный опыт национально-прогрессивных движений. Их уже не удовлетворяли узкие культурнические рамки, они требовали четкого определения политических задач, снижения налогов, ограничения чиновничьего произвола, облегчения жизни дехканства.

Возникло известное противостояние джадидов «старого толка» и молодежи, во главе которой был А. Фитрат. Оно и стало причиной несогласованных действий, в результате которых была разогнана мирная демонстрация в поддержку манифеста амира и начаты репрессии против джадидов. Ф. Ходжаев и А. Фитрат принадлежали, конечно же, к левой, молодежной группировке и даже в зрелом возрасте оставались на ее позициях. В отличие от джадидов старшего поколения, Ф. Ходжаев не считал ошибкой тактику открытых выступлений, хотя, по мнению С. Айни, из-за «исосмотрительности и неправильности понимания обстановки левой группировкой во главе с А. Фитратом и Ф. Ходжаевым, была разгромлена джадидская организация».

При всем уважении к представителям молодых джадидов, надо признать, что исторические события последующих лет показали, что Абдулвахид Бурханов, Усман Ходжаев, Мухитдин Рафаат, Муса Саиджанов, Садриддин Айни и другие более трезво взвешивали обстановку, понимая, что джадидам не имеют достаточной опоры среди основной массы населения, которая находилась под влиянием консервативного духовенства и в любой момент по его зову могла выступить против джадидов, как на самом деле и случилось. Поэтому они были сторонниками чрезвычайно взвешенных и осторожных действий, выступали за постепенный, медленный реформизм, без всяких революционных, тем более кровавых, потрясений.

Собственно говоря, радикально настроенная часть джадидов, не боявшаяся даже вооруженного восстания, и была зачинщицей манифестации, а затем и колесовских событий. Но как бы ни были горячи головы левых младобухарцев, у них хватило благоразумия не допустить раскола в организации, оставив председателем Абдулвахидом Бурхановым. Они понимали, что положение после репрессий амира в марте 1917 г. сильно изменилось, социальная база джадидизма сузилась из-за отхода представителей купечества и прекращения ими материальной помощи организации. «...От нее (борьбы. — Д. А.) стали отходить имущие. Центр тяжести переместился влево, ибо после этого дальнейшее расширение организации пошло уже за счет неимущих слоев населения... Организация ослабла, ослабла также сила ее морального воздействия на общество», — пишет Ф. Ходжаев¹⁹.

За семь лет упорной и тяжелой работы (1910—1917 гг.) джадидам сформировались в политическую партию младобухарцев, которая

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 17.

могла, по словам Ф. Ходжаева, «возглавить национальную революцию». В этот момент Ф. Ходжаев и А. Фитрат искренне верили, что партия должна воспользоваться помощью «Советского Ташкента» для свержения амира. И лишь позднее они поняли, что главной действующей силой здесь выступили в своих интересах большевики, а младобухарцы стали им подспорьем в захвате Бухары.

Лидеры джадидов осознали всю трагическую сущность последствий колесовских событий. Как известно, поход Колесова на Бухару в марте 1918 г. кончился поражением, а в результате было истреблено 1500 джадидов и сочувствующих им; 3000 ни в чем не повинных людей разных национальностей погибли в ходе резни, организованной амиром. Ф. Ходжаев честно признается: «Я, как один из руководителей ЦК, не менее, даже, может быть, более других ответствен за все происшедшее, за все ошибки, допущенные в колесовских событиях ЦК, я не менее других был увлечен нашими скромными, как теперь вижу, достижениями и также надеялся на успех вооруженного выступления»²⁰. По истечении восьми лет, как видно из книги, Ф. Ходжаев стал понимать, что два центра мешали полной большевизации Центральной Азии: Туркестан мухторияти и Бухарский амирят.

Цензура, как видно, не заметила легкой иронии, прозвучавшей в книге Ф. Ходжаева в адрес Ф. Колесова: «Опьяненный своей кокандской победой, Колесов думал с той же легкостью ликвидировать и эмирскую Бухару, но факты оказались против него... Рассчитывая на легкую победу, Колесов... был, очевидно, уверен, что его сил при небольшой поддержке младобухарцев будет вполне достаточно для захвата Бухары»²¹.

Ф. Ходжаев неоднократно подчеркивал, что «именно джадидизму мы обязаны тем, что в Средней Азии воспитались кадры, могущие возглавлять национально-революционное движение»²².

Но не все движения оканчиваются так, как этого хотели их лидеры. И мы далеки от того, чтобы не видеть их ошибки. Конечная ошибка бухарских джадидов — раскол в их рядах, выбор «ультра-революционного» пути обновления общества и неумение увидеть, что силы, к помощи которых они прибегли, российские большевики имели совершенно иные цели, приведшие к колонизаторству нового типа. И тем не менее следует подчеркнуть, что сама идея джадидизма, как философская концепция полноценного развития страны, была уникальна и объективно исторически оправдана.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Там же. С. 45.

²² Там же.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

РОЛЬ БУХАРСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ В СЛОЖЕНИИ ТИПОЛОГИИ РАННИХ МАВЗОЛЕЕВ МАВЕРАННАХРА

В монументальной архитектуре мусульманского мира особое место принадлежит мавзолеям. Усыпальница аш-Шафийя в Каире (XIII в.), ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде (XIV—XV вв.), Тадж-Махал в Агре (XVII в.) и многие другие принадлежат к числу шедевров мирового зодчества. Но следует подчеркнуть, что в отличие, скажем, от мечетей, мавзолей в мусульманской среде появляются значительно позднее времени утверждения ислама. Возведение надгробных сооружений на первых порах категорически запрещалось, ибо противоречило основным установлениям религии. Хадисы приписывали этот

запрет самому пророку Мухаммаду, согласно которому погребение мусульманина должно быть аскетически простым и никакое здание или купол над ним не должны сооружаться. Тело усопшего, закутанное в саван, укладывали, повернув лицом на Мекку, в могильную яму, над которой возвышался лишь небольшой холмик, иногда отмеченный каменной обкладкой или парой воткнутых у изголовья и ног палок. Этот аскетизм захоронения, отвечая скромным нормам жизни недавних кочевников-арабов, имел и более глубокий внутренний смысл. Отсутствие надмогильного памятного сооружения, а также какого-либо инвентаря в могиле противопоставлялось погребальным обрядам древних языческих культов, да и христианства, борьба с которыми составляла важную сторону политики ислама. При Омейядах и первых Аббасидах этот запрет еще строго соблюдался.

Со временем, однако, положение меняется. Прославление могущественной личности, всемогущего правителя, которое играло столь большую роль в культуре Востока еще в доисламское время, властно встает в период формирования огромного халифата. И кто, как не халиф — верховный духовный и светский глава теократической державы — должен быть удостоен памятной усыпальницы.

Когда в 862 г. умер халиф ал-Мунтасир, его мать-гречанка запросила и получила разрешение на возведение для него мавзолея в Самарре. Позднее там были погребены также халифы ал-Муттази и ал-Мухтади. Руины этого мавзолея, имеющего Куббат ас-Сулайбийя, были обнаружены при вскрытии холма на западном берегу Тигра. Раскопки выявили план, высокую платформу и стены, сохранившиеся на высоту до 5 м, и три могилы, что окончательно подтвердило его отождествление. Архитектурная композиция напоминает византийские сооружения: восьмигранный план обводных стен, увенчанных куполом, включающих квадратное помещение с четырьмя проемами на осях. Отныне был сломлен запрет хадисов, и пример халифов как бы разрешил строительство мавзолеев во всех исламизированных странах Востока.

Раньше других стран на это откликнулось зодчество Центральной Азии. На рубеже IX—X вв. в Бухаре был возведен мавзолей правившей Мавераннахром династии Саманидов. Он создан был в правление выдающегося представителя этой династии Исмаила Самани, в период утверждения его на мавераннахрском престоле, т. е. между 892—907 гг. Старинный вакуфный документ упоминает о пожертвовании Исмаилом земель в дар мазару его отца Ахмеда б. Асада. Мазар этот располагался вне древней крепости Бухары, на улице Чар-Гумбазон, в западной части города, что топографически совпадает с местоположением мавзолея Саманидов. Вместе с тем на одном из фасадов над входом вмазана деревянная доска, где в надписи, начертанной классическим почерком куфи, указано имя внука Исмаила Насра II б. Ахмада, правившего между 914—942 гг.

В самом мавзолее имеется три надгробья — и это снимает кажущееся противоречие возможных дат. Возведенный Исмаилом Самани над погребением его отца, мавзолей стал также местом упокоения как его самого, так и Насра II б. Ахмада. Имеется также свидетельство, что на кладбище Науканда, располагавшемся значительно южнее мавзолея Саманидов, был мавзолей его сына Ахмада (ум. в 914 г.). Таким образом, вслед за первой династийной усыпальницей возведение мавзолеев получает в Мавераннахре все большее распространение¹.

¹ Литература о мавзолее Саманидов обширна. Этот памятник привлекал внимание еще в XIX в. Библиография приведена в книге М. С. Булатова «Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии» (Ташкент, 1976). Памятник публиковался и позднее.

До наших дней дошел еще один мавзолей саманидской эпохи. В зоне невысоких гор Нарпайского района Самаркандской области затаилось небольшое кладбище, и на нем высится мавзолей некоего Араб-ата². В огибающей портал арабской надписи куфического письма сохранилась дата возведения постройки по распоряжению Саманида Нуха б. Мансура — раби 367 г. х. — октябрь — ноябрь 977 г. Высокий уровень архитектуры свидетельствует о том, что для сооружения его правителем был прислан в это удаленное место какой-то именитый зодчий из Бухары, а упоминание его спонсора — правящего эмира указывает на высокий авторитет того лица, для которого мавзолей был возведен. В памяти народа его имя не сохранилось — «Араб-ата» это лишь прозвище («отец арабов»). Видимо, то был высокочтимый духовный представитель из арабской среды, обитавший в этом удаленном от крупных городов горном районе. Культ его поныне поддерживается местным, в основном скотоводческим, населением. Показателем же стойкости этого культа на протяжении веков служит возведенная близ мавзолея Ак-мечеть, датировка которой, судя по архитектурным формам и конструктивным приемам, восходит к XVI в.

Итак, два памятника времени Саманидов показывают, что в ту пору в Мавераннахре возводились усыпальницы как для светских владык, так и для чтимых представителей мусульманского духовенства.

В архитектурном аспекте оба памятника дают те два основных композиционных типа — центрально-купольной и портално-купольной усыпальницы, которым предстоял долгий путь дальнейшего развития на почве Центральной Азии.

Следует подчеркнуть, что если еще в раннесредневековой, даже монументальной, архитектуре Центральной Азии основным строительным материалом была глина — в виде пахсы или сырового кирпича, то к X в. таковым становится жженный кирпич. Он сразу же открыл перед зодчими новые возможности конструктивного, формообразующего и декоративного характера. Это наглядно представлено в обоих названных мавзолеях. Остановимся на их характеристиках.

Мавзолей Саманидов возведен из мелкоформатного жженого кирпича. Его форму определяет кубовидный объем, увенчанный полусферой купола. В основании куба — невысокий цоколь. Композиция строго центрична, все фасады равнозначны. В центре фасадной плоскости — просторная арка, в торце которой — сквозной арочный проем. Вверху фасадов проходит легкая аркатура, за которой скрыта обегаящая все здание узкая обводная галерейка, осуществляющая в этом участке разгрузку кладок. Углы фланкированы мощными трехчетвертными колоннами, вверху над ними располагаются небольшие куполки (как полагают, позднего происхождения). Простоте внешних архитектурных членений отвечает и построение интерьера: здесь гладь перебитых по осям арочными проемами стен, над ними переходный подкупольный восьмигранник с угловыми парусами и далее чаша купола.

Жженный кирпич, из которого возведен мавзолей, служит и основным материалом архитектурного декора. Он уложен то горизонтально, то вертикально, под углом или плашмя, то спаренными кирпичами с широким разделительным швом. Все это придает большую выразительность фактуре стен и всех деталей. Последние дополняются также бордюрами из отесанных кирпичей, образующих диски или четырехлепестковые розетки.

Внимательное изучение деталей мавзолея Саманидов показывает, что многое в нем еще связано с традициями доисламской архитекту-

² Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата // Искусство зодчих Узбекистана. II. Ташкент, 1963.

ры Согда. Привлекает внимание живопись согдийского городища Пенджикент VI—VII вв., где изображен погребальный катафалк с полусферическим куполом, аркатурой и угловыми колонками. С этой схемой сближается общая композиция мавзолея Саманидов. В согдийской архитектуре известны терракотовые диски и розетки, аналогичные тем, что входят в бордюры на стенах мавзолея Саманидов. Находят себе аналоги и угловые колонки его интерьера. Новаторское по своей сути здание мавзолея Саманидов еще прочно соотносится с местной архитектурой доисламского времени.

Иное дело — мавзолей Араб-ата. В нем преобладают те новые стилевые черты, которые принадлежат новому этапу развития центральноазиатского зодчества и тесно связаны с идеями мусульманской культуры.

Здание также возведено из жженого кирпича-маломерка квадратной формы. Кладка стен выведена парами кирпичей с широкими разделительными швами — этот конструктивно рациональный прием выделяет фактуру кирпичной кладки, определяя общую декоративную выразительность. Здание квадратно в плане и увенчано стрельчатым куполом. Но симметрия объемной композиции нарушена выделением главного фасада, где стена развита в виде приподнятого портала и на нем сосредоточен основной декоративный акцент. В разработке форм выделены невысокий цоколь, обширная стрельчатая арка входа, над которой — трехчастная аркатура, и все это охвачено П-образными рамами (пыле верхний участок их утрачен). В углах портала восьмигранные встроенные колонки. Декор его выполнен частью фигурными выкладками жженого кирпича, частью — резным ганчем. Используются два вида орнамента — геометрический (гирих), который в разных вариантах предстает в торце главной арки и в аркатуре, а также широкая полоса эпиграфического обрамления — ее заполняет арабская надпись письмом куфи, содержащая уже упомянутые выше исторические данные. Что касается интерьера, то в нем интересны угловые паруса двухъярусной конструкции в виде небольших полусводиков, образующих трехлопастную фигуру, повторенную и на торцовых арках стен. Между ними — декоративные кирпичные колонки, смягчающие переход к кольцевой кладке купола. Как и в мавзолее Саманидов, они имитируют формы деревянных колонн согдийской архитектуры и увенчаны широкими капителями с завитками-волютами на концах.

Идея портала, как таковая, была известна в Центральной Азии и в более широком ареале иранского мира еще в домусульманском зодчестве. Но отныне она обретает особое значение, входя в монументальном строительстве почти обязательным элементом зданий самого разного назначения. Совершенно новым в мавзолее Араб-ата явилась огибающая портал надпись — арабская эпиграфика отныне начинает играть в архитектуре особую пропагандирующую и в то же время высокоэстетическую роль.

Анализ пропорций мавзолеев Саманидов и Араб-ата позволил установить, что в общей композиции их планов, фасадов и разрезов господствует строгая геометрическая закономерность — построение на соотношении сторон и диагоналей прогрессивно убывающих квадратов. Нелишне напомнить, что IX—X вв. отмечены высоким подъемом в странах Востока математической науки, причем наряду с научными трактатами учеными были разработаны методы практической геометрии, широко применявшиеся инженерами и архитекторами.

В XI—XII вв. в Центральной Азии уже сооружается множество парадных усыпальниц. Их возводят над погребениями султанов и ханов, чтимых пиров — основателей суфийских орденов и ортодоксальных

представителей суннитского духовенства. В каждое из этих зданий зодчие старались внести черты своеобразия. Но основная типология оставалась той, что была разработана бухарскими зодчими еще в саманидское время, когда определились две разновидности усыпальниц — центрально-купольного и портално-купольного типа.

М. А. ЮСУПОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ЗОДЧЕСТВА БУХАРЫ XVI—НАЧАЛА XVII ВЕКА

В рассматриваемое время Бухара, ставшая столицей Узбекского государства Шейбанидов, а затем Джанидов, переживает наиболее яркий период своего позднесредневекового расцвета.

Именно в XVI — первой половине XVII в. в основном и сложилась ныне сохранившаяся историческая застройка города.

Зодчество Бухары того периода изучалось рядом авторов¹ в общем контексте их работ и в нескольких специальных исследованиях². Поначалу, в некоторых ранних работах эта архитектура рассматривалась как упадочная, что было связано со слабой ее изученностью³. В последующем, с выявлением конструктивных, композиционных, типологических и других особенностей этого зодчества, появляются положительные оценки, а в специальных исследованиях — и вполне справедливые, на наш взгляд, восторженные характеристики⁴.

К настоящему времени по архитектуре Бухары XVI — начала XVII в. выявлен обширный и разрозненный новый материал. Его обобщение и анализ помогли нам дополнить, скорректировать, а в ряде случаев и опровергнуть устоявшиеся прежде сведения и положения по этой теме.

Особенно примечательна архитектура Бухары XVI в., когда Шейбаниды — Убайдуллахан (1512—1540), его сын — Абдулазизхан I (1540—1550) и особенно Абдуллахан II (1556—1598) развертывают активное монументальное строительство. В этом столетии совершенствуются конструкции; кристаллизуются и окончательно формируются типы зданий; наблюдаются рационализация и унификация строительства, формируются основные ансамбли города. «Идеал эпохи — не грандиозное и пышное, как во времена Темура и его потомков, а массовое и целесообразное. В этом значительное достижение эпохи»⁵.

В архитектуре Бухары XVI в. по основным тенденциям ее развития мы впервые выделяем три строительных периода, приблизительно занимающих по трети столетия каждый.

Первый период (1500—1530 гг.) — время посттемуридского развития Бухары, связанное в основном со строительной деятельностью Убайдуллахана. Время, когда, с одной стороны, еще в силу темурид-

¹ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Бухара. М., 1949; их же. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965; Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI—XVII вв.//Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969; и др.

² Дмитриев В. М. Композиционные особенности бухарской архитектуры второй половины XVI века//Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. М., 1950; Крюков К. С. Прогрессивные тенденции зодчества Средней Азии XVI века: Автореф... канд. архитектуры. Ташкент, 1965; Бакланов Н. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI века//Сообщения Института истории и теории архитектуры. Вып. 4. М., 1944; и др.

³ Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация//Вопросы реставрации. М., 1936. С. 164.

⁴ Крюков К. С. Указ. автореф.; Воронина В. Л. Указ. статья. С. 304—305, 323.

⁵ Воронина В. Л. Указ. статья. С. 304.

ских традиций здания украшает богатый и трудоемкий декор, а с другой,—формировались самобытные местные черты Бухарской школы зодчества.

Второй период (1530—1565 гг.), когда поэтапно разворачивали строительство правители Убайдулла, Абдулазиз I и Абдулла II, совершенствуются конструкции перекрытий и композиционные приемы, создаются ансамбли и разнообразные гражданские сооружения, продолжается формирование Бухарской школы зодчества.

Все чаще используются более сейсмостойкие конструкции, пересекающиеся арки и щитовидные паруса. В перекрываемом помещении, отступив от его углов, перебрасывались четыре мощные арки. Образованный путем их пересечения внутренний квадрат перекрывался с помощью переходных щитовидных парусов небольшим куполком. Это позволяло уменьшить диаметр купола и вес перекрытий, понизить их центр тяжести, расширить подкупольное пространство за счет устройства по осям помещения ниш или сквозных проемов. Названные конструкции появились и активно использовались столетием раньше, со второй трети XV в., в зодчестве эпохи Темуридов. В Бухаре они впервые и, возможно, единожды в XV в. были применены в мавзолее Турки Джанди, где двойной купол гурханы был основан на четырех пересекающихся арках и щитовидных парусах и вознесен на высоком стройном барабане.

Со второй трети XVI в. эти конструкции как наиболее перспективная и новаторская инженерная разработка предшествующего времени продолжили свое прогрессивное развитие в посттемуридском зодчестве Бухары и завершили здесь свою эволюцию лишь к концу XVI в.

Так, во втором строительном периоде в бухарском медресе Мири-Араб (1536 г.) угловые залы были перекрыты системой четырех пересекающихся арок. Однако здесь они пока еще несли присущие темуридскому зодчеству монументальные барабан и двойной купол. Дальнейшая новаторская разработка подкупольных конструкций диктует отказ от массивных двойных куполов, и в постройках более позднего времени они были упразднены. В завершении купола все чаще устраивался световой фонарь с арочными проемами. При этом красивая сама по себе инженерная идея пересекающихся арок представала в интерьерах в незадекорированном виде и эффектно освещалась сверху.

Иногда пересекающиеся арки как мощные нервюры или армирующие ребра жесткости пронизывали оболочку купола и читались как снаружи, так и, частично, изнутри помещения. Таковы конструкции перекрытия выстроенных во втором строительном периоде торгового купола Токи-Саррафон и хонако у могилы Баха-ад-дина с эффектно просматриваемыми издали четырьмя пересекающимися арками в оболочке купола.

Во второй период складываются крупные ансамбли Бухары, преимущественно в приеме «кош», т. е. с расположением на одной оси двух противолежащих зданий, обращенных друг к другу фасадами. Таков поначалу главный в Бухаре ансамбль Пойи-Калон. Здесь в 1536 г. на площади, отходящей от древней магистрали, напротив соборной мечети Калон (XV—XVI вв.) возникло медресе Мири-Араб. На рубеже XIX—XX вв. с юга эту площадь замкнуло медресе Амира Алимхана. В таком виде с трехсторонней застройкой площадь Пойи-Калон сохранилась и поныне.

В 1535 г. на юге шахристана был создан ныне распавшийся ансамбль Гозиён. Он состоял из противолежащих в композиции «кош» Большого и Малого медресе Гозиён и расположенного между ними

хауза Гозиён⁶. Позже, вероятно в XVII в., при расположенной здесь могиле Имома Гози (имама — борца за веру), являвшейся главной святыней квартала Гозиён, была возведена хонако-мечеть, где происходили религиозные радения суфиев⁷. От ансамбля Гозиён сохранилось лишь Большое медресе, называемое ныне Мирза Шариф Гозиён.

Фортификации. В правление Абдулазизхана I Бухара была обнесена новым кольцом стен. Во второй половине XVI в. Абдуллахан II, в благодарность джуйбарским шейхам за поддержку в политической борьбе, включил расположенный с запада от Бухары район Джуйбар в черту города. Для этого была разобрана часть западной стены Абдулазизхана и выстроена новая западная стена с пятью воротами.

В конце XVI и до XIX в. городская стена Бухары общей длиной 12 км имела 116 округлых полубашен и 11 пар башен, фланкирующих крепостные ворота. Стена была сложена из пахсовых блоков с прокладкой сырцового кирпича. Из 11 ворот сохранились лишь двое, выстроенные Абдуллаханом II во второй половине XVI в. в западной стене Бухары, — ворота Каракуль и Талипоч.

Третий строительный период (1565—1600 гг.) — время кульминационного подъема в строительстве и архитектуре XVI в., связанное со стабилизацией государства, объединенного мощной властью Абдуллахана II. Активно формируется Бухарская школа, зодчества, кристаллизуются типы культовых зданий — мечетей, хонако, медресе, а также гражданских сооружений: крытых рынков — тимов, торговых пассажей — токов, караван-сараев, бань, хаузов, крытых цистерн для воды — сардоба, мостов и др.

К тому времени, с открытием морских путей из Европы в Индию и Китай, пришла в упадок древняя торговая трасса — Великий Шелковый путь. Абдуллахан II для активизации внутренней и международной, с сопредельными странами, торговли благоустраивает караванные пути, соорудив вдоль них многочисленные сардобы, рабаты и караван-сарай. Помимо Бухары, много культовых и гражданских сооружений строилось в небольших городах и селлах.

Огромный размах строительства при экономической скованности заставлял зодчих искать наиболее дешевые, функционально оправданные и при этом эффектные приемы. В связи с этим монументальные здания часто строились с трехслойными стенами, т. е. с внешней кирпичной кладкой и внутренней забутовкой кирпичным боем и строительным мусором. Следует отметить, что здания, возведенные из таких стен («камуфлетной» кладкой, но на каменных фундаментах и с мощной гидроизоляционной камышовой прокладкой, оказались достаточно прочными и служат до сих пор.

Конструкции перекрытия на системе пересекающихся арок в третий строительный период получают наиболее интенсивное развитие. Используются различные варианты этой системы: размещение мощных, несущих купол арок не только параллельно, но и диагонально относительно стен (дарсхона медресе Кукельдаш), увеличение числа пересекающихся арок или щитовидных парусов, создание сложно-сетчатых парусов с применением сложнейших геометрических построений.

В основном в третий период используются одинарные купола в виде световых фонарей (т. е. на низком барабане с арочными проемами), основанные на четырех пересекающихся арках и щитовидных парусах. Однако изредка на вершины пересекающихся арок устанавли-

⁶ Казаков Б. А. Документальные памятники Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 10.

⁷ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 96.

ливался двойной купол, причем внешний—декоративный—возносился на стройном высоком барабане. Этот прием во второй половине XVI в. используется лишь в загородных хонако, рассчитанных на всестороннее восприятие и для акцентирования функциональной и высотной доминантности этого здания в архитектурном комплексе. Таковы хонако и мечеть в комплексе Чор-Бакр под Бухарой, хонако Хазрати-Имом в Бухаре и Косимшейха в Кермине.

Декор, насыщенный в начале XVI в., во второй и третий период сменяется уравновешенностью в использовании облицовок, которые теперь, как драгоценные вставки, вправляются в поверхность шлифованного кирпича и в основном сосредоточены на главном фасаде, дворовых айванах и тимпанчиках арок. Упрощается и оформление интерьера: вместо трудоемкого глазурованного керамического декора вводится эффектная двухцветная резьба по ганчу — «кырма» и «часпак». Теперь, когда помещения щедро освещаются через проемы в барабане или световые фонари в зените купола, основную выразительность интерьерам придают подкупольные конструкции — рельефные переплетения пересекающихся арок и щитовидных парусов, создающих богатую игру светотени. Эти конструкции эффектно просматривались внутри помещений и, подчеркнутые графически, придавали особую изысканность великолепным, так называемым «белым абдуллахановским» интерьерам. Здесь лишь иногда ганчевые сталактиты украшаются вкраплениями майоликовых вставок (залы в медресе Абдуллахана и Кукельдаш, хонако Чор-Бакр в Сумитане и хонако Косимшейха в Кермине).

Закрепляются черты Бухарской школы зодчества: ниши порталов получают граненую форму и сводятся кверху полукуполом. Вместо высоких минаретов на углах зданий выступают массивные башни — «гульдаста», срезанные на уровне стен и покрытые купольным фонарем.

В Бухаре впервые в Центральной Азии фасады зданий раскрываются наружу арочными лоджиями. Так, сначала главный фасад бухарского медресе Улугбека (1417 г.) оформили арочные лоджии, что впоследствии стало традиционным в бухарском зодчестве. Затем, в XVI в., вновь впервые в Бухаре раскрываются лоджиями уже и боковые фасады. Этот прием сначала был использован в загородных хонако Баха-ад-дина (1545 г.) и Чор-Бакр (1560 г.), а затем и в городских медресе — Кукельдаш, Хиёбон, Бозори-Гусфанд и в хонако Яр-Мухаммад-Аталык.

Следует отметить, что впоследствии под влиянием бухарского зодчества многие из названных черт этой школы были использованы в ряде поздних построек других регионов Центральной Азии.

В третий период в Бухаре сложились еще два крупных поныне сохранившихся ансамбля. Классический пример композиции «кош» представляют выстроенные Абдуллаханом II в конце XVI в. на западе от шахристана медресе Модарихан и Абдуллахана.

Другой принцип композиции развивал ансамбль Гаукушон, где расположенные рядом на параллельной оси медресе Гаукушон и мечеть Ходжа с минаретом Гаукушон своими главными фасадами были обращены к небольшой площади Гаукушон с хаузом.

Таковы в общих чертах основные тенденции развития трех строительных периодов в зодчестве Бухары XVI в.

Рассмотрим теперь принципы развития типов культовых и общественных зданий в XVI в. и наиболее интересные постройки.

Мечети. Как правило, самыми многочисленными были гузарные, т. е. квартальные, мечети. В Бухаре в XVI в. насчитывалось более сотни квартальных мечетей. Традиционно они строились глино-каркас-

ными, т. е. деревянный каркас стен заполнялся высушенными комьями глины — «гуваляк» или сырцовым кирпичом. Купольный или колонный зал мечети обычно с одной-трех сторон обводил айван на деревянных колоннах.

Мечеть Балянд начала XVI в. является наиболее ранней из сохранившихся квартальных мечетей не только в Бухаре, но и в Центральной Азии в целом. В отличие от других гузарных мечетей, она была выстроена из жженого кирпича на высоком каменном стилобате, что и послужило ее хорошей сохранности. Небольшая кубовидная постройка с Г-образным в плане колонным айваном была скромно оформлена с фасадов и обильно украшена декором внутри зала. В интерьере михрабную стену украшало мозаичное панно с изысканным растительным и эпиграфическим орнаментом. Панели стен из шестигранных плиток были расписаны твореным золотом. Остальную поверхность стен, а также подвесного, на железных цепях, деревянного потолка покрывала рельефная живопись с позолотой — «кундаль».

Мечеть-хонако Ходжа Зайн-ад-дина начала XVI в., возведенная из жженого кирпича на высоком стилобате, с Г-образным айваном, весьма схожа по архитектуре и декору с мечетью Балянд. Но в отличие от последней, это здание, совмещавшее функции хонако и квартальной мечети, было многокамерным и купольным, а также доминировало в комплексе с периметральной застройкой внутреннего двора с огромным хаузом.

Насыщен декором купольный зал: его панель — уникальный образец резной наборной мозаики XVI в.; вся остальная поверхность стен, парусов и ребристая чаша купола покрыты росписью в технике «кундаль» голубым и синим цветом на позолоченном мелорельефном фоне.

Джума-мечети, предназначенные для общегородских молений по пятницам, были наиболее крупными. Традиционно джума-мечеть имела прямоугольный план со внутренним двором, обведенным по периметру арочно-столпной галереей. На главной — продольной оси устраивали парадный вход — пешток, а в глубине двора — купольное здание зимней мечети. На поперечной оси двора размещали сводчатые айваны.

Такова была архитектура самой крупной из сохранившихся в Центральной Азии (не считая руин Самаркандской соборной мечети Биби-Ханым) джума-мечети Калон, выстроенной в Бухаре еще при Темурдах. В 1514—1515 гг. на средства, добытые Убайдуллаханом в походе 1513 г. на Гиждуван, была капитально перестроена и декорирована майоликой и изразцами фасадная часть мечети Калон.

На главном портале у входа в 1541 г. была укреплена мраморная доска с фирманом Абдулазизхана I о снятии с населения Бухары некоторых налогов. Ее изготовил Мир шейх ал-Пурани. Возможно, в эти же годы был создан в зимнем зале мечети и мозаичный михраб изумительной красоты: Он подписан мастером Баязидом Пурани. Судя по нисбе, этот мастер и автор мраморной доски — одно и то же лицо, либо это родственники.

В 1579—1580 гг. севернее медресе Гаукушон джуйбарским шейхом Ходжа Са'адом, сыном Ходжа Ислама, была выстроена вторая в Бухаре соборная мечеть Ходжа Калон⁸. Это была традиционная по архитектуре джума-мечеть с арочно-столпной галереей по периметру двора и портално-купольным залом на его продольной оси, в глубине двора.

Необычна по архитектуре крупная мечеть Абдулазизхана I в ансамбле Хаузи-Нау. До недавнего времени ее относили к XVII в. и на-

⁸ Сухарева О. А. Указ. соч. С. 190.

зывали Халифа Худойдот либо Болида-и Абдулазизхон. Однако последние эпиграфические (на туловах колонн и над северным входом) и источниковедческие данные свидетельствуют о том, что мечеть эта была выстроена в правление и по приказу Абдулазизхана I, т. е. в 1540—1550 гг.⁹

В центре прямоугольного в плане здания выделялся небольшой квадратный двор. С запада ко двору примыкал купольный зал мечети, а с востока размещалась шестикупольная арочно-столпная галерея. Вдоль северного и восточного уличного фасада мечети был устроен колонный айван. В свое время эта мечеть, противлежащее в приеме «кош» медресе Джуйбарн Калон (1670—1671 гг.) и расположенный между ними хауз составляли ансамбль Хаузи-Нау (т. е. новый хауз). В настоящее время хауз отсутствует, между зданиями проведена автомобильная дорога и в результате нарушена первоначальная композиция ансамбля.

Мечети-намозгох предназначались для молений дважды в год — по религиозным праздникам Фитр и Курбан хант для мужского населения города и его округи. Издревле сложился тип такой мечети. Возводили стену с михрабной нишей, выделенной декором; рядом с ней — минбар — ступенчатое возвышение для имама. Перед стеной с михрабом устраивалась обширная площадь для молений, обведенная по периметру глинобитной стеной.

Такова была мечеть-намозгох, выстроенная в Бухаре Караханидом Арсланханом в 1119 г. В правление Амира Темура, в конце XIV в. ее михраб был дополнен мозаичным декором. В XVI в., вероятно, Абдуллаханом II к стене была пристроена трехпролетная арочно-купольная галерея на высоком стилобате. Центральная часть галереи, перекрытая куполом на пересекающихся арках, по фасаду была выделена порталом с майоликовым декором.

Хонако. В развитие этого типа зданий бухарское зодчество внесло наибольший вклад, что ярко проявилось во второй половине XIV в.

В целом «хонако» — это обитель суфиев с функциями странноприимного дома, где суфий-наставник (шейх, пир, муршид) обучал своих последователей — мюридов познанию Бога.

Эволюция архитектуры суфийских обителей Центральной Азии тесно связана с развитием и трансформациями самого суфизма. Так, примерно с X—XI вв., с распространением суфийских орденов и возрождением домусудьманского культа святых, захоронения суфийских шейхов стали объектом поклонения и паломничества.

При жизни шейх строил хонако для своих последователей. После смерти его хоронили рядом с этим хонако либо, наоборот, вновь возводимые хонако строили у почитаемой могилы пира. По свидетельству Ибн Баттуты (начало XIV в.), в Бухаре над захоронением почитаемого шейха Сайф-ад-дина Бохарзи возвышалась гурхана, куда вело «примкнувшие к ней с юга хонако — постоянное место жительства служителей и бедняков»¹⁰.

Однако более распространенными издревле и до середины XVI в. в Бухарском оазисе, на наш взгляд, были хонако типа квартальной мечети, т. е. с крупным ритуальным залом, обведенным с двух-трех сторон открытым колонным айваном. Судя по вакуфным данным, та-

⁹ Бабаджанов Б. Эпиграфические и источниковедческие исследования по памятникам архитектуры Бухарской области. Ташкент: Архив НИИ искусствознания. Папка «Свод памятников материальной культуры Бухарской области», 1984—1990. С. 4.

¹⁰ Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 69.

кова была архитектура хонако Мухаммада Ходжа Порсо в Бухаре 1407 г.¹¹ Ныне от него сохранилась лишь стена с михрабной нишей.

В XV—XVII вв. прогрессивный, оппозиционный и демократичный изначально суфизм претерпел определенную трансформацию и превратился в легальное учение, тесно связанное с правящими династиями. Теперь суфийские комплексы дворового типа при святой могиле были преобразованы в мемориально-культовые центры, где новые захоронения суфиев осуществлялись под открытым небом в дахах, а возводимые рядом с ними хонако с ритуальным залом представляли собой крупное самостоятельное здание.

В XVI в. еще продолжалось и строительство хонако с колонным айваном, т. е. раннего типа. Таковы рассмотренные выше хонако-мечеть Ходжа Зайн-ад-дина, а также хонако Хазрати-Имом с двойным куполом зала на четырех пересекающихся арках.

Сюда же можно отнести хонако-мечеть Шояхси (конец XVI в.), выстроенную суфием Мавлоно Поянда Мухаммадом Ахсикетийи Файз-ободи, более известным по прозвищу Шохи Ахси¹². Прямоугольный многоколонный зал и обводящий его Г-образный в плане колонный айван были весьма сдержанны по декору. Помимо ежедневных пятикратных и общих пятничных намазов, здесь проводились также религиозные радения¹³.

Однако с середины XVI—XVII в. в Бухарском оазисе интенсивное развитие получают хонако нового, более монументального типа, известные в Хорасане и, возможно, в Самаркандском оазисе уже в XV в. Это портално-купольные здания с крупным подквадратным или крестовидным залом-зикрхона в центре и худжрами в два-три яруса по сторонам либо углам зала. Они сооружались в основном правителями или богатыми мюридами шейхов как доминирующий по масштабам и значению элемент мемориально-культового комплекса (хонако у могил Баха-ад-дина Накшбанда, Косимшейха и др.), либо изредка в центральногородском ансамбле (хонако Нодир-Девон-беги в бухарском ансамбле Ляби-Хауз).

Среди таких портално-купольных, т. е. нового типа, сооружений в Бухарском оазисе по планировочным признакам можно выделить три вида хонако:

- 1) центрические — Баха-ад-дина Накшбанда (2-й этап строительства), Косимшейха в Кермине, Дехкон-Бобо в Гиждуванском районе, Яр-Мухаммад-Аталык;
- 2) фронтальной композиции — хонако в Файзабаде, а также первый этап строительства хонако у могилы Баха-ад-дина;
- 3) продольно-осевые — Хакими-Мулло-Мир в Рсмитане, Нодир-Девон-беги в Бухаре и Чор-Бакр в Сумитане.

Хонако в Файзабаде (1598 г.), выстроенное упоминавшимся суфием Шохи Ахси, отличается арочно-купольной галереей с двух сторон здания и великолепным декором купола в бело-серой технике «кырма» в интерьере зала.

Наиболее крупным и известным в Центральной Азии было хонако у могилы Баха-ад-дина Накшбанда — почитаемого шейха, главы суфийского ордена Накшбандийя. Оно было выстроено в 1544—1545 гг. Абдулазизханом I и первоначально представляло собой прямоугольное в плане здание фронтальной композиции (т. е. вытянутое вдоль главного фасада). В центре этого портално-купольного сооружения размещался крупный ритуальный зал.

¹¹ ЦГА РУз, ф. И-323, № 1291/16 (30), перевод Б. Бабаджанова.

¹² Сухарева О. А. Указ. соч. С. 307.

¹³ Там же. С. 242.

Примерно через сто лет, при Надирхане (1642—1645), с тыла были пристроены худжры в два яруса, отчего план стал квадратным, композиция хонако центрической, а все фасады — одинаковыми. Теперь к ритуальному залу с четырех сторон примыкали ряды худжр в два этажа, раскрывавшиеся на фасады арочными лоджиями. На оси фасадов возвышались одинаковые порталы.

Зал хонако перекрывал купол, армированный мощными пересекающимися арками. Последние эффектно просматривались снаружи здания. В интерьере зала плафон покрывал декор в технике «кырма», где по терракотовому фону был прорезан белый узор.

Медресе Бухары, как и Центральной Азии в целом, претерпев с X—XI вв. определенную эволюцию, в XVI в. представляют собой подпрямоугольные в плане здания с периметральной застройкой внутреннего двора худжрами в один-два этажа. В углах здания устраивались крупные залы (дарсхона — учебные аудитории и мечеть), а над главным входом на втором этаже — библиотека. В крупных медресе на ссях двора размещались четыре порталых сводчатых айвана, в средних — два айвана на главной, чаще продольной, оси; в малых медресе айванов не было вовсе.

В типичную вышеуказанную планировку бухарская школа вносит ряд дополнений и изменений, создав, таким образом, свой, бухарский тип медресе. Наиболее ранний образец этой школы представляет самое древнее из сохранившихся в Центральной Азии медресе, выстроенное Улугбеком в 1417 г. Более интенсивное формирование бухарский тип медресе претерпел в основном в XVI в. В результате сложились следующие специфические черты: для устройства самостоятельных входов в угловые кельи или группу помещений срезаются углы внутреннего двора; входная ниша пештака и дворового айвана на главной оси становится пятигранной; сквозной проход напротив главного входа, ведущий во внутренний двор, забирается металлической решеткой. От главного входа через вестибюль два коленчатых коридора ведут во двор и в двусветные угловые купольные помещения — мечеть и дарсхону; углы фасада до уровня боковых крыльев закрепляются башнями «гулдаста»; арочная галерея главного фасада связывает не только кельи этой части здания, но и открывает доступ к запортальным помещениям второго этажа.

Примерно такова архитектура наиболее богатого декором и выразительного по объемной композиции бухарского медресе Мири-Араб (1536 г.). Оно сооружено Убайдуллаханом и его духовным наставником — шейхом Абдаллахом Йамани, прозванным Амир-и-Араб. Оба они были захоронены в северном угловом зале входной группы медресе, где обычно размещалась аудитория.

При сохранении внешних декоративных форм, присущих эпохе Темуридов, здесь вводятся новаторские конструктивные приемы. Так, два крупных голубых декоративных купола над угловыми залами покоятся на четырех пересекающихся арках, но высокий барабан купола уже преобразуется в световой фонарь.

Кельи студентов становятся более благоустроенными: появляются небольшая прихожая, антресоли, открытые и потайные ниши для посуды, постели и другой утвари.

Медресе Кукельдаш (1568—69 гг.), выстроенное визирем Абдуллахана Кулбаба Кукельдашем, было крупнейшим в Бухаре, но двухэтажным. Для экономии средств и площади здесь вместо поперечных дворовых айванов были устроены рядовые худжры. В этом медресе впервые в Центральной Азии обычно глухие боковые фасады были раскрыты наружу арочными лоджиями второго этажа. Оригинально

перекрытие дарсхоны с диагональным расположением пересекающихся арок. Запоминается живописное и эффектное перекрытие мионсарая (проходных коридоров входной группы) со сложносетчатыми плафонами из шлифованного кирпича или ганча с мозаичными вставками.

Малые двухайванные медресе XVI в.: Гаукушон, Модарпхан, Большое и Малое медресе Гозиён — получили трапециевидный план, что было обусловлено формой застраиваемого участка.

В Большом медресе Гозиён и медресе Гаукушон при одноэтажности всего здания для придания ему большей монументальности главный фасад был устроен двухэтажным. Этот прием затем использовался в поздних медресе Бухары, Хивы и других областей Мавераннахра.

Наиболее ярко Бухарскую школу зодчества представило медресе Абдуллахана (1589—1590 гг.), где проявились в совокупности почти все перечисленные региональные особенности. К тому же это крупное четырехайванное медресе дополнили два оригинальных приема. Во-первых, диагональное расположение зала мечети для точной ориентации ее михраба на Мекку (запад). Во-вторых, за айваном, что напротив входа, в глубине двора был устроен восьмигранный купольный дворик, обведенный на обоих этажах галереей с примыкающими к ней худжрами.

В целом в синхронный и последующие периоды бухарский тип медресе оказал значительное влияние на архитектуру аналогичных построек других регионов Центральной Азии.

Гражданские сооружения Бухары XVI в. были часто монументальными и весьма интересными по архитектуре. Над перекрестком торговых магистралей, как и в прежние времена, выстраивались купольные торговые пассажи.

До недавнего времени исследователи, исходя из хронограммы бухарского поэта Мушфики, строительство торговых куполов в Бухаре относили к 1586—1587 гг. Сейчас на основе исследований ряда ученых мы уточняем дату строительства каждого отдельного торгового купола и тима.

В XV в. в Бухаре было выстроено несколько торговых куполов с мастерскими и торговыми помещениями, принадлежавшими определенному ремесленному цеху. Это были чисто утилитарные сооружения, лишенные богатого декора, часто с обнаженными конструкциями многокупольного перекрытия, что было красиво само по себе.

В зависимости от местоположения в сети улиц бухарские торговые купола имели различную форму. Центральное пространство, крытое куполом на мощных устоях, обводила купольная галерея с лавками и мастерскими по периметру внешних стен пассажа. Таков возведенный в XV в. наиболее ранний и крупный из трех сохранившихся в Бухаре купол Токи Заргарон (для продажи ювелирных изделий).

Самый меньший купол Токи Саррафон (ростовщиков-менял), возведенный на пересечении двух основных дорог шахристана, не имел обводной купольной галереи. Здесь к одному из четырех скошенных углов зала примыкала квартальная мечеть, к другому — вход в бани Саррафон, к двум другим — места менял-ростовщиков. Над входом в мечеть была выявлена надпись — «завершено это строительство в дни царствования ...Убайдуллах — бахадурхана в 1534—1535 гг.», вероятно, датирующая и сам купол¹⁴.

Вторым по величине из сохранившихся куполов является купол Токи Тельпак Фурушон (для производства и продажи головных уборов). Он возведен, судя по вакуфным данным, не позднее 1570—1571 гг., над перекрестком пяти улиц, сходящихся под разными угла-

¹⁴ Бабаджанов Б. Указ. работа. С. 10.

ми¹⁵. Этот торговый купол имел несколько названий, которые либо сменяли друг друга, либо существовали одновременно: Чахарсук-и Аханин, Токи Китоб Фурушон, Токи Ходжа Мухаммад Паррон и самое распространенное название — Токи Тельпак Фурушон.

В XVI в. южнее площади Регистан было еще три ныне утраченных торговых купола. Первый из них — Чахарсук-и Дунбафурушон (продавцов курдючного сала) известен менее всего, ибо давно был утрачен. Два других пассажа существовали еще в начале XX в. и располагались по сторонам медресе Ходжа Нихол. С востока от него возвышался меньший купол, именуемый в XVI в. Чахарсук-и Анарфурушон (продавцов гранатов), а позднее более известный как Токи Ардфурушон или Аллафи. Он был схож с куполом Токи Саррафон¹⁶. С запада от медресе Ходжа Нихол находился большой купол Токи Тиргарон, который имел еще три забытых названия: Чахарсук-и Тах-и Шур (у солончака), Абдуллахан (вероятно, по имени строителя Абдуллахана II) и Регистан¹⁷. Он напоминал самый крупный из сохранившихся в Бухаре — купол Токи Заргарон.

В XV в. строились и специальные крытые куполами рынки. Сохранившийся единственный Тим Абдуллахана прежде назывался Тим-и Калон (Большой тим). Он был выстроен Абдуллаханом II в 1577—1578 гг. на главной торговой улице специально для продажи шелковых тканей и имел шесть арочных входов¹⁸. В подквадратном плане выделялся крупный купольный зал, обведенный многокупольной галереей и прилегающими к ней торговыми лавками. Вплоть до начала XX в. в Тиме торговали шелковыми и другими тканями, которые хранились в специальных шкафах-сундуках.

Рядом с Тим-и Калон в конце XVI в. размещался Чахарсук-и Дарун (внутренний пассаж), который имел около тридцати лавок-дуканов для продажи различных товаров, в том числе четыре дукана по продаже сапог и четыре лавки для сбыта ковров¹⁹.

Бани Бухары представляли собой значительную историко-архитектурную ценность. Они часто входили в комплексы городских и квартальных общественных центров, размещаясь вблизи мечетей, медресе и базаров. Это были разновеликие, но непременно многокамерные, полуподземные (для лучшей термозоляции) купольные сооружения. Из наземной части, где устраивались раздевальня, парикмахерская, чайхана и мечеть, в баню вела глубокая лестница. В моечной части из центрального зала арочные проходы по его осям и диагоналям вели в прилегающие помещения, снабженные каменными лавками-суфами для мытья, отдыха и массажа. В отдаленном отсеке находилась самая жаркая комната с горячей водой — гармхона, к которой снаружи примыкала топка. Обогрев бани осуществлялся горячим воздухом по подпольным каналам, отчего каменные, часто мраморные, полы бани были теплыми. Для освещения и вентиляции бань устраивались световые фонари в зените куполов. Английский путешественник Антони Дженкинсон, посетивший Бухару в 1558 г., восторгаясь местными банями, писал: «В особенности бани так искусно выстроены, что подобных им нет на свете»²⁰.

¹⁵ Джуроева Г. Новое о гражданских сооружениях позднесредневековой Бухары (по материалам письменных памятников)//Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990.

¹⁶ Ремпель Л. И. Далекое и близкое: Бухарские записи. Ташкент, 1981. С. 112.

¹⁷ Джуроева Г. Новое о гражданских сооружениях... С. 87.

¹⁸ Там же. С. 88.

¹⁹ Там же. С. 89.

²⁰ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг.//Английские путешественники в Московском государстве в XVI в./Пер. с англ. Л., 1932. С. 182.

Образцами таких бань являются сохранившиеся и служащие поныне бани XVI в.—Саррафон, Мисгарон и женская баня Кунджа, которым приписывают удивительные целебные свойства.

В Бухаре в XVI—XVII вв., помимо названных выше, судя по вакуфным документам, работали еще и «бани Хиёбон (или Ходжа Хабибулла), Тиркашдузон, Регистон, Заргарон, Мохичапази, Шохи Минор, Гаукушон, Гозиён, Каппа, Джуйбор, Сарн Бозори Регистон, Ходжа, Гарибня, Кафшфурушон и др.»²¹

В зодчестве Бухары начала XVII в. мало используются достижения времени Абдуллахана II. Возрождались вновь традиции эпохи Темуридов, возвращалось увлечение обильным дорогостоящим декором, но при этом продолжалась уже намеченная прогрессивная линия развития крупных городских ансамблей. Наиболее активное строительство велось в Бухаре при Имамкулихане (1611—1642 гг.) и его племяннике Абдулазизхане II (1645—1680 гг.).

Так, в 1620—1622 гг. по сторонам площади, расположенной южнее медресе XVI в. Кукельдаш, высокопоставленный сановник Нодир-Девонбеги тагай выстроил на одной оси хонако, крупный хауз и медресе. В результате был создан наиболее значительный и живописный в Бухаре ансамбль Ляби-Хауз (у хауза), где площадь с хаузом была застроена с трех сторон, а открытой, незастроенной стороной была обращена к каналу Шахруд и к параллельной ей торговой улице.

Хонако Нодир-Девонбеги (1620 г.) было традиционным для данного типа продольно-осевым, многокамерным, портално-купольным зданием. Рассчитанное на всестороннее восприятие, оно получило рельефную разработку четырех фасадов в кирпичной фактуре. Среди них обращенный к хаузу восточный (главный) фасад выделялся более крупным порталом с башнями гулдаста по углам и изысканным майоликовым декором тимпана.

Медресе Нодир-Девонбеги (1622—1623 гг.) поначалу строилось как караван-сарай. Поэтому в этом здании дворовой структуры нет характерных для медресе дворовых айванов, мечети и аудиторий. Запоминается рисунок майоликовых тимпанов его главного фасада с фантастическими птицами, летящими к солнцу и когтящими лапью. В этом изображении смешались два домусульманских сюжета—птиц, летящих к солнцу, символизирующих «птиц счастья», и сцена терзания, где птицы когтят лапью. Сцена терзания в древности имела астрологическое значение. В XVII в. семантика этих сюжетов была забыта и они использовались как живописный популярный рисунок.

При Абдулазизхане в Бухаре было выстроено несколько крупных медресе — Миракон (1650—1652 гг.), Абдулазизхана (1651—1652 гг.), Хиябон (1654—1655 гг.), Бозори Гусфанд (1669—1670 гг.) и др.

Из них наиболее крупным и выразительным было медресе Абдулазизхана, составившее в 1652 г. композицию «кош» с медресе Улугбека (1417 г.). Это второй из сохранившихся в Бухаре ансамблей «кош-медресе», первый из которых — медресе Модарихан—Абдуллахан—возник еще в конце XVI в.

По замыслу Абдулазиза II, его медресе должно было по масштабам и роскоши декора затмить древнюю постройку Улугбека, и это ему удалось. Однако здесь мы видим уже менее стройные пропорции и весьма эклектичный декор, что предвещает упадок архитектуры. Это было традиционное по архитектуре крупное двухэтажное медресе с четырьмя айванами по осям двора. Угловые залы и своды айванов укра-

²¹ Джуроева Г. Бухорода қадимги хаммом ва сугориш иншоотлари (ёзма манбалар маълумотлари асосида)//Шарқшунослик 1994. № 5. С. 67.

шали сложные в построении ганчевые сталактиты «ироки» с майоликовыми вставками. Стены и плафоны залов покрывала пышно-узорная роспись «кундаль». В дарсхоне сохранилась поздняя роспись с архитектурными пейзажами.

В майоликовом декоре пештака и дворовых фасадов неоднократно использован сюжет, где цветочная ваза с цветущим кустом украшена изображениями птице-змей в виде ручек сосуда или деталей у его основания, либо дракончиков, изогнутых в виде ручек вазы. Эти изображения являются отзвуком древнего домусульманского сюжета, где цветущий куст в вазе символизирует произрастание всего живого, а парные зооморфные персонажи — стерегущих его по сторонам зверей. Однако в XVII в. семантика этих изображений была забыта и они использовались как популярный декор. Следует отметить, что несмотря на запреты, изображения живых существ становятся популярными в прикладном искусстве стран Среднего Востока XVII в. Зооморфные изображения в архитектурном декоре могли быть заимствованы из ковров и тканей с изображением зверей и сцен охоты, весьма распространенных в этот период на Среднем Востоке, особенно в Иране.

Из зданий XVII в. примечательна также необычная по решению двухэтажная мечеть Магоки Курпа, выстроенная (как выяснилось) в 1656 г. Маулана Ходжой Калон Девон рядом с куполом Токи Телпакуфурушон²². Она вмещала крупный двенадцатикупольный и шестистолпный зал на каждом из двух этажей. Над одним из отсеков верхнего зала возвышался небольшой голубой купол на высоком стройном барабане.

Таковы основные тенденции развития и наиболее интересные сооружения периода позднесредневекового расцвета Бухары. Как видим, в зодчестве узбекского государства Шейбанидов (XVI в.) совершенствовались и завершили свою эволюцию наиболее прогрессивные черты предшествующей по времени темуридской архитектуры — система перекрытий на пересекающихся арках и щитовидных парусах, а также кристаллизация типологических особенностей зданий. В XVI—XVII вв. здесь получила прогрессивное развитие и во многом сформировалась Бухарская школа зодчества, сложились наиболее интересные и крупные ансамбли Центральной Азии, а также были предложены приемы типизации и унификации строительства; ярко проявлялся творческий поиск зодчих; были найдены оригинальные и при этом экономичные решения.

Таким образом, основные критерии архитектуры — польза, прочность, красота — в Бухарской школе зодчества XVI в. нашли свое воплощение в едином понятии — рациональность.

²¹ Там же. С. 85.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ БУХАРЫ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В «Истории Бухары» Абубакра Наршахи есть любопытное сообщение о том, что район Бухары некогда представлял собой низменное заболоченное место и было освоено первоначально выходцами из Туркестана. О том, что нечто подобное действительно имело место в древности, свидетельствуют археологические материалы, представленные на сегодня многочисленными коллекциями керамической посуды и иными артефактами, относящимися ко всем периодам древности и средневековья, и не только по Бухарскому оазису, но и по всему Согду.

Из этих материалов, в частности, видно, что в IV в. н. э., на рубеже древности и средневековья, в начале эпохи Великого переселения народов, в оседлых оазисах Согда происходит смена типологии гончарной посуды. Исчезают характерные для древности колоколовидные бокалы на ножке, тарелки различных типов и др. Их место занимают широкие чаши, кружки и иные формы сосудов, типичные для населения среднего и нижнего течения Сырдарьи. Меняются и приемы отделки гончарной и лепной керамики, исчезает плотное лощение поверхности столовой посуды. Тарная посуда часто имеет пятна и потеки темно-коричневого ангоба, характерного для каунчинской и оттар-каратауской культур. Все это было связано с перемещением в IV в. н. э. значительных масс населения с берегов Сырдарьи в долину Зарафшана и Кашкадарьи под давлением гуннов¹.

Наблюдения последних лет позволяют конкретизировать трассы движения присырдарьинских племен к югу.

В керамике юго-западного оазиса Согда—Нахшаба обнаруживается влияние традиций джетыясарской культуры. Большинство лепной кухонной и культовой керамики украшено группами шипов и налепных шишечек, валикообразными и змеевидными налепами. Не характерно украшение сосудов темными потеками. Изредка встречаются очажные подставки.

Кружки с петлевидными зооморфными ручками, характерные только для каунчинской культуры Ташкентского оазиса, отмечаются с IV в. лишь в Самаркандском Согде и примыкающем к нему в историко-культурном отношении Кеше².

Для Бухарского оазиса той поры характерно появление на его периферии многочисленных мелких поселений и усадеб, где был получен типичный набор керамических форм, состоящий из широких красноангобированных чаш, корчаг с широким отогнутым наружу венчиком и коротким сливом, небольшим количеством широкогорлых кувшинов и лепными хумами. Комплекс керамики обнаруживает ближайшие параллели с керамикой оттар-каратауской культуры и поселения Булакбаши. Всех их, помимо типологии основных форм лепной и гончарной посуды, объединяют характерные потеки темного ангоба на тулове тарных сосудов, большое количество очажных подставок двух типов: зооморфных и прямоугольных и отсутствие кружек с зооморфной ручкой, характерных для каунчинской культуры³.

Таким образом, у нас есть основание полагать, что носители присырдарьинских культур двигались в Согд вдоль течения Сырдарьи в широтном направлении. Племена собственно каунчинской культуры из Ташкентского оазиса осели в Самаркандском оазисе, простирая свое влияние и на соседний Кеш. Носители оттар-каратауской культуры осели западнее, в Бухарском оазисе, джетыясарцы с нижнего течения Сырдарьи переместились в нижнее течение Кашкадарьи.

¹ Мухамеджанов А. Р., Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Культура Древнебухарского оазиса III—IV вв. н. э. Ташкент, 1983. С. 111 и след.; Исамидинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган; Стратиграфия и периодизация. Ташкент, 1984. С. 126—127. Рис. 38, 1—3; Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э.//ТХАЭ. Т. IX. М., 1971. С. 59. Рис. 15.

² Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб: В 2-х т. Ташкент, 1973.

³ Мухамеджанов А. Р. и др. Указ. соч. С. 99 и след.

При этом происходило и частичное смешение носителей упомянутых культур между собой, чем можно объяснить наличие каунических или отар-каратауских элементов в керамике Нахшаба и отдельных признаков джетыасарской культуры в керамике Бухарского оазиса IV—VI вв.

Проникновение влияния культурных традиций племен средней Сырдарьи в Бухарский оазис прослеживается и по другим объектам материальной культуры, в частности по остаткам культовой архитектуры той поры⁴.

Судя по очень отрывочным и противоречивым сообщениям китайских, сирийских, армянских, персидских и римских источников, а также по данным нумизматики, цепь политических событий III—VI вв., полных войнами и радикальными этно-политическими переменами, развивалась в Центральной Азии и сопредельных регионах следующим образом.

В начале второй четверти III в. правитель Фарса Ардашир Сасанид, подняв мятеж, разбивает легитимного царя Парфии Артабана V и кладет начало утверждению новой династии в Иране. Ардашир быстро овладевает основными провинциями Ирана и организует централизованное управление. В середине III в. Шапур I захватывает Мерв, и династия правителей Мерва, связанная с домом Аршакидов, прерывается. С этого времени начинаются реконструкция Еркургана и подъем урбанизации в Нахшабе. Находка керамического барельефа с изображениями парфянского стиля и другие параллели в материальной культуре и искусстве Нахшаба той поры подтверждают гипотезу М. Е. Массона об аршакидских связях правящего дома Нахшаба III—IV вв.⁵

Однако на этот же III в. приходится краткое сообщение китайских источников о переносе ставки Кангюя со среднего течения Сырдарьи в долину Кашкадарьи⁶.

За этим следуют сведения о господстве хионитов в Средней Азии. Это уже IV в. н. э. На это же время приходится упомянутое влияние культурного комплекса племен средней и нижней Сырдарьи на автохтонную культуру Согда. При этом не исключено отмеченное в Бахман-Яште деление на красных и белых хионов, что могло соответствовать этническим различиям племен, переместившихся в оазисы Согда.

Безусловно, этноним «хиона» связан с хуннами, господствовавшими в IV в. в обширной полосе евразийских степей. Но в Центральной Азии он, видимо, использовался в качестве обобщительного термина, означавшего новое военно-политическое объединение, подчиненное гуннам, аналогично терминам «скиф», «тюрок» и «монгол».

Далее следуют сообщения о появившихся на этнополитической арене Центральной Азии кушанах-кидаритах, и все это завершается в V в. созданием обширной империи эфталитов, которая пала в VI в. под ударами объединенной коалиции тюрок и сасанидского Ирана. Однако ни один из этих этносов не оказал такого глубокого влияния на материальную культуру и, видимо, этнический состав Согда, как хиониты IV в.

Все это проливает дополнительный свет на весьма важные процессы, происходившие в рассматриваемый период на обширных пространствах Центральноазиатского региона, в том числе в оазисах Согда, включая Бухару.

Р. Х. Сулейманов

⁴ Там же. С. 111 и след.

⁵ Массон М. Е. Парфяно-согдийские монеты области низовьев Кашкадарьи // История и культура античного мира. М., 1977.

⁶ Цит. по: Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973. С. 28.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЫ

В средние века было написано множество сочинений, специально посвященных истории городов Центральной Азии. Однако до нас дошли лишь некоторые из них. Многие труды, по словам В. В. Бартольда, «безвозвратно исчезли при монгольском нашествии, не оставив даже следов в более поздних источниках». Из источников известно, что истории Бухары было посвящено несколько специальных трудов, написанных на арабском языке. Из них до нас дошла только «История Бухары» Абу Бакра Мухаммада ибн Джа'фара ан-Наршахи (ум. в 348/960 г.) в сокращенном переводе на фарси¹. Кроме нее, известны также не дошедшие до нас «История Бухары» Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Ахмада ал-Варрака ал-Бухари по прозвищу Гунджар (ум. в 412/1021 г.), и «История Бухары» известного ученого-энциклопедиста XII в. Наджм ад-дина Абу Хафса Умара ибн Мухаммада ан-Насафи ал-Матуриди (460—537/1068—1142).

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963. С. 60—61.

² Наршахи. История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. 123 с.

Последний из них написал также известный труд по истории Самарканда, который называется «Ал-Канд фи зикр улама Самарканд» («Сахар в знакомстве с учеными Самарканда») или «Ал-Канд фи марифат улама Самарканд» («Сахар в познании ученых Самарканда»). До недавних пор считалось, что до нас дошел лишь его сокращенный перевод на фарси. Несколько списков его хранятся в Институте востоковедения АН РУз в Ташкенте.

В последнее время до нас дошли сведения о существовании дефектной рукописи самого сочинения Абу Хафса ан-Насафи на арабском языке, которая хранится в Париже³. Недавно стало также известно, что в библиотеке Сулеймания в Турции хранится еще одна дефектная рукопись этого сочинения на арабском языке. Ознакомившись с этим трудом, мы обнаружили в нем некоторые новые важные данные по истории, истории науки и культуры средневековой Бухары.

Говоря о том или ином лице, ан-Насафи приводит в связи с его биографией интереснейшие, а порой уникальные сведения по истории и истории культуры Бухары. Так, биография № 335 в сочинении ан-Насафи посвящена передатчику хадисов по имени Абдаллах ибн Абдавайх ибн ан-Надр ибн Хуштийар, который был выходцем из Бухары, а жил и умер в Насафе. Ан-Насафи приводит важнейшие сведения о его прадеде Хуштийаре, касающиеся истории завоевания Бухары арабами и внедрения ислама. Приведем этот рассказ полностью: «Хуштийар был из селения Курджан в области Бухары. Он был ученым зороастрийцев этого селения в то время, когда Кутайба ибн Муслим прибыл для завоевания Бухары. Когда Кутайба осадил [бухарцев], их дикхан послал к нему письмо следующего содержания: «В моем владении есть один ученый. Я отправлю его к тебе, чтобы он провел с тобой беседу и послушал твои слова. Если тебе удастся призвать его к своей правде (т. е. вере), то дай мне знать об этом, чтобы я последовал за тобой в этом. Но если [твои слова] окажутся напрасными, то я не последую в этом и буду воевать против тебя». Он (т. е. дикхан) отправил к нему Хуштийара, и [Кутайба] предложил ему [т. е. Хуштийару] принять ислам и описал ему особенности нашего Пророка, да будет мир ему. Хуштийар понял, что он прав, и принял ислам. Это известие дошло до дикхана Бухары и он был сломлен этим, сильно испугался и бежал в страну тюрков, а жители Бухары приняли ислам. Впоследствии сын [Хуштийара] по имени ан-Надр прибыл в Насаф и остался там и оставил потомство, умер в двести восемьдесят шестом году»⁴.

Этот рассказ, по-видимому, был заимствован ан-Насафи из не дошедшего до нас источника, так как в других источниках он не упоминается. В нем, во-первых, представляет интерес название селения Курджан в области Бухары, которое в других известных нам источниках не зафиксировано. Должно быть, это селение было одним из крупных религиозных центров Бухары, если в нем проживал наиболее авторитетный из всех жрецов зороастрийцев.

Из сочинения ат-Табари известно, что Кутайба ибн Муслим завоевал Бухару в 90/709 г., а «дикханом», т. е. правителем Бухары, в то время был царь-узурпатор «вардан-худат» из сел. Вардана в области Бухары. Последний обратился за помощью к согдийцам и тюркам, но после ожесточенной битвы потерпел поражение⁵. О принятии ислама жителями Бухары в правление Кутайбы ибн Муслима в сочинении ат-Табари ничего не говорится. В сочинении Мулла-заде, написанном в конце XIX — начале XX в. на таджикском языке, говорится, что первое завоевание Бухары арабами имело место в 54/674 г., а второе — в 90/709 г.; но возведение соборной мечети Бухары, которую построил Кутайба ибн Муслим, относится к 94/712—13 г.⁶ Из этих данных следует, что события, описанные в сочинении ал-Насафи, происходили именно в 94/712—13 г., когда жители Бухары приняли ислам, после чего Кутайба ибн Муслим построил в Бухаре соборную мечеть. До этого, хотя город и был завоеван арабами дважды, жители Бухары оставались при своей вере, но платили арабам дань. Рассказ ан-Насафи уточняет, как происходил процесс исламизации жителей Бухары, и сообщает имя лица, сыгравшего главную роль в этом историческом событии. Из этого рассказа становится также известной дальнейшая судьба «вардан-худата», потерпевшего поражение от Кутайбы ибн Муслима в 90/709 г. Возможно, что после этого поражения он был оставлен на своем месте до 94/712—13 г., после чего бежал в страну тюрков. Затем Кутайба ибн Муслим назначил правителем Бухары сына царя Бидуна по имени Тугшада, который был противником «вар-

³ Стори Ч. А. Персидская литература: Библиографический обзор. Ч. 2/Пер. с англ. Ю. Э. Брегея. М., 1972. С. 1112.

⁴ Наджм ад-дин Абу Хафс Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Ал-Канд фи зикр улама Самарканд. С. 201—202.

⁵ «История» ат-Табари. Избранные отрывки/Пер. с араб. В. И. Беляева. Дополнения к переводу. О. Г. Большакова и А. Б. Халилова. Ташкент, 1987. С. 121.

⁶ Гафурова Р. Л. Kitab-и Мулла-заде. Ташкент, 1992. С. 49—50.

⁷ Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий. Бухоро тарихи/Форс тилидан А. Расулов таржимаси. Масъул мухаррир А. Урибоев. Тошкент, 1991. 92-бет.

дан-худата»⁷. По данным Наршахи, «вардан-худат» был убит Кутайбой ибн Муслимом после продолжительных сражений⁸.

Таким образом, в сочинении ан-Насафи, посвященном истории Самарканда, содержатся ценные сведения, существенно дополняющие данные других источников по истории и истории культуры средневековой Бухары.

У. З. Мухамедов, Ш. С. Камалиддинов

⁸ Там же. С. 121.

К БИОГРАФИИ НАРШАХИ

Исследователям средневековой истории Центральной Азии хорошо известно имя Абу Бакра Мухаммада ибн Джа'фара ан-Наршахи — автора знаменитой «Истории Бухары», которую он написал для Саманида Нуха ибн Насра (331—343/943—954 гг.) в первый год его правления, т. е. в 331/943—44 г.¹ Однако биографические сведения о Наршахи в источниках почти отсутствуют². Только ас-Сам'ани называет его полное имя — Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ибн Закарийя ибн ал-Хаттаб ибн Шарик ан-Наршахи и отмечает, что он родился в 286/899 г. и умер в 348/959—60 г. в сел. Наршах, расположенном в трех фарсах от Бухары, около сел. Вабкана³.

В своем сочинении «Китаб ал-ансаб» под нисбой «ал-Барсахи» ас-Сам'ани упоминает также некоего Абу Бакра Мансура ал-Барсахи, написавшего «Историю Бухары»⁴. В. В. Бартольд полагал, что здесь ас-Сам'ани, возможно, имел в виду «Историю Бухары» Наршахи⁵.

В сочинении «Китаб ал-канд» Абу Хафса ал-Насафи, которое в то время было еще недоступно В. В. Бартольду, имеются сведения, подтверждающие его предположение относительно «Истории Бухары». Там упоминается некий Абу Рафи' ал-Ала' ибн Мансур ибн Мухаммад ибн Джа'фар ибн Закарийя ибн Бади' ибн Шарик ибн ал-Хаттаб ал-Катиб ал-Бухари (ум. после 415/1024 г.)⁶. Родословная этого передатчика хадисов показывает, что он был внуком Абу Бакра Мухаммада ибн Джа'фара ан-Наршахи — автора «Истории Бухары». Этот же передатчик хадисов упоминается в сочинении ас-Сам'ани под нисбой «ал-Барсахи», согласно которому он был сыном Абу Бакра Мансура ал-Барсахи — автора «Истории Бухары»⁷.

Из этих данных следует, что «История Бухары» Наршахи была продолжена на арабском языке его сыном Мансуром, а затем, возможно, и его внуком, который мог довести ее до конца, т. е. до времени правления эмира Мансура ибн Нуха (387—389/997—999 гг.). В 522/1128 г., при Караханидах, труд был переведен на фарси, а в последующем подвергался дальнейшим редакциям вплоть до самого монгольского нашествия.

Согласно ас-Сам'ани, Абу Рафи' ал-Ала' ибн Мансур ал-Барсахи, т. е. ан-Наршахи, был ревностным последователем шафинитского толка. Следовательно, можно полагать, что его отец и дед также были шафинитами. Кроме того, ал-Ала' был передатчиком хадисов. В области хадисоведения его учителями были Абу Салих Халаф ибн Мухаммад ал-Хаййам ал-Бухари, Абу Хамид ал-Кармини, Абу Наср Ахмад ибн Сахл ал-Бухари и др. У него учились Абу Камил ал-Басри ал-Бухари и Абу-л-Аббас Джа'фар ибн Мухаммад ал-Мустафири ан-Насафи⁸.

Абу Хафс ан-Насафи отмечает, что Абу Рафи' ал-Ала' ибн Мансур ал-Катиб ал-Бухари был в Насафе проездом после 390/1000 г. и умер в Бухаре в 415/1024 г. Его нисба «ал-Катиб» свидетельствует о том, что он был секретарем и служил при дворе амиров Бухары — при последующих Саманидах и первых Караханидах. Следует полагать, что его отец и дед, написавшие «Историю Бухары», также занимались секретарскими делами при дворе Саманидов.

Таким образом, сведения, приведенные в сочинениях ас-Сам'ани и ан-Насафи, проливают свет на некоторые неизвестные стороны жизни автора знаменитой «Истории Бухары» Наршахи и позволяют говорить о существовании целого бухарского

¹ Наршахи. История Бухары/Пер. с перс. Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. 123 с.

² Наршахи. Бухоро тарихи/Фарс тилидан А. Расулов таржимаси. Масъул муҳаррир А. Уринов. Мерос. Тошкент, 1991. 84-бет.

³ The Kitab al-ansab of Abd al-Karim al-Sam'ani/With an introduction by D. S. Margoliouth. Leiden—London, 1912. P. 558a.

⁴ Абу Са'д Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. Китаб ал-ансаб. Изд. Абд ар-Рахмана ал-Му'аллими. В 10 томах. Байрут, 1981. Т. 2. С. 153. На араб. яз.

⁵ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. М., 1963. С. 60. Прим. 8.

⁶ Абу Хафс Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Китаб ал-Канд фи зикр улама' Самарканд. Изд. Назар Мухаммада ал-Фарийаби. Мадина, 1991. С. 481.

⁷ Абу Са'д ас-Сам'ани. Указ. соч. Т. 2. С. 153.

⁸ Абу Хафс ан-Насафи. Указ. соч. С. 481.

семейства ученых, представители которого были высокообразованными людьми и принадлежали к числу приближенных саманидских амиров, а затем и караханидских правителей Бухары.

Селение Наршах-и Нарджак, из которого они происходили, как уже сказано, было расположено в трех фарсах, т. е. примерно в 20—25 км от Бухары, около сел. Вабкана. Последнее локализуется на месте нынешнего Вабкента — районного центра Бухарской области, расположенного в 28 км от Бухары⁹. С селением Наршах отождествляется городище Наршахтепа, в 2 км ю.-з. Вабкента. По археологическим данным, первое поселение на его месте было основано в V в. н. э. Позднее здесь была воздвигнута сильная крепость, просуществовавшая до начала XIII в.

Ш. С. Камалиддинов

⁹ Узбекистан: Административно-территориальное деление. Ташкент, 1986. С. 215.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИЛЫХ КВАРТАЛАХ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЫ

(По материалам документальных письменных источников)

Данная статья написана на основе еще не вовлеченных в научный оборот уникальных материалов, выявленных из разного рода письменных памятников XVI—XVIII вв. (юридические документы, нарративные сочинения, агиографические труды и т. п.). Здесь затронуты множество спорных или вовсе ранее не поднятых вопросов исторической топографии средневековой Бухары. В частности, это касается местонахождения и названий ряда кварталов, архитектурных сооружений, ворот и т. д. Сопоставив данные разных письменных источников, нам удалось проследить процессы членения некоторых кварталов и изменения их названий, т. е. выявить механизм появления новых кварталов, позволяющий наблюдать динамику развития средневекового города на различных этапах его истории.

1. Квартал мечети Базар-и Карбас (Базар по продаже хлопчатобумажной ткани)

По данным вакфнаме 1594 г. в пользу медресе Кулбаба Кукалташа, выявляются новые сведения о названном квартале. Приведем отрывок из этого документа: «Еще [переданы в вакф] целиком и полностью Тим-и Лачакфурушан и Каппан-и Гуза-йи кадим... и все это граничит друг с другом и расположено внутри старого хисара города Бухары в квартале мечети Базар-и Карбас»¹.

Название это произошло от рынка по продаже хлопчатобумажной ткани (Базар-и Карбас). Видимо, этот квартал представлял собой один из крупнейших торгово-экономических центров города. Здесь же размещались неизвестное ранее крупное торговое помещение Тим-и Лачакфурушан (по продаже головных платков), старый базар по продаже хлопка-сырца (Каппан-и Гуза-йи кадим) и лавки по трепанию хлопка (духан-и налдафи). Квартал располагался, по данным названной грамоты, внутри старого хисара Бухары. По мнению О. А. Сухаревой, он мог находиться близ мечети Калан и минарета Арслан-хана, где в начале XX в. был рынок по продаже бумажных тканей кустарной выделки².

2. Квартал Базар-и Абришум (Базар по продаже шелка-сырца)

В вакфной грамоте 1099/1687—88 г. нами обнаружено название квартала Базар-и Абришум. Другие сведения об этом квартале в научной литературе и источниках нам не встречались. Упоминание об одноименном базаре имеется в некоторых грамотах XVI в.³ На плане из личного архива русского востоковеда П. И. Лерха, опубликованном А. Р. Мухамеджановым, на территории Бухары размещен Сарай Абришум⁴. О тождестве квартала Базар-и Абришум с кварталом Мулла Амири указывается в упомянутой выше грамоте 1687 г., где сказано: «квартал Базар-и Абришум, известный как Мулла Амири»⁵. Название квартала Мулла Амири (или Кафши олак — «Кожаные калоши») сохранилось и в начале XX в. Возникновение его О. А. Сухарева относит ко второй половине XVI в.⁶ Название же «Базар-и Абришум» к этому времени уже не использовалось.

¹ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 1.

² Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 303, 304.

³ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 1, 2.

⁴ Мухамеджанов А. Р. Историко-топографический план Бухары Ахмада Дониша // Общественные науки в Узбекистане (ОНУ). 1965. № 5. С. 34. Рис. 2.

⁵ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 1296/16.

⁶ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 194, 195.

Итак, благодаря вакфным грамотам удастся обнаружить еще одно название квартала Мулла Амири. В XVII в. он был известен и как квартал Базар-и Абришум. В начале XVIII в., судя по вакфнаме медресе Ходжа Нйхал, квартал назывался уже Базар-и Кафшфурушан («Базар по продаже калош»). По всей вероятности, названия Мулла Амири, Базар-и Абришум и Базар-и Кафшфурушан последовательно сменяли друг друга, временами употребляясь одновременно.

3. Квартал Базар-и Хазрат-и Амир-и (Базар Святого Амир-и Араба)

Квартал упоминается в вакфной грамоте в пользу медресе Мадар-и хан (вторая половина XVI в.). В документе сказано следующее: «И, еще [обращается в вакф] целиком и полностью девять дуканов, смежных друг с другом, которые расположены внутри старого хисара упомянутого города, в квартале Базар-и Хазрат-и Амир-и Араб... южная [граница] их примыкает площадью к медресе Амир-и Араб, которое известно и знаменито». Название данного квартала в исследовательской литературе не встречается.

Квартал легко локализуется по медресе Мир-и Араб, построенному в 1530—31 гг. (год строительства указан на северном дворовом портале медресе)⁸ и существующему по сей день, которое, видимо, и дало свое название базару и кварталу. Название квартала «Базар-и Хазрат-и Амир-и Араб», очевидно, было обусловлено наличием вокруг медресе с давних пор нескольких базаров. По сведениям некоторых источников, к северу от медресе Мир-и Араб находились Базар-и Каппан, где продавался рис (биринч), а также торговые ряды мясников⁹. Хлопковый базар (Базар-и гуза) и базар по продаже коконов (Базар-и пилла) когда-то располагались на площадке между Большой мечетью (Масджид-и Калан) и медресе Мир-и Араб, а потом были перемещены в другие части города¹⁰.

4. Квартал Раугангаран («Маслоделы»)

Один из кварталов Бухары был известен под двумя антропонимами — Мир Ибрахим (имя собственное) и Сар-и Базар-и Кал-и Фархад («У базара плешивого Фархада»)¹¹. Еще одно, более раннее, название этого же квартала — Раугангаран («Маслоделы») — мы узнаем благодаря сведениям из вакфных грамот. Так, в вакфнаме, датированном 1110/1698—99 г., читаем: «квартал Раугангаран, называемый кварталом Мир Ибрахим». Согласно вакфной грамоте 1052/1642—43 г., мечеть Раугангаран располагалась близ Каппан-и Мавиз. Последний, как известно, находился в одноименном квартале и является старым названием расположенного по соседству с кварталом Мир Ибрахим квартала Ходжа Калан¹², что также подтверждает тождественность кварталов Раугангаран и Мир Ибрахим¹³.

О квартале Раугангаран упоминается также в акте 1069/1658—59 гг., где дано его полное название «Раугангаран Пайдар»¹⁴. Отсюда следует, что квартал существовал уже в XVII в. и носил еще одно не дошедшее до нас название — «Раугангаран Пайдар». О существовании бани Хаммам-и Пайдар в квартале Мир Ибрахим мы узнаем из грамоты 1117/1705—1706 гг.¹⁵

Таким образом, один и тот же квартал был известен под разными названиями: Раугангаран, Мир Ибрахим, Сар-и Базар-и Кал-и Фархад.

Судя по литературе, в Бухаре, кроме рассматриваемого квартала, были еще два квартала с идентичным названием «Раугангаран» к югу от арка и «Раугаран» (или «Зехтаби») в северной части города¹⁶.

5. Квартал Базар-и Масхидузан (Базар сапожников)

В списках кварталов Бухары это название не обнаружено¹⁷. В вакфном документе в пользу медресе Мадар-и хан есть упоминание о квартале Базар-и Масхидузан. Баня, называемая Хаммам-и Туркишдузан, расположенная, судя по документу,

⁷ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 55/2.

⁸ См.: Эпиграфические памятники Бухары. Отчет (авторы — Б. Бабаджанов, М. Рахимджанов, Л. Талис)//Архив Глав. НПУ Министерства культуры Узбекистана. Ташкент, 1990. С. 52.

⁹ Пулатов А. Бухоронинг ахволи ва тарихий ёдгорликлар: ркп. ИВ АН РУз, инд. № 12896, л. 28; ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 444; там же, ф. «Вакфнаме», д. 519.

¹⁰ Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 50.

¹¹ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 219.

¹² Там же. С. 220.

¹³ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 115/1.

¹⁴ Там же, д. 823/5.

¹⁵ Там же, д. 113/4.

¹⁶ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 177, 178, 240.

¹⁷ Там же. С. 294—304, 312—315.

в указанном квартале, близ Тима Туркишдузан («Колчаншиков»), одной стеной граничила с мечетью Такийадузан («Тюбетеечников»)¹⁸. Квартал Такийадузан легко локализуется на территории города¹⁹.

Приведенные факты позволяют с уверенностью локализовать забытый квартал Базар-и Масхидузан там, где находится квартал, известный и в начале XX в., — Такийадузан, который, по всей вероятности, являлся частью этого квартала. Не исключено, что постройка мечети Такийадузан изменила название квартала Базар-и Масхидузан и впоследствии он стал именоваться уже по названию мечети.

Упоминание о Базаре Масхидузан, расположенном близ Тима Туркишдузан, есть в документах джуйбарских шейхов, датированных 966/1558—59 г.²⁰

6. Квартал Базар-и Пийаз («Луковый базар»)

Новые данные удалось выявить и относительно квартала Базар-и Пийаз. Его название лишь упомянуто О. А. Сухаревой в списке кварталов XVII в. Место же его расположения оставалось невыясненным²¹. По грамотам мы узнаем, что вакфный объект, находившийся в квартале Базар-и Пийаз, помещался близ купольного пассажа Чахарсук-и Аханин и граничил с Тим-и Сафидфурушан и Базар-и Абришум²². Последний, как уже упомянуто, находился в одноименном квартале, известном под названием Мулла Амири. Торговое сооружение Чахарсук-и Аханин соответствовало существующему и в наши дни Так-и Тиллак (называемый также Так-и Китаб) и располагалось близ мечети Мугак-и Курпа, в одноименном квартале²³.

Следовательно, сопоставление данных различных источников позволяет расположить квартал Базар-и Пийаз рядом с мечетью Мугак-и Курпа, в одноименном квартале, по соседству с кварталом Амири.

7. Квартал Мугак-и нау («Новый Мугак»)

Квартал был назван по одноименной мечети. Как сообщает автор агиографического сочинения «Самарат ал-машаих», мечеть была построена неким Маулана Ходжа Калан-диваном. В тексте указанного сочинения говорится: «В новопостроенной мечети Мугак, которую Маулана Ходжа Калан диван построил внутри города Бухары вблизи Чахарсук-и Аханин...»²⁴

О. А. Сухарева, полагаясь на предания, считает, что мечеть Мугак-и нау была возведена джуйбарским шейхом Ходжа Каланом²⁵.

Нам удалось обнаружить вакфную грамоту, выданную от имени вышеотмеченного строителя мечети. Как показывает эта грамота, полное имя основателя мечети и вакфа — Мулла Ходжа Калан, сын Мулла Навруза, а время постройки — примерно 1067/1656 г. (дата учреждения вакфа). В тексте вакфнаме указывается, что мечеть «построена в квартале Камангаран, граничащем с Чахарсук-и Аханин»²⁶.

Следовательно, по вновь отстроенной мечети впоследствии сменилось и название квартала Камангаран на Мугак-и нау.

8. Квартал Мехтар Шагай («Старшина [изготавливавших] колчаны»)

Название квартала было прочитано О. А. Сухаревой неправильно как Мехтао Тагой. (Для целей исследования она, как известно, пользовалась не самими документами, а лишь описью исторического фонда ЦГА РУз)²⁷. Никаких других сведений об этом квартале в научной литературе не имеется.

Об указанном квартале мы узнаем из вакфнаме, составленного в 1594 г. в пользу медресе Кулбаба Кукалташа. Там при описании объектов, обращенных в вакф, говорится: «И еще [даны в вакф] целиком и полностью два дукана..., которые расположены за пределами хисара Бухары в квартале Мехтар Шагай вблизи от Чахарсук-и

¹⁸ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 55/2.

¹⁹ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 303.

²⁰ Из архива шейхов Джуйбари//Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI в. М.; Л., 1938. С. 78; Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов: К истории феодального землевладения Средней Азии в XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 125.

²¹ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 304. Прим. 46.

²² ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 1, 2, 55/2.

²³ Джуреева Г. А. Новые данные о воротах шахристана Бухары (по материалам вакфных грамот)//ОНУ. 1983. № 11. С. 40, 41.

²⁴ Саййид Занде Али ал-Муфти. Самарат ал-машаих: ркп. ИВ АН РУз, инв. № 2619/II, л. 394б, 395а.

²⁵ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 193.

²⁶ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 131.

²⁷ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 4. 303. Прим. 38.

Аханин. Северная [граница] их примыкает к хандаку (рву) старого хисара упомянутого города...»²⁸

Как видно из отрывка, квартал находился за пределами старого хисара, примыкая к его рву, вблизи торгового купола Чахарсук-и Аханин. Последний соответствовал дошедшему до наших дней Так-и Тилпак и находился в квартале Мугак-и Курпа (см. выше). Последний в разные периоды назывался по-разному: Мугак-и Курпа, Камангаран («Лучники») и Ходжа Мухаммад Парран²⁹.

Следовательно, квартал Мехтар Шагай мог находиться вблизи или, возможно, даже в самом квартале Мугак-и Курпа. Не исключена вероятность, что название Мехтар Шагай было одним из наиболее старых и забытых позже названий этого квартала.

По-видимому, жители квартала специализировались на изготовлении и реализации предметов вооружения, на что указывают в какой-то степени и само название квартала Мехтар Шагай («Старшина [изготавливавших] колчаны»), и то, что в нем в XVI в., судя по грамоте, размещались лавки по производству и продаже луков (камангаран)³⁰. Отсюда и одно из названий квартала.

9. Квартал Мулла Хизр Мухаммад Мискин

Название квартала лишь упомянуто в списке кварталов XVII в. О. А. Сухаревой³¹. Из вакфной грамоты, заверенной печатью амира Шах-Мурада, мы узнаем первые, дополнительные сведения об этом ныне забытом квартале конца XV — начала XVI в.³² Ориентиром, указывающим на место расположения квартала, может служить одноименное медресе. Последнее, как известно по имеющимся в литературе сообщениям, находилось рядом с медресе Мир-и Араб и существовало еще в начале XX в.³³

Об основателе квартала мы находим сведения в «Самарат ал-машаих»³⁴. Согласно этому источнику, его полное имя Маулана Мухаммад — Амин Мискин. Он был верховным судьей Бухары, потомком известного казия Маулана Мухаммад Мискина. По-видимому, речь идет об известном в первой половине XV в. самаркандском судье (казии) Шамсаддин-Мухаммад Мискине, единственном из законоведов (имамов), имевшем мужество не приложить свою печать на фетву (решение, основанное на шариате), приговорившую Улугбека к смерти³⁵.

В вышеназванной рукописи говорится, что казий построил внутри старого хисара («хисар-и кадим») медресе, «которое известно». Здесь же указано, что он с 885/1480 — 81 г. в течение 12 лет состоял на службе у Ходжа Ахрара. Все это дает возможность определить примерно не только годы жизни казие, но и время постройки медресе Маулана Мухаммад Мискина.

Медресе было разрушено в 20-х годах XX в.

10. Квартал Амир Джан-Али-бий

Согласно исследованию О. А. Сухаревой, квартал Мирджан Али включен в список кварталов XVIII в.³⁶ Другой квартал — Джан-Али-бий отнесен ею в список кварталов XVII в.³⁷

Вакфные грамоты в пользу медресе Абдаллах-хана II (составлена в 1594 г.) и Ходжа Нихал позволяют установить, что эти два названия относились к одному и тому же кварталу, бытовавшему во второй половине XVI в. и находившемуся за пределами старого хисара Бухары³⁸. Полное название его, согласно указанному вакфу, где перечислены все титулы, относящиеся к этому имени, было — Амир Джан-Али-бий. Вполне вероятно, что именно о нем упоминает автор «Шараф-нама-йи шахи», называя Амир Джан-Али-бия великим амиром и вельможей Абдаллах-хана II, получившим в 1558 г. благодаря ходатайству Ходжа Джуйбари, должность аталыка его величества³⁹.

²⁸ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 1.

²⁹ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 193, 194, 316.

³⁰ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 1.

³¹ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 304. Прим. 46.

³² ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 1295/20.

³³ Ремпель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары) // Искусство зодчих Узбекистана. I. Ташкент, 1962. С. 228, 229. Рис. 3; его же. Далекое и близкое: Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Бухарские записки. Ташкент, 1982. С. 113.

³⁴ Саййид Занде Али ал-Муфти. Указ. соч., л. 2416 242а.

³⁵ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1973. С. 132, 158.

³⁶ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 136, 140, 141, 312. Прим. 83.

³⁷ Там же. С. 304. Прим. 46.

³⁸ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 2, 19.

³⁹ Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф нама-йи шахи (Книга шахской славы): Факсимиле рукописи Д 88/Пер. с перс. введ., примеч. и указ. М. А. Салахетдиновой. Ч. I. М., 1982. С. 137, 214, 222, 224, 244; Саййид Занде Али ал-Муфти. Указ. соч., л. 28, 47, 51 и т. д.

11. Квартал Инайат-ходжа

Известное для XVI в., это название не дошло до наших дней; не упоминается оно и в списках кварталов, составленных О. А. Сухаревой⁴⁰. В вакфном документе в пользу медресе Мадар-и хан впервые встречается название этого квартала⁴¹. По описанию, приводимому в документе, квартал находился за пределами старого хисара. Вакфная недвижимость, расположенная на его территории, граничила с водостоком (абрах) бани Хаммам-и Каппа. Баня, известная под названием Хаммам-и Каппа (или Абдаллах ходжа)⁴², находилась в начале XX в. на территории одноименного квартала, который в определенные периоды выступал как самостоятельная часть квартала Мирджан-Келди⁴³.

Основываясь на сказанном, квартал Инайат-ходжа можно располагать рядом с кварталом XX в. Мирджан-Келди.

Данные же вакфной грамоты 1804 г. позволяют отождествить квартал Инайат-ходжа с кварталом начала XX в. Сабунгаран, соседствующим с упомянутым выше кварталом Мирджан-Келди. В тексте сказано: «в гузаре Инайат-ходжа, известной как гузар Сабунгаран...»⁴⁴ Это свидетельствует о том, что часть жителей этого квартала занимались мыловарением.

Следовательно, квартал XVI в. Инайат-ходжа был забытым названием квартала начала XX в. Сабунгаран («Мыловары»). Точных сведений о том, кто был Инайат-ходжа, по распоряжению которого, по-видимому, была построена мечеть этого квартала, нет. Не исключена вероятность, что строителем мечети был некий Саййид Инайат-ходжа, брат Хасан-ходжа накиба, одного из видных приближенных Абдаллах-хана II, игравшего немаловажную роль в политической жизни страны⁴⁵. В указанной нами вакфной грамоте упоминаются торгово-ремесленные заведения, принадлежащие Хасан-ходжа накибу⁴⁶.

Квартал этот, судя по количеству завещанных в вакф участков, упомянутых в документе, был довольно большим. Квартал Инайат-ходжа упоминается также в недатированной вакфной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада⁴⁷.

12. Квартал Хазрат-и Ходжа Чахаршанби

На местонахождение квартала Хазрат-и Ходжа Чахаршанби безошибочно указывает кладбище того же названия. Квартал был отождествлен О. А. Сухаревой с кварталом Ходжа Аспардан (здесь название мазара). Она считает, что название кладбища иногда переносилось на квартал, указывая при этом на грамоту 1882—83 г.⁴⁸

Вакфная грамота в пользу медресе Мадар-и хан (вторая половина XVI в.) позволяет уточнить датировку квартала и утверждать, что название рассматриваемого квартала бытовало уже во второй половине XVI в.⁴⁹

13. Квартал Дар ал-куззат («Дом судей»)

В вакфной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада, имеются сведения о неизвестном в литературе квартале Дар ал-куззат⁵⁰. Согласно указанному вакфнаме, мечеть этого квартала находилась по соседству с кварталом Мулла Хизра Мухаммада Мискина. Последний, как выясняется из исследованных нами грамот, находился на территории шахристана, рядом с известным медресе Мир-и Араб (О квартале Мулла Хизра Мухаммада Мискина см. выше).

14. Квартал Хуррам-бий

О квартале Хуррам-бий говорится в вакфной грамоте, датированной 1117/1705—1706 г.⁵¹ Он упоминается в означенной грамоте в связи с указанием о баше Кунджак, расположенной внутри старого хисара в квартале Хуррам-бий. Известный еще в начале XX в., квартал Хаммам-и Кунджак получил название по этой старинной баше. Первое упоминание о квартале Хаммам-и Кунджак О. А. Сухарева относит к

⁴⁰ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 294—304, 312, 315.

⁴¹ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 55/2.

⁴² Ремпель Л. И. Из истории... С. 257; его же. Далекое и близкое... С. 148.

⁴³ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 163, 164.

⁴⁴ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 162. О квартале Сабунгаран подробно см.: Сухарева О. А. Квартальная община... С. 164, 165.

⁴⁵ Хафиз-и Таныш Бухари. Указ. соч. Ч. I. С. 113; ч. II. М., 1989. С. 82, 108, 113, 122 и т. д.

⁴⁶ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 55/2.

⁴⁷ Там же, д. 1291/25.

⁴⁸ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 151, 166.

⁴⁹ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 55/2.

⁵⁰ Там же, д. 1295/20.

⁵¹ Там же, д. 113/4.

1721—22 г.⁵² Следовательно, постройка указанной бани повлекла за собой изменение названия квартала Хуррамбий и позже он стал называться Хаммам-и Кунджак. Можно предположить, что устроителем мечети был амир Субханкули-хана (1680—1702) Хуррам-бий хаджи парваначи, правитель Карши, упоминаемый Ходжа Самандаром Термези⁵³.

15. Квартал Ак-Мухаммад диван

Неизвестный ранее квартал Ак-Мухаммад диван, по данным вакфнаме, находился в XVI в. за пределами старого хисара и прилегал к водостоку (абрах) бани Хаммам-и Каппа⁵⁴, называемой также Абдаллах-ходжа⁵⁵. Квартал Хаммам-и Каппа, или Мирджан-Келди, сохранившийся и в начале XX в., описан и локализован О. А. Сухаревой⁵⁶.

Таким образом, опираясь на свидетельства источников, удается обнаружить известное для XVI в., но не дошедшее до наших дней название квартала Ак-Мухаммад диван и локализовать его где-то рядом с кварталом Хаммам-и Каппа. Данный квартал упомянут также в грамоте, составленной Абдаллах-ханом II в пользу его медресе в Бухаре 1570 г.⁵⁷

16. Квартал Мехтар Пайанде-Мухаммад

Название этого квартала не встречается в списках кварталов, составленных О. А. Сухаревой. По данным грамоты второй половины XVI в., квартал Мехтар Пайанде локализуется «за пределами упомянутого [старого] хисара»⁵⁸.

Данные другого вакфнаме (1676 г.) позволяют точнее наметить его местоположение на территории Бухары⁵⁹. Согласно этой грамоте, в квартале находилась баня Хаммам-и Каппа. Известная в начале XX в. баня Хаммам-и Каппа (называемая также Абдаллах-ходжа; см. выше) локализуется по одноименному кварталу, который существовал в некоторые периоды как самостоятельный квартал и представлял собой часть квартала конца XIX — начала XX в. Мирджан-Келди⁶⁰. По сведениям выше-названной грамоты 1676 г. удается определить более полное название этого квартала — Мехтар Пайанде-Мухаммад. В другом вакфном документе (1080/1669—70 г.) обнаруживается еще одно неизвестное наименование квартала — Хаммам-и Каппа, по-видимому, более раннего происхождения. В тексте грамоты указано: «в квартале Хаммам-и Каппа, который является кварталом Шах-Мухаммад-бия Багрикара...»⁶¹

Квартал Мехтар Пайанде-Мухаммад упомянут также в бухарском вакфном документе 1570 г.⁶²

Приведенные данные не только помогли обнаружить забытое в настоящее время название квартала XVI в., но и разместить его на территории города. На основании этих фактов выясняются три антропонима этого квартала: Мехтар, Пайанде-Мухаммад, Шах-Мухаммад-бий Багрикара и Хаммам-и Каппа.

Г. А. Джураева

⁵² Сухарева О. А. Квартальная община... С. 198.

⁵³ Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук: Факсимиле старейшей рукописи/Пер. с перс., предисл., примеч. и указ. М. А. Салахетдиновой. М., 1971. С. 12, 78, 82, 86, 123 и т. д.

⁵⁴ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 55/2.

⁵⁵ Ремпель Л. И. Из истории... С. 257; его же. Далекое и близкое... С. 148.

⁵⁶ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 163, 164, 304. Прим. 46.

⁵⁷ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 24/1.

⁵⁸ Там же, д. 55/2.

⁵⁹ Там же, д. 826/6.

⁶⁰ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 163, 164.

⁶¹ ЦГА РУз, ф. И-323, оп. 1, д. 1186/6.

⁶² Там же, д. 24/1.

О СЛОЖЕНИИ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ БУХАРЫ И ТАШКЕНТА В XV—XVI ВЕКАХ

(На примере строительства бань)

В XVI в., при Шейбанидах, Бухара стала ведущим городом, а при Абдуллахане (1557—1598 гг.) и далее — столицей государства. Этот крупный ремесленный и торговый центр, несмотря на сложную политическую обстановку, феодальные распри, сопровождавшиеся разорением городов, не раз становился местом довольно интенсивного строительства.

Источники сообщают о возведении в Бухаре мечетей, медресе, караван-сараяв

и др. По описанию А. Дженкинсона, посетившего Бухару в 1558 г., в городе было немало «сооружений, роскошно выстроенных и позолоченных, в особенности бань, так искусно построенных что подобных им нет на свете»¹. Самое раннее упоминание о банях Бухары, как отмечают исследователи², можно найти у Наршахи, а в XII в. бани уже прочно вошли в повседневную жизнь города. Одно такое роскошно украшенное сооружение возвел около своего дворца Илек Арслан-хан. Большое число бань принадлежали в XV в. известному шейху Ходже Ахрару. Он передавал их в вакф религиозным заведениям³.

В XVI в. в городе было уже более десятка бань; о них сообщает Бадриддин Кашмири, биограф шейхов Джуйбары⁴. Восторженные отзывы современников об устройстве бань Бухары и мастерстве их строителей позволяют предположить, что тогда уже существовали сложившиеся традиции их сооружения, высокий стандарт стилистико-архитектурного воплощения идеи этого гигиенического сооружения. Бани, построенные в то время, функционируют в Бухаре и поныне. Это — ансамбль в квартале Саррафан, основная застройка которого, включающая три торговых купола, складывалась именно тогда. Наиболее древняя часть бань, в основном сохранившая конструкцию XV в., дает нам достаточный материал для исследования планировочных и инженерных принципов строительства того времени. Открытие близких по времени или синхронных сооружений в других регионах Мавераннахра и Туркестана дает нам широкий простор для сравнительного анализа и в плане выявления существовавших строительных школ.

В этом аспекте наиболее интересно сравнение с соответствующими сооружениями Ташкента и присырдарьинских городов. Эти регионы, издревле объединенные сетью торговых связей, были задействованы в острых и сложных политических событиях конца XV — начала XVI в., связанных с утверждением новой династии — Шейбанидов.

Как известно, с конца XV в. Ташкентом владели ханы Моголистана, а при одном из них — Юнус-хане Ташкент некоторое время был столицей городом. Сын Юнуса-хана Султан-Махмуд-хан (1487—1502 гг.) активно вмешивался в борьбу пришедших из Дешти-Кипчака Шейбанидов с последними темуридскими султанами, пытавшимися сохранить остатки империи Темура. Вместе с тем, пользуясь ситуацией, он старался восстановить власть Ташкента над сырдарьинскими городами, в том числе присоединил Отрар, который еще в раннем средневековье входил в состав Ташкентского владения. Эти города были связаны не только политически, но и в экономическом отношении. Приняв сначала сторону Шейбанидов в их борьбе с Темуридами, Султан-Махмуд-хан уступил Отрар Шейбани-хану, но затем, поочередно оказывая поддержку то одним, то другим, ташкентский правитель проиграл в этой двойной игре и был казнен Шейбани-ханом⁵.

Ташкент после захвата и разорения его Шейбани-ханом перешел в итоге под власть Суюнч-Ходжи-Султана (1510—1524 гг.), ставшего родоначальником ташкентской ветви Шейбанидов, которая все время стремилась сохранить независимость Ташкентского владения от центральной власти и в то же время вынуждена была отбивать натиск казахских султанов, стремившихся овладеть Ташкентом и городами по Сырдарье. При сыне Суюнч-хана Кельди-Мухаммаде (1525—1533 гг.) в результате удачного похода часть городов по Сырдарье закрепилась за Ташкентом.

Вместе с тем шейбанидские правители Ташкента поддерживали отношения с главой династии и другими удельными владениями. Наиболее тесные отношения можно отметить с Самаркандом, где поначалу пребывал верховный хан, а Суюнч-Ходжа на короткое время даже становился главой династии, до Кучкунчи-хана. С Бухарским владением ташкентские правители также часто вступали в политический союз. Так, во время правления в Бухаре Убайдаллах-хана (1533—1540 гг.) объединенные силы этого правителя, Суюнч-Ходжи и Кучкунчи-хана отбили Ташкент, взятый перед этим правителем Кашгара⁶. В «Джами ал-макамат» («Собрание духовного совершенства») есть сведения о том, что ташкентский правитель Барак-хан (Науруз-Ахмед, 1533—1555 гг.) в союзе с правителем Самарканда пытался

¹ Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 197—198.

² Некрасова Е., Филимонов В. Ансамбль Саррафан в Бухаре (рукопись). Приношу глубокую благодарность авторам за возможность сослаться на их материалы.

³ Самаркандские документы XV—XVI вв. (о владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане)/Пер. и примеч. О. Д. Чехович. М., 1974. С. 279.

⁴ Бадриддин Кашмири. Равзат ар-Ризван ва хадикат ал-гилман; Архитектурные памятники в средневековых письменных источниках (сост. Б. Бабаджановым)//Архитектура и строительство Узбекистана. 1991. № 6. С. 9.

⁵ Мукминова Р. Г. Из истории позднесредневекового Ташкента//ОНУ. 1981, № 11. С. 39.

⁶ Ахмедов Б. А. Указ. соч. С. 180.

захватить верховную власть в Бухаре в 1540 г., а в 1551 г. стал номинальным верховным правителем государства Шейбанидов.

Таким образом, в первой половине XVI в. внутренняя борьба в государстве Шейбанидов обострилась, что привело к раздробленности, однако экономические, торговые и культурные связи между владениями не ослабевают, как не прекращается и движение караванов по старым торговым путям. В Самарканде, Бухаре, Ташкенте и других городах в это время идет интенсивное строительство. В Ташкенте от того периода сохранился ряд построек культового характера (комплексы Хазрет-и-Имам и шейха Хавсиди Тахура, медресе Кукельдаш). Они отличаются скромностью внешнего оформления, строгой, сдержанной архитектурой. Однако по своим планировочно-архитектурным принципам примыкают к синхронным памятникам Бухары, идя в русле единой с ней, ведущей, как отмечают исследователи, школы XVI в.⁷

В структуре «старого города» Ташкента ранее было зафиксировано несколько построек старинных бань, восходящих, судя по конструкции, как считает Л. Ю. Маньковская, к XV—XVI вв., но ввиду поздних перестроек, не сохранивших почти ничего от первоначальной планировки (напр., баня Пушгихамом по ул. Махсидузлик, Арпапая постройка на Чорсу)⁸, ныне все они утрачены.

Баня, обнаруженная при строительстве художественного училища им. Бенькова и изученная археологами, несмотря на плохую сохранность, доносит до нас в первоначальном виде планировку XVI в.⁹ Она демонстрирует целый ряд тождественных моментов с планировкой бухарских бань Саррафан. Само здание, судя по обнаружению его в местности Караташ, где по рельефу определяется наличие средневековой крепости, входило в комплекс ее престижных построек.

Реконструирован прямоугольный внешний абрис здания (приблизительно 21,5×19,5 м) с компактно сгруппированными вокруг центрального зала — миян-сарая внутренними помещениями, делящимися на неотапливаемую и отапливаемую части. Как это было принято, здесь из холодных помещений надлежало, постепенно адаптируясь, переходить в горячие, и наоборот.

Первое помещение, расположенное сразу за двумя входными проемами, предназначалось для отдыха и раздевания; здесь же над суфой располагались небольшие ванночки, обмазанные водостойким раствором. Ниша в противоположной стене облицована кирпичами и майоликовыми плитами. Орнамент, набранный из удлиненных плиток, создававших бордюр, и шестиугольников, образующих панно, представлял собой сплошной ковер голубого, желтого, белого, черного и марганцево-красного тонов.

Следующее помещение, температура которого была несколько выше за счет местного обогрева небольшим тандыром, также снабжено суфой-лежанкой, облицованной майоликовыми плитами. Оно имело небольшое окно, забранный панджарой. Это помещение, видимо, было предназначено для мытья ног (пойшуй), раздачи изаров — набедренных повязок, а также для отдыха после возвращения из бани в раздевалку. Оно предшествует центральному залу — миян-сарая, крестообразного, за счет айванов, плана, с горячим полом, служившего парилкой и массажной, где, видимо, как в турецких банях, посередине располагалась эстрада для массажа.

Центральный зал, судя по завалу фрагментов штукатурного декора, был богато украшен. Стены были покрыты водостойкой штукатуркой розового цвета, как и внутренняя поверхность купола; на розовый фон нанесен резной штукатурный гирих. Вогнутые продолговатые доли штука с ячейками гириха, повторяющие кривую купола, в изобилии обнаружены в завале.

Вокруг зала группировались все отапливаемые помещения и ванны — резервуары с подогревом до разной температуры водой. Это были емкости продолговатой формы (3×2,5 м), глубиной более 1 м, тщательно промазанные сырым цементным раствором, местами до 15—18 слоев.

Находясь в моечных помещениях и миян-сарая, можно было черпать воду из ванн мисками через окошки, как это видно на миниатюрах, изображающих бани¹⁰.

В стороне от центрального зала находилось круглое холодное помещение, с круглым же бассейном в центре, наполнявшимся холодной водой. Само помещение разделено на шесть кабинок тонкими радиальными перегородками. В полу вдоль стен шла сточная канава, отводящая воду со всей бани в сводчатый тазар и далее в поглотительный колодец. Кабинки предназначались для интимных гигиени-

⁷ Булатова В., Маньковская Л. Памятники зодчества Ташкента XIV—XIX вв. Ташкент, 1983. С. 48.

⁸ Там же. С. 56, 57.

⁹ Филианович М. И. Новое о городской культуре Ташкента // ОНУ. 1982. № 3. С. 39—41; Филианович М. И., Алимов У. К обнаружению средневековой бани в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1989. С. 179 и след.

¹⁰ Ашрафи М. М. Из истории развития миниатюры Ирана XIII в. Душанбе, 1978. Рис. 19.

ческих процедур. Со всех сторон между холодными и горячими помещениями располагались небольшие ванночки для малого объема воды или для целебных растворов. Их значительное число в одном здании объяснено сведениями письменных источников, в частности «Трактата о гигиене» Ибн Сины, об использовании в банях соленой, квасцовой, серно-нефтяной воды, отваров шиповника, лавра и пр.¹¹

Баня снабжалась водой из расположенного рядом колодца, откуда воду, как можно предположить на основании изображений, на миниатюрах, поднимали при помощи подъемного колеса, вращаемого быком.

Отопительная подпольная система бани сохранилась достаточно хорошо (отсутствует лишь топка), чтобы дать представление о ее сложности, мастерстве выведения ходов и прекрасном знании мастерами законов тяги.

Система состоит из кирпичных столбиков, регулярно поставленных в пространстве, образованном стенками фундамента комнат. Эти подземные комнаты соединены ходами, повторяя план наземных помещений. Перекрытие ходов осуществлялось крупными кирпичными плитами или кирпичами обычных размеров, укрепленными в виде двускатной крыши. Некоторые ходы выводились в два этажа, причем верхний ряд по отношению к нижнему ставился в шахматном порядке. Над перекрытием накладывали до 3—4 рядов кирпича, образующих пол мочных помещений. Употреблялись специальные кирпичные заслонки в ходах, с помощью которых регулировали тягу и управляли жаровым потоком. Удивляет высота ходов, достигающая 1,9 м, так что взрослый человек, не сгибаясь, мог входить в них для чистки и регулирования жара и тяги.

Датировка бани определяется анализом ее планировочных конструкций, декора и археологическим материалом, собранным в процессе раскопок.

Достаточно четкий прямоугольный абрис здания не свойствен баням XVIII—XIX вв., которые представляли собой довольно аморфный конгломерат построек, полузаглубленных в землю для удержания тепла. Прямоугольный план сохранился в эпоху позднего средневековья лишь в постройках Крыма, Кавказа, Поволжья (Феодосия, Великие Булгары, Баку и т. д.). Однако ташкентская баня отличается от них (крестообразным миян-сараем, многогранными комнатами). Их система регулярных прямоугольных помещений больше тяготеет к плану, свойственному постройкам XI—XIII вв., как кавказским (Грузия), так и центральноазиатским. Примером последних могут служить бани, открытые в Таразе, Новой Нисе, Лашкари Базаре, Афрасиабе, Хульбуке.

Наиболее характерный пример сохранившейся бани того периода — сооружение в комплексе газневидского дворца в Лашкари Базаре¹². Для него характерно сочетание трех отопляемых прямоугольных комнат с нишами, в которых расположены ванны с подогретой водой, и двух холодных помещений. Радикальное отличие от ташкентской бани — не только в планировке помещений, но и в наличии отопительных коридоров, а не столбиков с ходами, которые в принципе ближе к античному гипocaustу, хотя Д. Шлюмберже употребляет этот термин для определения отопительной системы бани в Лашкари-Базаре.

Более всего близки ташкентской бане сооружения XIV—XVI вв. Именно в это время в сформированном виде предстает планировка с крестообразным миян-сараем и появляется подпольный обогрев с помощью ходов между столбиками.

Это — сооружения Булгар XIV в.¹³, Бактр¹⁴, Шахрисабза¹⁵. Эль-Мусайяд в Каире и др.¹⁶ Им свойственны крупные резервуары, а устройство мелких ванночек найдено лишь в банях Отрара, датированных концом XIII — началом XIV в.¹⁷ В отрарской бане мы находим и истоки планировки с включением помещения с холодным бассейном в центре. Здесь он обведен суфой и заключен в квадратный абрис помещения, через которое также проходит сток в тазар¹⁸.

Ташкентская баня, таким образом, относится к типу позднесредневековых сооружений с миян-сараем. Она вписана в прямоугольный объем, снабжена крупными ваннами и в то же время известными с более ранней поры мелкими ванночками.

¹¹ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Кн. I. Ташкент, 1954. С. 198.

¹² Schlumberger D. Lashkari Bazar une residence royale ghaznevide et ghoriide//MDAFA. T. XVIII. 1A, l'architecture. Paris, 1978. P. 55—57.

¹³ Калинин И. Ф., Смирнов А. П. Реконструкция булгарской бани XIV в.//КСИИМК. XIII. М., 1946. С. 26—29.

¹⁴ Foucher A. La vieille Route de l'Inde de Bactres a Taxila. T. I. Paris, 1942. Pl. 115.

¹⁵ Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ташкент, 1976. С. 14.

¹⁶ Prisse d'Avennes. L'art arabe d'apres les monuments du Caire depuis le VII-e siecle jusqu'a la fin du XVIIe. Paris. 1877. P. 147. Fig. 16.

¹⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII—XIV веках. Алма-Ата, 1987. С. 142 и след.

¹⁸ Там же. С. 113. Рис. 41.

Отапливалась она с помощью более совершенной системы очень высоких ходов, а не коридоров.

Включенная в ансамбль цитадели, эта баня принадлежала к типу подобных сооружений с богатым архитектурно-декоративным оформлением, что было свойственно для таких гигантских сооружений, игравших и роль своеобразных клубов.

Представление об убранстве интерьеров бань дополняют миниатюры XV—XVI вв. Например, в иллюстрациях к «Хамсе» Низами изображена баня, где можно видеть изразцовые панели на стенах и внизу суф, решетку-панджара в окне и помещение для раздевания с суфой, а также другое помещение, где раздают изары, которые сушатся здесь же, под потолком. Видны миски для зачерпывания воды и небольшие ведерки¹⁹.

Датировку ташкентской бани уточняют материалы из раскопок. Это в основном керамика — фрагменты блюд и коса, белофонные с синими растительными побегами, выполненные в провинциальном варианте подражания китайскому (минскому) фарфору. Встречена также керамика с рисунком марганцевого тона с голубым орнаментом, темным рисунком по голубому тону. В целом комплекс относится к концу XV—XVI в. Майоликовые плитки облицовок, включавших бордюры растительного рисунка и панно из шестигранных с геометрическим орнаментом в желтых, белых, черных тонах по синему фону, датируются тем же временем. Выполнены они на весьма посредственном уровне.

Уже из беглого описания видно, что по своей планировке и убранству ташкентская баня стоит ближе всего к бане Саррафан в Бухаре, в ее наиболее древней части. Можно перечислить целый ряд общих черт. Прежде всего, бухарская баня принадлежит к тому же типу сооружений с миан-сараем в центре и абсолютно идентичными системами обогрева, ходами между столбиками и регулированием тяги. Высота ходов здесь несколько меньше — до 1,5 м. Эта баня не имеет четких очертаний прямоугольника, будучи встроенной в ансамбль других зданий; кроме того, структура ее в течение веков менялась в процессе перестроек, многие помещения замуровывались.

Миан-сарай здесь окружен мочными и другими помещениями с идентичными ваннами, а напички устроены между холодными и теплыми комнатами.

Наибольшее сходство придает неотопливаемое круглое помещение с круглым бассейном в центре и водосточным желобом-стоком. Впоследствии, во время ремонта, вместо суфы были сооружены кабинки, превратившие помещение в место интимных процедур.

Стены бани были также облицованы майоликовыми панно из шестигранных плиток, обрамленными бордюром и идентичным орнаментом, выполненным в тех же цветах, что и орнамент ташкентской постройки.

Таким образом, планировка, архитектурное оформление и майоликовый декор обеих бань ярко демонстрируют их единство, наводя на мысль, что обе они сооружены мастерами, принадлежавшими к одной строительной школе. Учитывая близкое сходство с баней Отрара, которая датируется самым концом XIII — началом XIV в., можно считать, что эта школа, основанная на общих канонах средневекового строительства на Востоке, но обладавшая своими особенностями, слагалась в городах по Сырдарье, крупных пунктах на путях международной торговли и обмена техническими достижениями, связывавших эти города с центрами Поволжья, Кавказа, Турции, равно как с Китаем и странами Среднего Востока. Бухара, тесно связанная при первых шейбанидских правителях с данным регионом, вошла в этот ареал формирования самой высокой школы зодчества Центральной Азии XVI в. В Бухаре — столице государства, где велось большое строительство, она проявилась наиболее выразительно.

Когда же в пределах XVI в. могла быть выстроена ташкентская баня?

Первая треть этого столетия была временем интенсивного культового и гражданского строительства в Бухаре при просвещенном правителе Убайдаллах-хане, хотя город был еще не столичным, а лишь центром одного из уделов. Е. Некрасовой и В. Филимоновым установлено, что ансамбль Саррафан, включая баню, известную по документам джуйбарских шейхов, как баня Мира Яри, в основном слагался и был завершен при этом правителе. Об этом повествует надпись, прочитанная Б. Бабаджановым и гласящая о строительстве в данном ансамбле купола Так-и Саррафан.

То был период не только бурных феодальных распри и династических раздоров, но и время сложения локальных центров при дворах шейбанидских владетелей, активного возведения на местах как престижных построек, так и торговых сооружений и бань.

Вряд ли ташкентская баня была выстроена во второй половине XVI в., при Абдулла-хане II. В Бухаре, которая уже стала столицей, при нем было возведено

¹⁹ Миниатюры к «Хамсе» Низами (сост. Ф. Сулейманова). Ташкент, 1985. Ил. 71.

много разнообразных построек, но этот правитель силой оружия безжалостно подавил сепаратизм областей, пытаясь возродить единство империи, что привело к разорению и упадку многих городов (например, Шахрисабза). Уже в середине XVI в. замирает торговля на путях на Восток, в Китай. Причиной тому были беспрерывные войны с кочевыми народами на этих путях. А Дженкинсон сообщает, что с Ташкентом воюют казахи, торговые пути перекрыты и ни один караван не может пройти не ограбленным²⁰.

В последние десятилетия XVI в. Ташкент также испытал большое разорение и дискриминационную политику Абдулла-хана II, когда были разрушены городские стены, а большая часть жителей переселилась в Бухарскую область.

Учитывая все это, надо полагать, что баня в ансамбле цитадели Ташкента, скорее всего, была выстроена в первые десятилетия XVI в., о чем свидетельствуют и результаты сравнительного анализа ее конструкции и сопровождающего археологического материала. Она развивает конструктивные принципы более ранней, отгарской бани и непосредственно предшествует возведению бани Саррафан в Бухаре при Убайдаллах-хане. Видимо, ташкентское здание входило в общий цикл строительства, предпринятого первыми шейбанидскими правителями этого удела, стремившимися тем самым всячески поднять свой престиж.

М. И. Филанович

²⁰ Ахмедов Б. А. Указ. соч. С. 199, 200.

МИНИАТЮРЫ ДВУХ ЖИТИЙНЫХ БУХАРСКИХ СПИСКОВ

Феноменальный успех суфизма с XIV—XV вв. на Среднем Востоке вообще, в Мавераннахре в частности, нашел выражение не только в создании и распространении суфийской литературы, а также специальных суфийских житийных сочинений¹, но и в появлении интереса к иллюстрированию их. К таким житийным сочинениям, вызвавшим интерес иллюстраторов в Бухаре, относится произведение «Маджалис ул-Ушшак», долгое время приписывавшееся авторству Султана Хусайна Байкары, но впоследствии признанное созданным его везиром Камаладдином Хусайном Газзургахи в 1502—1504 гг.² В рукописном фонде ИВ АН РУз хранится два иллюстрированных списка этого произведения. Первый из них (№ 3476) переписан на плотной самаркандской бумаге кремового цвета каллиграфом Мирсалихом в 1606/7 гг., а затем иллюстрирован смешанным коллективом из примерно 7—8 художников в бухарской китабхане. Часть художников, принимавших участие в его оформлении, создании миниатюр, принадлежали к индо-могольской школе миниатюрной живописи³. Каждый «маджалис» должен был иметь одну иллюстрацию, но выполнены были не все, а только 50 миниатюр, часть которых осталась к тому же в набросках.

Места переписки и иллюстрирования второго среднеазиатского списка (XVIII в.) не установлены. Список этот (№ 65) украшают уже 75 миниатюр, выполненных, судя по стилю рисунка, двумя художниками, один из которых следовал классическому направлению, а второй работал в лубочном, фольклорном стиле. Первые 40 миниатюр данного списка по тематике полностью совпадают или следуют тематике этой же части миниатюр более раннего списка № 3476, но далее художники второго списка решили более подробно отражать содержание «маджалисов», а в результате в последующей серии миниатюр появляются новые сюжеты и персонажи.

При сравнении первых 40 тематически идентичных сюжетов миниатюр обоих циклов выгоднее выглядит более ранний цикл, где художники значительно разнообразнее, изобразительнее решали стоящие задачи, внимательнее следовали описаниям текста в показе места и содержания действия. В этом цикле перед зрителями предстают сочные зарисовки быта и занятий жителей города и села — мастерские ювелира и чеканщика, беседующие в них заказчицы; интерьер аптеки, где на стенах в фигурных нишах стоят большие и малые сосуды со снадобьями; лавка продавца медных кувшинов; сценки в бане, на базаре, где у придорожной лавки на больших подносах разложены пучки зелени, а в огромном чане видны красные круглые плоды; сценки на женской половине дома, на улицах и пр. На горизонте в более раннем списке нередко видна панорама городских строений типа группы дворцовых беломраморных зданий индийского стиля⁴. По сравнению с более ран-

¹ Тиллабаев Р. А. Среднеазиатские агиографические сочинения XV—XVI вв. как исторический источник (жития шейхов Накшбандийа): Автореф. дис. ... д. и. н. Ташкент, 1994.

² Де Вин Де Вис. Хусайн Хорезми: среднеазиатский суфий начала XV в. // Из истории суфизма: источники и социальная практика. Ташкент, 1991. С. 51.

³ Movarannahr Book Painting/Сост. и автор предисл. О. И. Галеркина. Л., 1980. С. 30.

⁴ Там же. Ил. 37.

ним списком в позднем значительно нарастает внимание к подчеркиванию моментов ортодоксальной суфийской тематики. Если в более раннем списке (№ 3476) даже сословная принадлежность мюрида или интересные обстоятельства встречи шейха с мюридом давали художнику повод для красочного и подробного изображения многообразной жизни, картины бытовых сцен, то в позднем списке (№ 65) демонстрируется более однообразное и стандартное решение сюжетов, независимо от указаний текста. Художник при иллюстрировании тех же сцен искал более однообразные грани сюжета, дающие ему право замкнуться на узкосуфийской тематике — наставления шейхом мюрида, диспута и т. д. Так, если в миниатюре, иллюстрирующей в раннем списке встречу Фаридаддина Ираки с мюридом, увлекающимся игрой в поло, изображена сцена игры в поло двух конных всадников, то в позднем списке изображены дервиши с чашами для подаяний (л. 63). Если встреча Зиндафил Джама с мюридом в раннем списке изображена в сцене «пирушки» на лоне природы, то в списке № 65 она представлена как сцена благочестивого собеседования шейха с мюридом (л. 376) и пр. Все сцены беседы в списке № 65 небольшого размера и проходят на поляне, в степи со скудной растительностью, значительно реже — в интерьере, перед зданием⁵.

Сравнение миниатюр списка № 65 с некоторыми более ранними бухарскими циклами миниатюр XVII в. оказалось полезным в смысле определения их также бухарского происхождения. Целый ряд черт и особенностей рисунка, хотя и в иногда снижением, фольклорном варианте, обозначают длящуюся во времени, преемственную связь миниатюр житийного сборника с миниатюрами, например, бухарских списков «Хамсе» Низами от 1648 г. (СПб., ГПб, ПНС-66); «Хамсе» Низами от 1668—1671 гг. (библиотека Честер Битти, Дублин, Pers., 276). Показательны совпадения покрова, фасона одеяний ряда мужских и особенно женских персонажей в списках № 65 и «Хамсе» Низами (ПНС-66/6, нл. 181, 183, 184, 198, 201 и пр.). Так, в одежде представительниц знатного сословия отмечается такая заметная особенность покрова одежды, как облегающий фигуру халат с фигурным вырезом на груди, подчеркивающим ее форму (№ 65: Ширин — л. 106б; царица Савская — л. 97а), а также круглая маленькая шапочка на голове Ширин с эгреттой — знаком аристократического происхождения. Эти же детали костюма и головного убора присутствуют в костюмах женских персонажей другого бухарского списка «Хамсе» Низами от 1668—1671 гг. (библ. Честер Битти, Дублин, Pers., 276)⁶. Близкий вариант шапочки с эгреттой представлен на головках женских персонажей бухарского списка «Бустана» Саади от 1649 г. (библ. Честер Битти, Дублин, Pers., 274, л. 142б)⁷. Мужской костюм с укороченным верхним халатом, открывающим часть штанин, дополненный сапогами, а также манера накручивания чалмы совпадают в списках № 65 и ПНС-66⁸. Тип лиц персонажей лубочного стиля списка № 65 совпадает с типажом большеглазых, с правильными чертами лиц персонажей списка «Хамсе» Низами (ПНС-66)⁹. Схожа в списках № 65, ПНС-66, 3476 трактовка таких деталей архитектурных строений, как купола индизанизированных форм (при всем их лаконизме в списке № 65) и пр.

К сожалению, оба житийных бухарских списка не завершены в работе, часть иллюстраций осталась в прориски, незакрашенными и т. д. Список № 65 как бы демонстрирует постепенную переориентацию деятельности бухарской книжной, отход художников от иллюстрирования светских художественных произведений, обращение к иллюстрированию преимущественно религиозных, суфийских произведений, в связи с чем заметно скудеет свобода творческого выбора, полета фантазии, скованной строгими рамками предписаний этикета.

«Маджалис ул-Ушшак» — не сборник биографий, а хвалебные зарисовки из жизни знаменитых суфиев, шейхов, поэтов, государственных деятелей, где в занимательной форме, расцвеченной подробностями, описывался путь духовного совершенствования в суфийском понимании, приводились замечательные случаи из их жизни и подвижнической деятельности. Повествование оживлено историями известнейших влюбленных — Юсуфа и Зулейхи, Лейли и Меджнуна, Фархада и Ширин (любовь мужчины к женщине в суфизме символизировала мистическую любовь к Абсолюту). Наряду с биографически достоверными данными большое место уделялось легендарным сведениям о подвижниках, преданиям о сотворенных ими чудесах, мистических подвигах, а также важным для суфийского учения высказы-

⁵ Пугаченкова Г. А., Галеркина О. И. Миниатюры Средней Азии в избранных образцах (из советских и зарубежных изданий). М., 1979. Ил. 71, 72; Восточная миниатюра в собрании Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз/Составители Исмаилова Э. М., Полякова Е. А. Ташкент, 1980. Ил. 52—54.

⁶ См. также: Пугаченкова Г. А., Галеркина О. И. Указ. соч. Ил. 70.

⁷ См. там же. Ил. 49.

⁸ См. также: Миниатюры к «Хамсе» Низами/Сост. и автор предисл. Сулейманова Ф. К. Ташкент, 1985. Ил. 200, 201, 204 и др.

⁹ См. там же. Ил. 172, 183 и др.

ваниям, репликам идеологического характера в назидательных, пропагандистских целях.

Все герои житийных произведений — всегда реальные, наиболее авторитетные исторические лица, но в произведениях все они действовали согласно официальному идеалу. Галерея выдающихся для своей эпохи персонажей включала, например, таких деятелей, как Зуннун Мисри, Имам Джафар Садик, Мансур Халладж, шейх Абулхасан, Хиркани, Абу Саид Абулхайр, Ходжа Абдаллах Ансари, Имам Мухаммад Газзали, Хаким Санан, шейх Бахааддин Сухранварди, шейх Наджмиддин Кубро, шейх Фаридаддин Аттар, Джалалиддин Руми, Зиндафил Ахмад Джем, Махмуд Шабистари, Амир Саидали Хамадани и пр. Из поэтов изображены Амир Хосров Дехлави, Джами, Навои, Саади, Насими; из правителей — Искандар Зулкарнайн, Султан Хусейн Байкара, Султан Баязид, Шах Джахан, Бабур, султан Санджар Малишах, Алп Арслан, Джалалиддин Малик-шах и пр.

Разнообразный текст произведения, не связанный единым развитием сюжета, начинается в обоих списках канонизированной традицией ислама — вступительной миниатюрой, посвященной чудесному вознесению, но не пророка Мухаммада, а Адама на небо. Видимо, этот сюжет, отражая грани концепции творения, поощрял тягу, желание человека (т. е. тех, из числа которых вербовались суфьи, наставники и ученики) к поднятию над «суетной» жизнью, «недостойной человека», и приравнивал это к «Чуду», к устремлению к небесному, духовному совершенству, подвижничеству, деянию. В обоих списках для решения этой цели художниками использована композиция «Меъраджа», которая в данном случае распространяет символику этого вознесения на то духовное вознесение суфиев — «влюбленных в Бога», — которое венчает их усилия на Пути совершенствования.

Следующие далее сцены в обоих списках связаны содержанием с представлениями суфийской доктрины о праведном пути жизни. Суфизм считал, что человечество в целом эволюционирует к высшим формам, а люди способны к бесконечному совершенствованию, приходя к гармонии со всем существующим¹⁰. Нередко рукава халата суфия спущены ниже кистей, скрывая их, — так передана идея о вручении своей судьбы богу. Столь же удлиненные рукава халата у ученика могут означать его полную покорность воле учителя (№ 3476, л. 756). В списке № 3476 почтительное внимание ученика к учителю обозначено столь сильным наклоном головы вперед, что линия шеи сливается с линией плеча. В этом же списке один из трех сопровождающих конного имама Газзали мюридов идет впереди коня учителя, громкоglasно возвещая о его прибытии (л. 366). Услышавший это человек, изображенный в нижнем правом углу рисунка, спешит к всаднику.

Интерес к уроку передан тем, что читающего задание ученика слушают внимательно и все присутствующие мюриды, с жестах обсуждающие услышанное. Сам наставник сильно наклонился корпусом вперед, чтобы услышать ученика (№ 3476, л. 705 и др.).

В суфизме это — благочестивая сцена, символизирующая стремление к слиянию с Богом. В таких сценах, построенных в композициях «беседы», мюриды, слуги, придворные наливают вино из кувшина правителю, собеседнику. Между персонажами лежат книги, указывающие на учебный характер беседы и общения. Задачи «беседы» дополняли музыкальные маджалисы, литературные чтения. Сцены возлияния вина нередко сопровождались танцевальными движениями некоторых из присутствующих. В ряде направлений суфийского учения танец символизировал религиозный экстаз, во время которого наступал возделенный момент мысленного слияния с Богом. В подобных сценах нередко изображены потерявшие сознание от перевозбуждения, усталости и заснувших дервишей.

В суфизме считалось, что обучающим приемом может быть и игра в шахматы. В обоих списках имеются сцены игры в шахматы знаменитых суфиев с мюридами. В списке № 3476 игре в шахматы предаются основатель ордена Кубравийя, знаменитый знаток «явных и скрытых наук», прославленный шейх Наджмиддин Кубро (л. 49а). В списке № 65 этой же игре предаются, помимо шейха Кубро, Ходжа Касим ал-Анвар с мюридом, сыном некоего знаменитого тебризца (л. 45а, 836). Считалось, что черно-белый шахматный порядок символизировал идею: «Свет — понимание появляется из тьмы»¹¹. В миниатюре на л. 40а (№ 3476) за играющими наблюдает группа мюридов, азартно переживающая перипетии ходов на шахматной доске.

Путь к преодолению несправедливости, неблагополучия социальной жизни суфиев, провозглашавшие равенство всех людей перед Богом, искали в утверждении и воспитании в людях заложенных в них от природы доброты, совестливости, скромности, терпения, честности, братства, любви¹². Совершенствование человека

¹⁰ Идрис Шах. Суфизм. М., 1994. С. 39, 47.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Каримов Э. Некоторые аспекты политической и религиозной практики тариката Накшбандийа в Мавераннахре XV в. // Из истории суфизма: источники и социальная практика. Ташкент, 1991. С. 11.

суфии видели в постижении Истины через воспитание человека путем общения с наставником, мудрецом, знающим. Совершенствование человека считалось нравственным очищением, джихадом. Как сказал Джунайд Багдади: «Наше учение — это беседы... Благочестиво то общество которое в беседе... На нашем пути даже малыми усилиями можно достичь больших побед...»¹³

В каждом из многочисленных братств, школ как объединений мусульманских мистиков практиковался индивидуальный метод «Пути Познания» истины (выработанный его основателем), но тем не менее имелись и общие приемы обучения. Беседы были только частью суфийского обучения, пользовавшегося многообразным и развивающимся набором приемов в зависимости от конкретных условий места и времени. В дополнение к беседам наставники использовали музыку (как особую форму возбуждения сознания), круговые танцевальные движения, литературные чтения, игру в шахматы, а также голодание, уединение или общение и пр. В связи с этим в обоих списках большая часть миниатюр посвящена изображению обучающихся «бесед» наставника с учеником или группой учеников. В списке № 3476 из общего числа 50 миниатюр теме «бесед» посвящено 18, а в списке № 65 из 75 миниатюр «беседам» уделено 34.

Ученики-мюриды должны были полностью подчинить свою волю и разум требованиям патрона, преданно служить ему, попутно впитывая премудрости учения суфийского тариката. Именно это положение ограждает миниатюру на л. 526 (№ 65), где шейха Фаридаддина Аттара обслуживают два мюрида, один из которых подает учителю полотенце, а у другого в руках кувшин. В сценах «бесед» ученики и молодые последователи благочестивых наставников в вежливых позах, скромно и сосредоточенно внимают наставнику жестикულიрующему в ходе беседы, наливают ему питье, иногда с жестами вступают в беседу, задают вопросы. Наставник обычно выглядит крупнее безбородого и безусого ученика. Он седобород (на Востоке старость — синоним мудрости, отстраненности от земных интересов и забот). Поза наставника свободнее, жесты разнообразнее, сидя он может поднять ногу в колене, жестикულიровать пальцами.

Объектом суфийского воспитания мог быть не каждый. Существовало понимание, что народ делится на две неравные части — на «избранных», в ком от природы были заложены способность любви к Богу, врожденное чувство основной тайны, и на всех остальных, обычных людей. «Избранными» могли быть правитель и крестьянин, воин, торговец, женщина и пр. Никаких других иерархических различий, кроме признания больших или меньших способностей к самосовершенствованию, не признавалось. Наставники иногда сами находили себе учеников. В списке № 3476 изображена подобная сцена вербовки признанного «способным» к обучению продавца-зеленщика шейхом Рузбеханом. Юноша-продавец жестом приглашает единственного покупателя — шейха осмотреть и купить товар — пучки зелени, разложенные на больших подносах. Сам ширазский базар обозначен единственной лавкой, изображенной на фоне светло-сиреневого холма, покрытого кустиками цветущих трав, и дерева с традиционным зрителем на горизонте (л. 466).

Учение тариката Накшбандийа, получившего популярность во многих регионах Ближнего и Среднего Востока, отвергало традиционную паразитическую ипостась суфизма — дервишество, призывая всех членов секты добросовестно трудиться, личным трудом зарабатывать себе на жизнь. В связи с этим в ряде миниатюр списка № 3476 изображены трудовые сцены в ремесленных мастерских, аптеках, лавках и пр. Так, в ювелирной мастерской мастер и ученики работают, держа в руках различные инструменты; ловко оперируют молоточками и в мастерской чеканщика. Аптекарь дает разъяснения об использовании снадобья пришедшему покупателю и пр. Однако не все ордена принимали это положение. Еще Фаридаддин Аттор в «Тазкират ул-авлие» писал о различных тенденциях, направлениях в суфизме: «Одни — сторонники знания, вторые — сторонники обращения (к Богу), третьи — сторонники любви, четвертые — сторонники единства божия, другие — сторонники всего этого, а некоторые ниже этих качеств, имеются также святые без каких-либо определений»¹⁴. Суфии также говорили: «Путей множество и различные. Однако цели единые, а расхождение в принципах [убеждениях] является причиной расхождения в состоянии и в ступенях, проходимых суфиями на пути совершенствования»¹⁵. Ряд суфийских сект, демонстрируя свое неприятие земной жизни, ее забот и трудов, принципиально отказывались в лице своих членов от земных благ, жилища, забот о пище и завтрашнем дне, от всего, что не проистекает от Бога. Такие периоды жизни на содержании людей, добровольные их пожертвования в ряде сект продолжались довольно длительное время. В связи с этим в миниатюрах появляются темы, связанные с практикой собирания милостыни, пожертвования дервишам. В спис-

¹³ Алишер Навои. Ходжа Бахауддин//Звезда Востока. 1994. № 11—12. С. 123.

¹⁴ Фаридаддин Аттор. Тазкират ул-авлие. Бомбей, 1325. С. 3.

¹⁵ Бохарзи Яхъе. Аврод-ул-ахбоб ва фусус ул-одоб. Ч. II. Техрон, 1345. С. 55.

ке № 65 на л. 63а изображены дервиши — шейх Фахриддин Ираки (возглавил орден Каландаров в Мултане) с двумя мюридами. Трое облаженных по пояс, без головных уборов дервишей изображены сидящими на мощеной кирпичом площадке. Возле каждого стоит черная чаша на высоком поддоне — кашкуль для подаяния. В тексте и миниатюрах напоминает о необходимости поднесения даров мюридами своим наставникам. В списке № 65 на л. 40б изображена сцена принятия шейхом Бахааддином Сухраварди в дар горного козла от энергично жестикулирующего мюрида.

Требования отказа от всех земных благ, от собственных нужд и всяких желаний, неизменного терпения и покорности были возведены некоторыми сектами в высокую добродетель, чем и объясняется неиссякаемый интерес в обществе к произведению художественной литературы, их героям, пропагандирующим идеалы суфийского образа жизни. Отсюда интерес к образам Юсуфа и Меджнуна. В миниатюрах воплощаются именно те сцены, где, например, Юсуф в качестве слуги исправно несет в доме Зулейхи свои обязанности раба, не позволяя, однако, Зулейхе осуществить ее любовные притязания (№ 65, л. 11а). Именно суфийской идее удаления от общества, отказа от всех его обязанностей, добровольному отречению от всех земных благ посвящена тема Меджнуна. Герой-мученик появляется в миниатюре сидящим в пустыне в окружении зверей, испытывающих к нему сверхъестественное доверие и тяготение (№ 65, л. 110а). Именно поэтому в списке № 3476 миниатюра на л. 52а посвящена шейху Санъану, выражающему смирение и покорность судьбе в ее испытаниях (капризы красавицы-христианки, в которую он влюбился). Истинный герой — воплощение трудолюбия, служения нуждающимся — прорубающий скалу Фархад (№ 65, л. 106б) — скорее отвечал идеалам учения секты Нашибандийа, призывающего к труду на благо общества.

На пути к Истине, совершенствованию необходимо достижение гармонии с целым. Его можно достичь только мягкостью, милосердием и любовью, нейтрализующими такие негативные качества людей, как хищничество, эгоизм. Любовь суфии считали важнейшим и постоянным элементом суфийского развития. Сам путь совершенствования называли Путем любви, а любовь — одновременно целью и средством. Для ограждения тайны учения суфии пользовались условным языком лирического словаря. В нем любовь мужчины и женщины трактовалась как любовь к Абсолюту. Стремление совершенствовать свой дух и природу, интенсивная и напряженная духовность, работа мысли и моральные усилия вызывали необычайную в ряде натур чувствительность. Ее заметили и стали специально к ней стремиться, она становится приметой изысканной утонченности духа, натуры. Одним из приемов подчеркивания подобной утонченности натур была сцена с падением в обморок при встрече влюбленных. При этом сверхтонкость чувства считалась необходимым качеством идеального правителя и героя в средневековой этикете. Поэтому возникают сцены с обмороками влюбленных при встрече где изображены кульминационные эпизоды из их жизни или эмоциональных состояний (№ 65, л. 117а).

Система представлений суфизма о земной жизни как бренной и преходящей, о небесной — как единственно реальной и достойной человека вызвала популярность трагических мотивов страдания по богу, отречения от своей земной природы, земной греховной жизни во имя достижения нравственного совершенствования, темы самоотречения, скорби и пр., а сам страдалец стал центральным трагическим героем. Жития дали много примеров презрения суфиев к смерти и готовности идти до конца за свои идеалы, что привлекало художников к воплощению таких сюжетов в иллюстрациях. В обоих списках представлены сцены казней. В списке № 3476 это две сцены, в том числе казни Мансура Халладжа (л. 29б, 131а, 146б). В списке № 65 сцен казни уже 4, в том числе казни Мансура Халладжа и Насими (л. 27а, 86а, 126б, 139б). Добровольное принятие на себя мучений и страданий во имя бога приводило суфиев в восторг; такие примеры обрели преемственность в легендах и превращались в яркий пример подвига, достойный увековечения и подражания. Акцентирование актов мученичества вело к натуралистической передаче процесса пыток — показу снятия кожи, повешения. Так, в сцене казни поэта Насими палач острым ножом протыкает руку у предплечья повешенного. Пропаганда мистического духовного совершенства развивается в форме прославления дарованной шейхам свыше способности совершать «чудеса» эз. подвиги их нравственной жизни, совершенствование своей греховной человеческой природы. Таким «чудом» было понимание Зуннуном Мисри языка змеи и скорпиона (№ 3476, 65, л. 16б); полет шейха Азари на встречу с Мирзо Улугбеком на фантастической птице, парящей в небесном просторе где несколько таких птиц, сопровождающих летящего, напоминают лодки с передней кормой в виде птичьей головы (№ 65, л. 141б); вознесение Адама на небо (оба списка, л. 4б, 5а); окружение Меджнуна дикими зверями (№ 65, л. 110а), а также знаменитого влюбленного мистика, появившего в аналогичную ситуацию, Хаджи Хасана. Вокруг него, ушедшего в далекие горы и лежавшего на берегу ручья, спокойно бродят серны и горные козлы (№ 3476, л. 5б). Таким «чудом» является и полет легендарного пророка Сулеймана

с возлюбленной им королевой Балкис на троне, поддерживаемом дэвами (л. 97, № 65). Сцена игры в поло — символ веры суфиев, вообще мусульман в предопределение, судьбу. Как писал еще Омар Хайям:

«Чуждан судьбы, как мяч, тебя гоняет,
Бегу проворней — спор не помогает!
Куда? Зачем? — Не спрашивай, игрок!
Он знает Сам! Он знает, Он-то знает!»¹

Сцена двух мчащихся навстречу друг другу всадников с клюшками в руках в холмистой местности сопровождает сюжет о приеме в мюриды шейхом Фахриддином Ираки юноши, играющего в поло (№ 3476, л. 676).

Обзорный предварительный анализ тематики двух бухарских списков житийного произведения «Маджалис ул-Ушшак» Камаледдина Хусайни Газургали свидетельствует о рождении на волне интереса к суфизму вообще стремления художников к иллюстрированию суфийских житийных сочинений. Он свидетельствует также о тщательной продуманности подбора сюжетов миниатюр, всегда вписывающихся в религиозно-философские, мировоззренческие, морально-этические идеи суфийско-исламского учения (в XV в. ряд положений суфизма вошли в исламский «акаид», став уже и общемусульманскими) средневосточного общества периодов развитого и позднего средневековья. Сюжеты миниатюр и характер их воплощения свидетельствуют, что со временем, с изменением общей социально-политической ситуации в обществе могли меняться взгляды на степень актуальности некоторых из них, происходила в связи с этим переоценка иерархически ценностных ориентиров. Но в целом, как жития были отражением, энциклопедией нравов, жизни, быта подвижников — немалой сословной группы средневекового бухарского общества, являвшей пример «праведной» жизни, пропагандировавшей установки суфийского учения, — так и сопровождающие их иллюстрации отражали эти же установки.

В рукописном фонде ИВ АН РУз хранится, в параллель бухарским, еще один щедро иллюстрированный житийный список произведения известного персидского мистика-поэта Фаридаддина Аттара (ум. ок. 1230 г.) «Тазкират ул-авлие». Содержащиеся в списке (переписан в 1787 г.) 52 миниатюры выполнены в кашмирском стиле. Кашмир веками был одним из центров суфийского учения. Сюжеты миниатюр кашмирского стиля¹⁷ отражают активный интерес кашмирского общества к суфийской тематике, своеобразие духовной жизни, несколько иные приоритеты в сравнении с тематикой бухарских списков. Но в целом все эти списки дают возможность глубже ознакомиться с панорамой духовной жизни на Среднем Востоке, оценить общность и своеобразие ее в указанных регионах.

Э. М. Исмаилова

¹⁶ Омар Хайям. Рубайлар. Рубайят. Тошкент, 1971. С. 41.

¹⁷ См.: Исмаилова Э. М. Миниатюры к кашмирскому списку «Тазкират ул-авлие» Ф. Аттара/ОНУ. 1989. № 10.

БУХАРСКИЙ ШАШМАКОМ: ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Бухара — один из признанных древних духовных центров мировой культуры. Именно на этой почве, вобравшей в себя богатый и развитый фольклор, достижения музыкально-поэтического творчества Востока, могла сформироваться жемчужина музыкального искусства узбекского и таджикского народов — Шашмаком.

Это монументальный цикл из шести макомов: «Бузрук», «Рост», «Наво», «Дугох», «Сегох», «Ирок» — где каждый маком образуется инструментальным («Мушкилот») и вокальным («Наср») разделами, в свою очередь формирующимися сложной системой взаимоотношений примерно 40 различных частей.

Масштабность каждого макома, самостоятельность и законченность отдельных его частей определили практику исполнения цикла в целом и раздельно, частями.

Вокальные разделы макомов пелись на таджикском и узбекском языках. В качестве текстов использовались рубай и газели классиков восточной литературы, а также образцы народной поэзии.

Пение макомов требует выдающихся вокальных данных, длительного обучения. Поэтому в Бухаре как и в других центрах макомного творчества на Востоке, формируются определенные исполнительские течения, школы. Имена таких певцов, как Ота Джалал Насиров, Домулло Халим Ибадов и их учеников, получили широкую известность и на много лет вперед установили основные нормы исполнительского стиля.

Маком, как правило, относят к элитным, профессиональным жанрам, требующим высокого уровня подготовленности слушателя. Наряду с этим большой интерес представляют многочисленные свидетельства популярности Шашмакома не

только в интеллектуальной среде жителей Бухары, но и среди ремесленников, а также крестьян, живших в окрестностях города в XIX — начале XX в. Демократичность бытования Шашмакома особенно подчеркивает практика сопровождения отдельных его частей женским и мужским танцем. Объясняется это неоднородностью внутренней структуры макома, включающей в себя и сложные для восприятия, осознания и интерпретации разделы, и части, близкие народному творчеству.

Шашмаком в том виде, в котором он дошел до XX в., — результат длительного развития. Становление жанра протекало в русле разветвленной системы восточного макомата. В частности, распространенный в XIII в. цикл «Двенадцать макомов» («Дувоздах маком») известен культурам многих народов Востока, и он, безусловно, сыграл определенную роль в формировании Шашмакома.

Одним из спорных, требующих дальнейших поисков является вопрос о времени кристаллизации бухарского Шашмакома как жанра. Достаточно долго в его решении опирались на предположение известного востоковеда А. А. Семенова, который относил установление Шашмакома к XV—XVI вв. Однако более подробное изучение источников позволило И. Раджабову усомниться в этой точке зрения и прийти к выводу, что достоверно Шашмаком был известен в Бухарском ханстве в XVIII в. Это утверждение поддерживается и данными таджикского исследователя А. Раджабова.

Отсутствие зафиксированных музыкальных памятников, освященная столетиями практика устной передачи музыкальных произведений не дают возможности проследить эволюцию жанра, услышать мелодию его ранних форм.

Однако макомное искусство получило достаточно последовательное освещение в научных трудах средневековых авторов, которые дают представление о характере взаимосвязи музыки и поэзии, терминологии, форме, ладовой системе, эстетико-этническом воздействии макомов. Эти сведения представляют большую ценность, как прямое свидетельство о существовавшей исполнительской практике.

Так, термин «маком» («местонахождение» — араб.), как установил Ю. Эльснер, в средневековой науке о музыке появляется в XIV в. в трактате Махмуда Ширази «Жемчужина короны». Как и всякое понятие, «прожившее» в искусстве и науке большую жизнь, маком — многозначен. Первоначально его использовали в значении определенного звукоряда, типовой ладовой попевки, из которой, как зерна, вырастала мелодика соответствующего раздела макома. При этом и попевка, и маком наделялись определенным эмоционально-психологическим содержанием. Так, «Бузрук» связывался с состоянием печали, «Рост» — уверенности, активности, «Наво» — храбрости и т. д. Позднее содержание термина «маком» становится более объемным, охватывая такие явления, как формообразование, жанр.

Реализация в Шашмакоме этой древней попевочной системы с ее семантическими градациями практически не изучена. Предварительно можно сказать, что музыкальный язык Шашмакома как явления сложного и результирующего многовековой процесс не однороден: здесь можно наблюдать различные этапы становления и развития музыкальной выразительности. Соответственно и ладовая основа Шашмакома демонстрирует качественно различные уровни организации, где типологические попевки, безусловно, занимают соответствующее место, но сам попевочный принцип не является доминирующим.

Если углубиться в эту проблему с другой стороны — в аспекте формообразования, то можно наблюдать в наиболее сложных разделах макома, демонстрирующих вершинные завоевания музыкального языка, следующую картину преобразований.

На смену приему вариантно-вариационного развития исходного зрца — типовой попевки постепенно приходит другой формообразовательный принцип. Он подразумевает более высокий уровень системных отношений музыкальных элементов, одно из проявлений которых — процесс дифференциации и специализации основных строчных единиц — «кирпичиков», из которых возводится здание целостного музыкального высказывания.

Эти единицы представляют собой замкнутые, достаточно развернутые мелодические построения, соответствующие одной, реже двум поэтическим строкам.

В зависимости от особенностей внутреннего мелодического наполнения, роли и места в построении более крупных целостностей они специализируются по двум параметрам: функциональному и семантическому.

В соответствии с первым параметром, построения подразделяются на «начальные», «кульминационные», «переходные» и «заключительные».

Семантический параметр дает дифференциацию построений на «восклицательные», «вопросительные» и «повествовательные»¹.

В качестве примера коротко опишем отличительные характеристики последних. Основанием для названия послужила аналогия с повествовательным предло-

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов: 2-е изд. М., 1969.

жением в лингвистике, которое определяется как феномен, «выражающий сообщение, передающее интеллектуальную информацию»². Это определение легло в основу выделения специфической группы мелодических построений.

«Повествовательный» тип построений функционирует только в начале мелодического становления, т. е. всегда является первым. Однако не всякое первое построение можно назвать «повествовательным».

«Выражающий сообщение...» Для передачи полноценного сообщения в музыке очень важны структурные приемы, обеспечивающие ясность и целостность восприятия. Решением этих коммуникативных задач, видимо, обусловлена опора «повествовательного» построения на следующие организационные средства: единица преимущественно опирается на принцип формообразования, подразумевающий полный трехфазовый цикл мелодического становления — «изложение — развитие — заключение», что образует логически связанное, завершённое целое; достаточно последовательно проводится прием четкого вычленения составляющих построения элементов повтором — точным или варьированным, паузированием, ритмическими остановками на начальном этапе изложения, построения.

Важнейшим фактором, определяющим семантику «повествовательного» построения, служит параллелизм общих закономерностей мелодического развертывания в музыкальном построении и интонационных процессов повествовательного предложения. В их основе лежит общий мелодический контур в виде волны. Узость частотного диапазона, постепенность нарастания интенсивности, характеризующие повествовательное предложение³, оказали влияние на ограничение диапазона мелодического развертывания рассматриваемых построений преимущественно квинтой, секстой, постепенность освоения звукового пространства.

Указанные факты влияния интонационной стороны предложения на мелодический профиль музыкального построения имеют большое значение в формировании его содержания, определения границы смыслового поля, прежде всего потому, что и в вербальном языке каждому модальному типу предложения (повествовательный, вопросительный, восклицательный, побудительный) присуща своя специфическая интонация⁴. Соответственно, описываемый контур интонационного развития сообщает музыкальному построению круг смысловых значений, присущих повествовательному предложению.

В установлении указанных смысловых ассоциаций важную роль играет регистр, в котором развертывается «повествовательное» построение, и темп, соответствующий спокойной последовательной передаче информации.

В качестве примера рассмотрим характер формирования «повествовательного» построения в инструментальной музыке, где особенно наглядно можно наблюдать функционирование собственно музыкальных средств выразительности.

В классической инструментальной мелодии «Бузрук» (Узбек халк музыкаси — УХМ, I) начальное построение раскрывается в среднем регистре, ограниченном узким диапазоном. Опора в формировании интонационной основы на кварто-квинтовые ходы и секундовые отношения тонов (наиболее характерные для речевой интонации), свобода ритмического развития, а также медленный темп формируют мелодическую основу построения, которая воспринимается слушателем как содержащее обращение, заключающее последовательное изложение мысли, где на первом плане не эмоциональные, а рациональные задачи передачи сообщения (см. аналогичное построение в инструментальной мелодии «Наво», УХМ, I).

В выделении «повествовательного» построения как особой группы «начальных» важное значение имеет качество интонационного материала. Последний отличает сравнительная неординарность решения процессов интонационного образования и соответственно большая событийная плотность, информационность музыкального развития, что придает единице индивидуализированные черты. Понимание индивидуализации ограничивается рамками эстетики тождества, т. е. поиск средств в этом направлении не выходит за допустимые рамки общезыковых средств. Феномен этого проявляется не в сочинении и введении в музыкальную ткань принципиально новых для данного языка интонационных ходов, приемов связи элементов а в некотором изменении контекста, условий использования типологических приемов, достаточных для выделения последних в качестве особенных.

Показателен в этом смысле процесс интонационного становления в «повествовательных» построениях классических мелодий «Талқини уззол» (маком «Бузрук», УХМ, I, тт. 5—12), «Баёт I» (маком «Наво», УХМ, I, тт. 1—9), «Тошкент ироғи» (УХМ II), «Мунжот» (УХМ, II).

Рассмотренный процесс дифференциации и специализации средств выразительности в музыкальном языке Шашмакома наблюдается не только в области формообразования, он затрагивает также его основополагающие стороны, как лад и ритм.

² Азимова А. Н. Вопросы синтаксиса восточной монодии. Ташкент, 1989.

³ Нурмаханова А. И. Типы предложений по модальности и интонации в тюркских языках: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ташкент, 1966. С. 26.

⁴ Там же. С. 46, 47.

Эта «перестройка» языка — отражение в музыке более общей тенденции в культуре, которую можно определить как движение от безавгурского творчества к авторскому, что подразумевает индивидуализацию художественного акта.

А. Н. Азимова

ШАЙХ АЛИ ИМОМ-АДДИН БУХОРИЙНИНГ ПЕКИНДА ЯШАГАН «НЮЖЕ» МУСУЛМОН МАҲАЛЛАСИ

Хитой манбаларида ва тарихий адабиётларида учрайдиган маълумотларга кўра, ҳозир Пекинда «Нюже» деб аталадиган мусулмон маҳалласи дастлабда, тахминан IX—X асрларда шаҳарнинг ғарби-жанубий қисмида ва бу ердан ўтадиган «Юнгъдинг-хэ» дарёсининг қирғоғида шаклланган. Маҳалланинг айнан бу ерда шаклланиши тасдиқланган бўлмаган. Зеро, маҳалла ўрни ва унинг атрофидан ана шу дарёнинг бир қанча тармоқлари ўтганлиги туфайли бу ер серсув, деҳқончилик ва боғбончиликка қулай бўлган.

Қадимда «Нюже» маҳалласи ўрнида мажнунтол дарахти кўп ўсганлиги туфайли у «Люшу сун» («Толзор қишлоғи» маъносини билдиради) деб аталган. X асрда бу ерга илк бор бир гуруҳ ҳар қаёқлардан келган мусулмонлар жойлашган. Айни замонда турли сабабларга кўра Шимолий Хитойга, жумладан Пекинга бориб қолган мусулмонларнинг таркиби туркийлардан, эронилардан ва араблардан ташкил топган.

Ҳозирги даврда «Нюже» маҳалласида яшовчилар орасида сиртқи қиёфаси ўзбекларга ва бошқа туркий халқларга ўхшаб кетадиганлар кўп учраб туради. Масжид ходимларидан бу ерда ўзбеклар ҳам борми деб сўраб кўрилди. Олинган жавобларга кўра ўзбеклар кам эмас, аммо уларнинг кўпчилиги ўзининг келиб чиқиши ўзбек эканлигини билмайдилар. Маҳаллада яшовчи ўзбекларнинг сони ҳақида ҳам ҳеч қандай маълумот йўқ.

Хитой манбаларининг кўрсатишича, Пекинга келиб, «Нюже» маҳалласига жойлашиб қолган марказийосиёликлар ўз анъаналарига кўра боғбончилик ишларини кенг қанот ёйдирганлар ва маҳаллий шароитга кўра кўпроқ анор экканлар. Кўча бўйларини ҳам анорзорларга айлантирганлар. Шундан кейин пекинликлар «Люшу сун», яъни «Толзор» қишлоғини «Шилу же» («Анорзор маҳалласи») деб аташни одат қилганлар. Кейинги асрлар давомида пекинликлар мазкур атаманинг бошидаги биринчи қисми «ши»ни тушириб қолдириб қисқартган ҳолда «Лю же» деб аташга одатланган. Бинобарин, хитой тилида икки сўздан иборат бўлган «шилү» (тошдек анор ёки тош анор маъносини билдиради) сўзининг асосий қисми «лю» сўзини қолдириб, сифатни билдирувчи биринчи сўзни қисқартириб ташласа, маъно жиҳатидан ҳеч қандай ўзгариш бўлмайдди.

«Нюже» маҳалласи мусулмонлари сут, қаймоқ билан ўзларини таъминлаш мақсадида сгир боқишган. Ушбу анъана маҳаллий халқлар учун ғайри одат бўлганлиги туфайли, улар бунга бошқача назар ташлаб «Люже» маҳалласи номини «Нюже» («Сгир маҳалласи») деб аташни маъқул кўришган. Ушбу ном ҳозирги давргача сақланиб қолган.

Ҳозир «Нюже» маҳалласи тунгон (хуэйхуэй, хуэйзу, рус адабиётида дунган) маҳалласи деб ҳисобланади (буларнинг келиб чиқиши ҳақида муаллифнинг «Ўзбекчстон шарқшунослиги» номли журналнинг 6-сонидagi «Тунгонлар» мақоласига қаранг). Маълумки, тунгонлар Хитойда ислом дини тарқалиши ва ривожланиши натижасида шаклланган миллат бўлиб, улар аслида арабларнинг, туркий халқларнинг ва Эрон, Ироқ халқларининг авлоди ҳисобланади. Шунинг учун «Нюже» маҳалласи қадимда мусулмон маҳалласи деб ҳисобланган бўлиб, бу ерда истиқомат қилганларнинг катта бир қисми туркистонликлар бўлган. Қолаверса, ўрта асрларда туркистонликлар ҳам хуэйхуэй деб аталган. Чунончи, айни замонга оид Хитой манбаларида, жумладан «Юань сулоласининг махфий тарихи» («Юаньчао биши») номли манбанинг Чингизхон қўшинларининг Туркистонга қилган ҳарбий юришлари тарихига оид қисмида, Марказий Осиё мусулмонлари «хуэйхуэй» деб аталган.

«Нюже» маҳалласидаги кўчалар ўз замонасида кенг ҳисобланган бўлсада, ҳозир улар Пекиндаги кенг кўчаларга нисбатан олганда тор бўлиб кўринади.

Ибулашин. Жянг Хуэйчэн қаламига мансуб ва 1993 йилда нашр этилган «Исилян вэнхуа зай Чжунггү» («Хитойдаги ислом маданияти») номли китобда (91-бет) кўрсатилишича, ҳозир «Нюже» маҳалласида яшовчи мусулмонларнинг сони 32 минг кишидан ошади.

«Нюже» масжиди

Ҳозирги замонда Пекинда мавжуд бўлган 34 та масжид орасида энг қадимийси ва шулар орасидаги 4 та йирик масжидларнинг обрўйлироғи ҳисобланадигани «Нюже чинжэнгши» («Сгир маҳалласи масжиди» маъносини англатади) деб аталади. Ушбу масжид 996 йили юқорида тилга олинган «Люшу сун» («Толзор қишлоғи») номли мусулмон маҳалласидан ўтадиган катта эриқ қирғоғидаги тепаликка қурилган бўлиб, у дастлаб ҳажми унча катта бўлмаган бир иморатдан иборат бўлган.

тахаллуси билан кўп шеърлар ёзган, девон тартиб берган. Олимнинг адабий меросини ўрганишга ўзбекистонлик шарқшунос олим Қ. Муниров ва тожик олими Н. Сайфиевлар маълум даражада улуш қўшдилар. Қ. Муниров улкан олим ва шоирнинг адабий мероси ҳақидаги мулоҳазаларни биз билан биргаликда ёзган «Ҳофиз Таниш Бухорий (Тошкент, 1963) деган китобида баён қилган. Н. Сайфиев эса бу ҳақда номзодлик диссертациясини ёзди (Самарқанд, 1963) ва шоирнинг ҳаёти ҳамда ижодига бағишланган икки рисола («Нахли Бухорий», Душанбе, 1969 ва «Ҳофиз Таниш ва «Ша-рафнома-и шоҳ-и у», Душанбе, 1973) ва бир қатор мақолалар эълон қилди.

Таажжубки, «Абдуллонома»ни ўрганиш билан олимлар ўтган асрдан бери шуғулланидилар, уни нашр қилишга саъй-ҳаракат кўрсатиб келадилар. Афсуски бунга уларнинг биронтаси ҳам ҳали муяссар бўлолмадилар. Ушбу сатрлар муаллифи ҳам, Мунира Салоҳиддинова ҳам мақсаднинг ушалишига яқин эдилар. Ҳар иккалалари ҳам асарнинг тенг ярмини чоп этишга муяссар бўлган эдилар. Лекин, қолган ярми қўлёзмалигича қолиб кетди. Мунира Салоҳиддинова тасодифан, иш устида вафот этди. Камина эса замонанинг зайли билан мақсадига эришолмади. «Абдулло-нома» дунё юзини кўрмай, шундай қолиб кетармикин, деб қўрқиб юрамиз. Худого шукр, мустақиллик шарофати ва яхши кишиларнинг ҳиммати билан бизнинг орзу-умидимиз амалга ошадиган бўлди. Мен, шогирдлардан баъзиларини ёнимга олиб асарни қайта нашрга тайёрладим ва у икки китоб бўлиб чиқадиган бўлди. Хайрият,

Б. Аҳмедов

ДОКУМЕНТЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БУХАРЫ XVI ВЕКА

В фонде ИВ АН РУз хранится рукописный сборник документов, имеющих отношение к истории Бухары XVI в. Насколько можно судить по известным нам каталогам, в других крупных рукописохранилищах мира таких сборников нет.

Сборник относится к эпохе Шейбанидов, которые, придя к власти в Мавераннахре, захватили самые плодородные земли и стали крупными землевладельцами. Чтобы лучше использовать их и управлять широкими массами местного населения, новым правителям надо было внести некоторые изменения не только в государственную и административную системы управления, но и в делопроизводство. С этой целью привлекаются ряд трудов по фикху, сборники шариадских законов на основе которых пишутся руководства по составлению разного рода документов; к их числу относится и данный сборник.

Время написания и переписки материалов сборника в рукописи не указано. По ряду фактических данных его можно отнести к XVI в.: в одном документе (л. 183а) упоминается Абу-л-Гази Убайдаллах Бахадур-хан. Надо полагать, это Шейбанид Убайдаллах-хан (1533—1539 гг.); в других документах (л. 176б) упоминается имя Абдаллатиф-хана; из правивших ханов узбекских династий под таким именем известен только Шейбанид Абдаллатиф-хан (1540—1551 гг.); стольными городами называются и Бухара, и Самарканд, что естественно для XVI в., когда, как известно, почти одновременно Абдаллатиф-хан правил в Самарканде, а Абдалазиз-хан (1540—1549) — в Бухаре.

Список переписан, судя по палеографическим данным, в XVIII в. Сборник составлен бухарским казначеем Саййидом Али б. Мухаммадом Бухари, очевидно, в целях использования этих документов в повседневной практике в качестве образцов. Нас же они интересуют с двух сторон: в плане их содержания и значения для дипломатики Центральной Азии.

В сборник включены подлинные документы, скрепленные печатью верховного казия г. Бухары (опущены только имена собственные и названия отдельных реалий). Это документы разного типа, отражающие имущественные и финансовые взаимоотношения частных лиц, аренду движимой и недвижимой собственности, заклады, совместное участие в сделках нескольких лиц, освобождение рабов, отдачу в паем детей и взрослых для использования их труда в хозяйственных целях и др.

Документы сборника сопровождаются пояснениями и наставлениями о том, как надо составлять эти документы и какие изменения формулировок требуются при изменении тех или иных условий, содержащихся в них. Зачастую наставления подкрепляются ссылками на авторитетные источники мусульманского права.

Формы и содержание документов помогают разрешить малоизученные вопросы отражения в практике гражданского судопроизводства социально-экономических изменений, происходивших с развитием в регионе феодальных отношений: ростовщичество; продажа не только собственных, но и государственных а также вакфных земель. Специальный раздел содержит документы, касающиеся рабовладения, патроната бывшего рабовладельца, сохранявшего ряд прав по отношению к бывшему рабу, и т. д.

¹ Ркп. ИВ АН РУз инв. № 8586, л. 175а—186б.

Как известно, в средневековых государствах Центральной Азии частноправо-вые акты: купля-продажа, аренда, кредит, заклады, заключение и расторжение договоров, раздел имущества, опекунов и др. — составлялись обычно в казийских помещениях и скреплялись подписью и печатью казиев, а также подписями присутствующих. Хотя все документы в принципе соответствовали нормам шариата, однако формы и порядок их составления не оставались неизменными; каждая эпоха предъявляла свои требования. С изменением условий, социальных и экономических взаимоотношений менялось и оформление актов.

Из предписаний о том, как следует составлять тот или иной документ можно почерпнуть ряд интересных фактов историко-экономического характера, сведения о которых в других источниках могут отсутствовать. Так, при изложении порядка вызова в суд исцов и ответчиков подчеркивается (л. 1756): «Некоторые казии славного города Бухары возражали писцам своего суда по поводу написания даты в конце повестки в суд, ибо это делает ее похожей на берат. Но часть из знатоков, которые дважды были казиями в упомянутом городе, не запрещала этого, по-видимому, потому, что если не написать дату, то возможен случай, что данную повестку в суд могут послать человеку, носящему то же имя. Или пошлют человеку по ложному иску, вследствие чего ответчика ради избавления от клеветы вынудят пойти на мировую за определенную сумму денег». Как видно, повестки по поводу вызова в суд могли быть использованы с целью вчинения ложного иска и шантажа, а лица, не желавшие компрометировать себя явкой в суд в качестве ответчика, бывали вынуждены соглашаться на мировую и платить шантажистам.

В трактате разъясняются такие понятия, как долг (карз), ссуда, заклад (рахн), дача товара в кредит (мата-и насйа). При взятии денег в долг в долговом акте записывалась сумма, которую взявший в долг должен был вернуть в определенный срок. Однако вместо запрещенных шариатом процентов, в подобных актах указывалось, что должник берет в аренду обычно нож или клинок за такую-то сумму, каковую он обязан выплатить при возвращении долга.

Некоторые долговые акты (см. л. 1766) заключались с условием выдачи ссуды под залог недвижимого имущества: «Я сделал ему законный заклад (рахн) на упомянутую сумму — целиком и полностью свой двор». Или в другом месте: «Если я не уплачу в назначенный срок упомянутую сумму, он продаст полностью принадлежащий мне двор со всеми правами и принадлежностями по справедливой цене и возьмет свою долю».

Встречаются образцы документов «дозволенной» или «неокончательной» продажи (бай-и джанз), которые по существу являются закладными. Продавец за определенную сумму денег продает свою недвижимость, но после продажи получает разрешение от покупателя пользоваться ею, попадая, таким образом, в определенную зависимость от хозяина. Или, например, проданная недвижимость бралась в аренду бывшим ее владельцем.

По документам различается оформление продажи частновладельческих земель «милк» и продажи земель государственных или вакфных под видом «сукнийата», т. е. строгий и насаждений. В первом случае писали: «со всеми правами и принадлежностями», а во втором: «со всем тем, что имеют и причисляют к этим постройкам и насаждениям». Кроме того, при описании границ «милка» указывали просто: «с запада примыкает к тому-то», а при продаже «немилкового», т. е. государственного или вакфного участка, писали: «на западе [своей] землей (арсатан) примыкает...». Эти, казалось бы, чисто формальные различия в способах изложения имеют весьма существенное значение для понимания местной юридической системы, регулировавшей отношения земельной собственности.

Имеются договоры об ученичестве, о найме работника (малолетних детей и взрослых), а также об отдаче в аренду самого себя. Не имеющий никаких средств к существованию предлагает себя в аренду для исполнения любой «дозволенной шариатом» работы с условием, чтобы арендатор давал ему одежду и питание, а то, что останется после вычета средств на содержание, выплатил бы ему деньгами. Некоторые виды аренды, наряду с использованием арендуемых лиц для выполнения всякого рода работ, предполагают обучение их какому-либо ремеслу.

Различные разделы и виды документов снабжены названиями, эти данные представляют ценность для классификации многочисленных документов, хранящихся в архивах.

Изучая структуру представленных в сборнике документов и сравнивая ее со структурой более ранних и более поздних документов, мы можем проследить процесс эволюции в их юридическом оформлении, выявить устаревшие формулы, по сути уже утратившие былой смысл, но все еще вносившиеся в документ при оформлении того или иного акта. Например, в акте расторжения аренды (л. 1806) уже имеется выражение «би ризан йак-дигар» (с согласия друг друга), но тут же вставлена фраза на арабском языке практически почти того же смысла: «ма'а кабулихи» (с его согласия).

Рассматриваемые документы представляют интерес и по своему содержанию, ибо они касаются торговли, закладов, аренды движимой и недвижимой собствен-

ности передачи земли и садов в обработку, создания предпринимательских компаний с распределением прибылей пропорционально вложенному капиталу, положения рабов, обязательств по уплате государственных налогов за другого и т. д., т. е. заключают в себе богатый материал по экономической и социальной жизни Бухары и региона в целом в эпоху правления Шейбанидов.

А. Б. Вильданова

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БУХАРСКОГО ХАНСТВА НАЧАЛА XIX ВЕКА

Данное сообщение посвящено ранее неизвестному в исторической литературе источнику — «Тарихи-и манозили Бухара» («История бухарских земель»), являющемуся дневником-дорожником индийца Хафиза Мухаммеда Фазыл-хана ибн Касым-хана¹, совершившего в начале XIX в. по поручению Ост-Индской компании путешествие из Пешавара через Афганистан в Бухарское ханство. Оригинал рукописи находится в библиотеке университета крупнейшего центра мусульманской культуры в Индии — Алигарха (штат Уттар-Прадеш). Рукопись на персидском языке (судя по всему, автограф Фазыл-хана) состоит из 54 л. хорошей сохранности, хотя в ней встречаются трудночитаемые места. Об авторе ее можно почерпнуть некоторые сведения из самой рукописи, в начале которой говорится, что «это повествование рассказывает об отдельных этапах путешествия из Пешавара в Бухару, положении в районе Туркестана, образе жизни и поведении его правителей» и что оно написано «покорным слугою Хафизом Мухаммад Фазыл-ханом, сыном покойного Касым-хана, жителем города Барейлли»².

До сего времени в исторической литературе, как отечественной, так и зарубежной, посвященной проблемам международных отношений на Среднем Востоке начала XIX в., когда речь заходила о первых шагах Англии по военно-политическому изучению Центральной Азии, упоминается только имя Мир Иззет Уллы и на основе переводов его дорожника, изданных на европейских языках³, затрагиваются отдельные этапы его путешествия по Кашмиру, Синьцзяну и ханствам Центральной Азии. При этом оставалось неизвестным имя второго путешественника — Фазыл-хана, двойника Мир Иззет Уллы, совершившего свой вояж одновременно с ним, но по другому маршруту — Пешавар — Афганистан — Бухара⁴. В данном случае опять же един-

¹ حافذا محمد فاضل خان و لى قاسم خان تاريخ منازل بحارا University Library,

Aligarh, Abbas-Salam collection, N 692. Эта рукопись в свое время была обнаружена известным русским индологом Л. Митрохиным (далее — Тарих-и манозили...).

² Там же, т. I.

³ Первая публикация дорожника Мир Иззет Уллы была сделана Г. Клапротом в 1826 г. в Париже, через 13 лет после возвращения Мир Иззет Уллы из путешествия: См.: Voyage dans l'Asie Centrale, par Mir Izzet-Ullah en 1812//Magazine Asiatique, ou Revue Geographique et Historique de l'Asie Centrale et Septentrionale/Publiee par M. T. Klaproth. Tome second. MDCCCXXVI. Paris, Librairie orientale Dondey — Dupre Pere et Fils.

Почти сорок пять лет спустя появился английский перевод этого труда. Он был выполнен капитаном Р. Д. Хендерсоном — сотрудником Форейн Оффис в Индии и издан в 1872 г. в Калькутте. См.: Travels in Central Asia by Meer Izzut-Uollah in the years 1812—13/Translated by captain Henderson, attached to the Foreign Office of the government of India. Calcutta, 1872. Однако оба издания не являются полными переводами манускрипта, хотя текст английской публикации представляется более полным.

⁴ В английском издании текста Мир Иззет Уллы, в кратком предисловии, написанном автором записок, Фазыл-хан упоминается лишь один раз, как лицо, совершившее путешествие в Бухару. Мир Иззет Улла пишет, что он использовал в своей записке результаты исследований и наблюдений Хафиза Фазыл-хана, которого автор был вынужден отправить с визитом в Бухару, будучи сам не в состоянии совершить это путешествие лично. Однако ни один из исследователей не обратил на это серьезного внимания, ибо, во-первых не имелось данных о самом Фазыл-хане, а, во-вторых, не было понятно утверждение Мир Иззет Уллы о том, что он якобы был не в состоянии совершить путешествие в Бухару, хотя общеизвестно, что он посещал не только Бухару, но побывал и в других областях Центральной Азии. Путевые записки Мир Иззет Уллы, содержащие весьма интересные сведения по Центральной Азии начала XIX в., долгое время оставались вне внимания русских ориенталистов. Лишь в середине 50-х годов известный специалист по истории Узбекистана Ю. А. Соколов осуществил перевод части дорожника Мир Иззет Уллы на русский язык (в основном с английского текста, сопоставляя его с

ственный источник — дорожник самого Фазыл-хана — дает нам возможность узнать подробности не только о второй миссии, отправленной в Центральную Азию в одно и то же время с миссией Мир Иззет Уллы но в определенной степени и о том, почему англичане вдруг решили организовать еще одну миссию во главе с Фазыл-ханом, который, по словам самого Фазыл-хана, в первоначальном варианте предназначался лишь для «сопровождения Сайида Иззет Уллы-хана, слуги правительства английской компании»⁵.

Фазыл-хан в своем дорожнике пишет, что «в месяце апреле 1812 года Сайд Иззет Улла-хан слуга правительства «Компании Ангрез Бахадур» (Восточно-индская компания) должен был проследовать в Бухару по указанию Наваба Мунтазим-уль Даула Мухтара ул-Мулка Чарльза Харпера, господина Меткальфа Сахиба Бахадур и Сахиба и Вала-Манакиба (г-на) Уильяма Муркрафта Сахиба Бахадур». Далее он сообщает, что по прибытии Сайида Иззет Уллы-хана в Пешавар Бахадур-хан, «сын покойного Вазира Шер Мухаммад-хана, выступил против него и отправил Иззет Улла-хана в крепость Аттак». Здесь же Фазыл-хану Уильямом Муркрафтом «были вручены две сумки с двумя письмами, чтобы ход миссии не нарушался». Одновременно англичане поручают Сарфараз-хану, сыну Муллы Абдул Саада, муфтия Бухары, оказавшемуся в это время в Пешаваре, взять на себя труд сопровождать Фазыл-хана в Балх и Бухару, для чего «были переданы ему пятьсот рупий, чтобы покрыть расходы на питание»⁶.

В начале апреля 1812 г. специальная миссия во главе с Фазыл-ханом выехала из Пешавара по направлению к Кабулу, чтобы встретиться с правителями Хульма и Бухарского ханства. Фазыл-хан и его спутники достигли Хульма, расположенного в Северном Афганистане. Здесь Фазыл-хан через Сарфараз-хана добивается встречи с эмиром Хульма — Клыч Али беком. Фазыл-хан вручил послание У. Муркрафта правителю Хульма, который, по его словам, проявил большой интерес к событиям, происходящим на Индостанском полуострове, расспрашивал «о положении дел, организации и администрации правительства английской компании в течение долгого времени»⁷.

Фазыл-хан проводит здесь пятнадцать дней. Получив от Мир Клыч бека ответ на письмо своих хозяев и отправив его вместе с собственным донесением Муркрафту, он отправляется отсюда в Бухару. И здесь Сарфараз-хан оказывает ему надлежащие услуги. При его помощи Фазыл-хан был принят амиром Бухары — Мир Хайдаром (1800—1826), как он пишет, — «падишахом Бухары». Фазыл-хан вручил амиру пакет от имени руководства компании, а также письмо Сайида Иззет Уллы-хана. «Прочитав их, — пишет он, — падишах спросил о делах Индии. Я ответил на его вопросы и затем с его разрешения удалился»⁸.

После этой аудиенции Фазыл-хан в ожидании ответа почти полтора месяца оставался в Бухаре. Однако амир так и не удостоил его своего ответа. По его указанию муфтий сообщил Фазыл-хану, что в дальнейшем его пребывании в Бухаре больше нет надобности, а ответ на послание Ост-Индской компании будет готов только к прибытию самого Сайида Иззет Уллы. Фазыл-хан покинул Бухару зимой, как он пишет, «когда начались снегопады», и вернулся в Хульм, где снова встретился с Мир Клыч Али беком. Завершив свою миссию, он возвратился в Шахджа-

французским переводом) и опубликовал ее в двух номерах трудов Среднеазиатского (ныне Ташкентского) государственного университета. См.: Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское ханство в 1812 году: Сводный текст по английскому и французскому переводам/Перевод и примечания Ю. А. Соколова, с приложением схемы пути Мир Иззет Уллы в Кокандских владениях//Труды Среднеазиатского государственного университета. История Средней Азии и Узбекистана. Новая серия. Вып. LXXVIII: Исторические науки. Кн. II. Ташкент, 1956. С. 41—52; Соколов Ю. А. Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 году (Публикация отрывка из Путешествия Мир Иззет Уллы в Среднюю Азию в 1812—1813 годах)//Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. XC: Исторические науки. Кн. 14. Ташкент 1957. С. 193—217.

В предисловии, написанном к переводу, Ю. А. Соколов, опираясь на высказывание Мир Иззет Уллы об использовании им материалов Фазыл-хана, почему-то выдает Хафиза Фазыл-хана за автора материалов, касающихся сведений от Пекина до Кашгара. «...В английском переводе, — пишет Ю. А. Соколов, — изложены сведения о дорогах, поселениях и условиях путешествия от Пекина до Кашгара, включающие описание 126 станций на этом пути. Мир Иззет Улла получил их от некоего Хафиза Фазыл-хана» (Труды САГУ. Вып. LXXVIII. Кн. II. С. 41). Это ошибочное предположение — единственное упоминание имени Хафиза Фазыл-хана в нашей литературе.

⁵ Тарих-и манозилти..., л. 2.

⁶ Там же, л. 3.

⁷ Там же, л. 6.

⁸ Там же, л. 17.

ханабад (Старый Дехли) 17 раби-уль-сани 1228 г. х., т. е. 9 апреля 1813 г. Таким образом, его путешествие продолжалось ровно год.

Затем по поручению своих хозяев Фазыл-хан приводит в порядок свои дорожные записи, а в результате появилось упомянутое выше произведение — «Тарихи манозили Бухара», в заключении которого автор открыто намекает, что оно было написано по заданию англичан. «Мобилизовав свои возможности, — пишет Фазыл-хан, — я записал здесь все, что я видел и слышал во время пребывания на упомянутых территориях для того, чтобы каждый из вышестоящих чиновников (Ост-Индии. — Б. М.) мог ознакомиться с этими страницами по мере надобности»⁹.

Хотя дорожник Фазыл-хана был представлен руководителям Ост-Индской компании раньше отчета Мир Иззет Уллы, последний давно стал известным как источник по истории ряда стран Центральной Азии далеко за пределами этого региона, тогда как первый до сего времени оставался в неизвестности. Вероятно, англичане миссию Иззет Уллы считали главной, а Фазыл-хану была отведена с самого начала второстепенная роль. Это дополнительно подтверждается и тем, что амир Хайдар счел нужным вручить свой ответ на послание компании Мир Иззет Улле. Кроме того, Фазыл-хан при встречах с правителем Хульма и бухарским амиром вручает им, наряду с посланиями компании, и письма самого Мир Иззет Уллы.

Все это наводит на мысль, что Фазыл-хан выполнял роль некоего посредника, который должен был оповестить правителей названных земель о предстоящем визите миссии Мир Иззет Уллы. По этой же причине его отчет, видимо, рассматривался как дополнительный источник по военно-политическому изучению маршрута Пешавар — Кабул — Хульм — Бухара, а главное значение придавалось дневникам Мир Иззет Уллы, в которых, кроме маршрута Фазыл-хана, описывались те земли Центральной Азии, о которых до того времени англичане имели довольно смутное представление.

Более того, вышеуказанный маршрут Фазыл-хана уже отчасти был исследован представителями Ост-Индской компании, в частности членами миссии Эльфинстона в 1809 г. Да и сравнение дорожников Мир Иззет Уллы и Фазыл-хана показывает, что Мир Иззет Улла гораздо больше разбирался в вопросах военно-политической разведки и, без сомнения, был более подготовлен в этой области, чем Фазыл-хан. Видимо, по этой причине, рукопись Фазыл-хана после ознакомления с ее содержанием чиновниками компании, в том числе Мир Иззет Уллой, была сдана в архив и впоследствии оказалась в рукописехранилище Алигархского университета.

Несмотря на все сказанное, дневник Фазыл-хана безусловно является одним из редких и ценных источников не только по истории международных отношений рассматриваемого периода, но и по ряду вопросов социально-экономической и политической жизни региона начала XIX в. Дорожник Фазыл-хана проливает свет прежде всего на многие стороны сложной международной обстановки того времени на Среднем Востоке, в том числе английской политики в этом регионе, которая начала проводиться весьма активно, как известно, под лозунгом «защиты от французской угрозы Индии».

Выше упоминалось, что Фазыл-хана сопровождал в Хульм и Бухару сын муфтия Бухары Сарфараз-хан. Хотя автор не сообщает подробности и причины появления в Пешаваре этого представителя Бухары, однако тот факт, что именно ему англичане поручают сопровождение Фазыл-хана и ходатайства о нем перед правителями Хульма и Бухары, т. е. подтверждение официальности миссии Фазыл-хана, наталкивает на мысль о том, что англичане до отправки миссии Фазыл-хана и Мир Иззет Уллы в Центральную Азию уже успели установить определенные отношения с некоторыми представителями различных государств и уделов региона, поддерживая постоянную связь с ними через влиятельных у себя на родине лиц, к числу которых можно отнести и Сарфараз-хана. Нет сомнения, что Сарфараз-хан посетил Пешавар прежде всего по своим торговым делам, что при тех условиях торгово-экономических отношений между Бухарским ханством и этим регионом было естественным и выгодным, хотя и не всегда безопасным делом. Одновременно он выполнил порученное ему представителями Ост-Индской компании задание, разумеется, не без выгоды для себя, ибо только на его дорожные расходы, как уже отмечалось, англичане выделили 500 рупий.

К сожалению, Фазыл-хан, как и Мир Иззет Улла, в своем дневнике не приводит тексты посланий Ост-Индской компании к правителям тех самостоятельных и полунезависимых территорий, в которых он побывал по поручению англичан. По всей вероятности, они были для него недоступными, или же ему воспрещалось разглашать их содержание. Однако приведенные в дорожнике характерные факты о политической обстановке в этом регионе и отношение к ним самого Фазыл-хана как «слуги Ост-Индской компании» красноречиво иллюстрируют восточную политику англичан тех лет.

Известно, что упомянутые миссии готовились в то время, когда на европейском континенте активно выступал Наполеон. Хотя англичане к тому времени предпри-

⁹ Там же, л. 52.

нимали ряд мер по искоренению французского влияния в Иране, а также по дальнейшему расширению русско-иранского конфликта, продолжавшегося с 1804 г., Лондон этим не ограничивался. Его целью было закрепить свое политическое и экономическое влияние в важнейших пунктах Среднего Востока и вообще не допускать ни политического, ни экономического проникновения в эти районы своих европейских соперников. Все это осуществлялось под предлогом защиты подступов к Индии от угрозы Бонапарта и его союзников.

После изгнания с престола Шаха Шуджи и потери значения договора, навязанного Эльфинстоном Афганистану, Англия берет курс на поддержку и установление тесных связей с центробежными силами политически разрозненного в то время Афганистана. Этим объясняется то, что посланный специальной миссией Фазыл-хан, проезжая через эту страну в Бухару, не встречается с правителем Кабула, а прямо направляется с официальным посланием к правителю Хульма — Мир Клыч Али беку, власть которого, по описанию Фазыл-хана, распространялась «от Пешавара до Басрабга»; на всей этой территории он вел, по словам автора, самостоятельную политику.

Чтобы подчеркнуть независимость хульмских земель от Кабула, Фазыл-хан в своем дорожнике, описывая ту или иную местность, относящуюся к владениям Мир Клыч Али бека, специально отмечает ее принадлежность правителю Хульма. Так, он пишет, что один из сыновей Мир Клыч Али бека, «Баба бек, которому 16 лет, является хакимом Бангхарика, зависимой территории Хульма. Другой сын, четырнадцатилетний Али Мардан бек, является хакимом Дара-и-Юсуф, зависимой территории Хульма»¹⁰. В другом месте, когда речь идет о взимании многочисленных сборов с торговых караванов в различных районах политически разрозненного Афганистана, Фазыл-хан, чтобы показать независимость политики Мир Клыч Али бека и в этом отношении, подчеркивает, что он «не налагает никаких пошлин и ограничивается просто взиманием с купцов «заката» на границе с Бухарой на основе одной сороковой один раз в год; за исключением этой подати, в отношении купцов не существует больше никаких обложений»¹¹.

Вообще приведенные в дорожнике многочисленные сведения, касающиеся системы управления Хульма, его вооруженных сил и др., показывают, что при правлении Мир Клыч Али бека здесь, как в Кандагаре или Герате, образовалось еще одно самостоятельное владение, которое вело не только независимую от Кабула внутреннюю, но и внешнюю политику, о чем говорят его тесные связи, с одной стороны, с Бухарским ханством, а с другой, — с Ост-Индской компанией. Причем Кабул, как пишет Фазыл-хан, в своих близлежащих к Хульму территориях порою бывал вынужден согласовывать свои действия с Мир Клыч Али беком. «В Балхе, где правит Наджиб Улла-хан, — пишет Фазыл-хан, — назначенный его величеством Махмуд Шахом, королем Кабула «са'ир» (многочисленные сборы за животных) не взимается в связи со вмешательством и несогласием Мир Клыч Али бека»¹². Гут же он отмечает, что «Балх является частью королевства Кабул», чтобы подчеркнуть, что этот город не принадлежит правителю Хульма.

На фоне всего этого становится ясной причина повышенного интереса англичан к Хульму и его правителю — Мир Клыч Али беку:

В дорожнике Фазыл-хана можно встретить характерные сведения о торгово-экономических отношениях между странами Среднего Востока, а также данные, говорящие о торговле государств этого региона с далекими от них странами, как, например, Россия, или с еще независимыми тогда от англичан территориями Индостанского полуострова. По приведенным в рукописи материалам видно, что ее автор придавал этому вопросу особое значение. И это не случайно, ибо для развивавшейся фабрично-заводской промышленности Англии нужны были новые рынки сбыта, и подготовка к дальнейшей торгово-экономической экспансии на Востоке была весьма важной проблемой для руководителей Ост-Индской компании.

Поэтому перед миссией Фазыл-хана, по всей вероятности, была поставлена твердая задача — детально изучить состояние внутренней и внешней торговли посещаемых им стран. Как видно из отчета, Фазыл-хан неплохо справился с этой задачей. В своем дорожнике он скрупулезно перечисляет все более или менее важные предметы торговли, которыми славилась те или иные места, как на севере Афганистана, так и на территории Бухарского ханства. Одновременно он упоминает и те товары, которые пользовались повышенным спросом на рынках других стран региона.

Здесь мы ограничимся приведением некоторых сведений, касающихся афгано-центральноазиатской торговли. В частности, Фазыл-хан, сообщает: «К числу товаров, которые некоторые купцы вывозят из Бухары в Кабул, относятся: лошади, мед,

¹⁰ Там же, л. 8.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 13.

ткань «алачи», одежда, сшитая в узбекском стиле, упряжь для лошадей, шелк, шелк-сырец, марждан и т. д.»¹³.

А в Центральную Азию из Афганистана и через Кабул поступали: пашмина (шерстяная одежда), тюрбаны, тканое и набивное полотно, ситец, «лунги» (куски материи), белый и черный кристалл (сахар), желтый и красный сахар-пудра, «бары» красного цвета — золотая нитка и т. д. «Бары, — пишет Фазыл-хан, — столь доходна, что одну рупию можно превращать в десять. Подобную же выгоду приносит обувь, поверху вышитая золотом»¹⁴.

Весьма интересные данные сообщаются им и о денежном обращении на территориях тогдашнего Афганистана и Бухарского эмирата. От Пешавара до Батминабада, который автор называет границей тогдашних владений Кабула, ходившие в обращении деньги имели «печати монетных дворов Кабула, Пешавара, Кандагара и Герата» и выпущены были «от имени короля Кабула»¹⁵. На территории Мира Хайдера, короля Бухары, пишет он, находились в обращении «тилля» вместо «ашрафи», весом в один мискаль, танга вместо рупии, весом в один дирхам; одна тилля была эквивалентна 20, а иногда 22 танга¹⁶. Хотя Бухара и Хульм поддерживали оживленные торговые связи с северо-западными областями Индостанского полуострова, однако, как отмечает Фазыл-хан, денежные знаки «индийской системы» хунди были менее распространены в них, чем, например, на северо-востоке Ирана и подвластных Кабулу территориях Афганистана. «На территории Мир Клыч Али бека и эмира Бухары, — отмечает автор дорожника, — система хунди не в большом ходу. Особенно в Благородной Бухаре, за исключением тилля и танга, которые носят печать бухарского монетного двора, никаких монет других стран нет в обращении. В случае, если есть хунди какого-нибудь (индийского) особого ростовщика-менялы, она будет иметь большие комиссионные проценты, чем хунди в других странах. Поэтому это не приносит дохода, товары (в результате) вымениваются»¹⁷.

Вообще автора везде и всюду, где он побывал, интересуют быт, образ жизни населения этих мест, порою он сообщает весьма характерные моменты из жизни отдельных родов и племен, по территории которых пролегал его путь. Например, «люди из клана Гильджа, — сообщает он, — занимаются торговлей, а также зарабатывают на проживание, сдавая в аренду лодки. В незначительной степени они занимаются земледелием»¹⁸.

Политическая разрозненность Афганистана начала XIX в. создавала большие затруднения в развитии торгово-экономических отношений с другими странами, да и в самом Афганистане. Так, по словам Фазыл-хана, «существует большая опасность от бандитов и других дорожных бродяг внутри границ Кабула и в четырех местах собираются обременительные налоги. Путешественники могут следовать, если путешествуют с караваном и достаточно хорошо снабжены оружием»¹⁹.

Фазыл-хан скрупулезно фиксирует расстояния между населенными пунктами своего маршрута, его интересуют состояние дорог, глубина и ширина рек, возможности их судоходства, наличие питьевой воды и т. д. «Из Пешавара в Кабул по дороге Кабарья, — пишет он, — десять переходов пути очень неудобны, покрывая сто двадцать четыре кроха²⁰; из Кабула в Хульм через Батбаминан — 14 переходов, составляющих 184 кроха; из Хульма в Благородную Бухару через Балх, вдоль правого берега реки Окс — 13 переходов, путешествие трудное, покрывающее двести один крох»²¹. В дорожнике по мере возможности подробно описаны каждый «переход» и трудности, встречавшиеся на этом пути.

Автора особо интересовали вооруженные силы Хульма и Бухары. Например, говоря о возможностях Бухарского ханства в этом отношении, он сообщает, что армия Бухары состоит из восьмидесяти тысяч «саваров», что данное число войск отмечено в регистрационных списках переклички». Чтобы придать большую достоверность своим сведениям, он добавляет, что «эти цифры подтверждаются важными персонами, находящимися при амирском дворе». Одновременно он приводит и такие сведения, которые дают понятие о местах скопления основных сил Бухары на территории эмирата. «Вся армия, — пишет Фазыл-хан, — находится под командованием эмира и в ней выплачиваются пособия наличными. Из числа военных 10 тысяч саваров расквартированы в Самарканде. Подобным же образом войска расквартированы по различным местам, особенно в Ура-теппе, Мерве и Бухаре. Все бумаги —

¹³ Там же, л. 24.

¹⁴ Там же, л. 25.

¹⁵ Там же, л. 7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, л. 8.

¹⁸ Там же, л. 9.

¹⁹ Там же, л. 8—9.

²⁰ Крох — третья часть фарсаха, а 1 фарсах = 6—7 км, т. е. крох = 2—2,5 км.

²¹ Тарих-и манозил, л. 1.

списки военнослужащих, с указанием меток и цвета верховых лошадей хранятся при самом амире. Он всегда проверяет их сам во время осмотра»²².

В процессе сбора сведений о вооруженных силах и оборонной мощи Хульма, касаясь вопроса о материальной обеспеченности войства этого удела, автор приводит характерные примеры и из социально-экономической жизни Северного Афганистана начала XIX в. Согласно приведенным в рукописи данным, у Мир Клыч Али бека «насчитывалось двадцать пять человек, занятых как «мингбаши», т. е. офицеров, командующих одной тысячей «саваров»²³. Из людей, находившихся под командой каждого мингбаши, половина были вооружены пиками или дробовиками, а остальные пятьсот «саваров» — ружьями. «Ежегодно, — пишет Фазыл-хан, — Мир лично инспектирует «саваров», производится перекличка и запись «саваров», а также регистрируются цвета и метки лошадей. Мир лично осматривал лошадей. Военнослужащим жалование в деньгах не выплачивается, однако для них резервируется земля»²⁴.

Далее автор сообщает, что для мингбаши выделяется двадцать «галба»²⁵ земли. Под начальством каждого мингбаши находились десять офицеров, каждый из которых, будучи командиром сотни «саваров», в свою очередь, получал по 10 «галба» земли. Среди этих ста «саваров» имелось четыре или пять других (мелких) офицеров. Им давался по 4 «галба» земли каждому. «Савару» же полагались одна корова и до двух «галба» земли. При амире всегда находились наготове две тысячи «саваров» и остальные были рассеяны по всей территории Хульма. Но все они, как пишет Фазыл-хан, «тут же собираются амиром в случае военной экспедиции или иной нужды»²⁶.

Особый интерес автора вызвали и отношения между государствами описываемого региона. В своем дорожнике он уделяет большое внимание политической обстановке в странах, через которые пролегал его путь.

Фазыл-хан всячески подчеркивает тесные взаимосвязи между Бухарой и Хульмом. Он говорит о них как о непосредственных соседях, которые поддерживают хорошие взаимоотношения. «От Чарбагха до левого побережья реки Окс — два этапа путешествия прогаженностью в тридцать крохов. Весь путь представляет собой безводную пустыню, формирующую собой пограничную полосу между территориями Мир Клыч Али бека и Мир Хайдера, амира Бухары. Берега реки, а также имею-

²² Там же, л. 24—25.

Мир Иззет Улла в своих описаниях вооруженных сил, например, центрально-азиатских ханств, в том числе Бухары, идет еще дальше. Он ставит вопрос ребром: могут ли они приостановить французское нападение на Индию, если Наполеон задумает осуществить свои планы захвата Индии через Центральную Азию. Касаясь этого щепетильного для Англии предмета и останавливаясь на слухах, распространенных в Бухарском ханстве, он считает возможным нападение Франции на Индию. Он сообщает, что от самаркандского казия слышал о войне между Россией и Францией. «Кажется, — пишет Мир Иззет Улла, — что как раз перед зимой 1227 года после жестоких боев, в которых русские понесли большие потери, французы осадили и взяли Москву и сожгли этот город. Однако из-за недостатка продовольствия на период суровой зимы французы были вынуждены покинуть страну, намереваясь начать снова военные действия в текущем сезоне» (Соколов Ю. А., Бухара, Самарканд, Калиф... С. 199). Из этой выдержки видно, что он, не будучи осведомленным об истинных причинах отступления французских войск и вообще об исходе войны в России 1812 г., искренне полагает, что военное нападение французов на Россию еще не прекращено и оно обязательно возобновится. А их главной целью, по его твердому убеждению, была Индия.

²³ «Савар» — всадник.

²⁴ Тарих-и манозили, л. 17.

²⁵ Галба — дословно означает «плуг», здесь употребляется как мера земли. Эквивалентом этого термина может служить «джуфт-и гау» (узб. — «аушлук») — «упряжка волов», — т. е. площадь земли, обрабатываемой упряжкой волов в течение сезона. «Джуфт-и гау» в XIX в. был приблизительно равен 50 танабам (1 танаб = 900 м²). (См.: Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—первой половине XIX века. Т. 1. Ташкент, 1966. С. 255, 267. Прим. 288). Вероятно, в разных районах стран Среднего Востока и на разных типах земель существовали «джуфт-и гау» разных размеров, они могли равняться и разному числу танабов и одинаковому, но разного размера. Однако, по утверждению многих авторов, несомненно, что в XVI—XIX вв. «джуфт-и гау» в 50 танабов был прочной единицей площади. В литературе приводятся различные размеры этой площади: примерно 5 десятин, 6—7 га, 9 десятин и т. д. (См.: Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 122—123).

²⁶ Тарих-и манозили, л. 18.

щися здесь лодки, находятся в ведении Мир Рахим Али, сына дяди Мир Хайдера, амира Бухары»²⁷.

Чтобы показать натянутые отношения между Ираном и Бухарским ханством, Фазыл-хан в своем дорожнике приводит весьма характерный факт, касающийся судьбы брата амира Бухары — Насыр Уддин-хана, сыгравший действительно немаловажную роль в еще большем ухудшении ирано-бухарских политических отношений в период правления амира Хайдера. «У падишаха (Бухары.—Б. М.),— пишет он,— два брата, один из них — Насыр Уддин-хан, рожденный от калмычки, который живет в Мешхеде. Он получает тридцать туманов как месячное пособие от Мухаммада мирзы, который является Вали (Мешхеда) и сыном Фатх Али-шаха, падишаха Ирана».

Далее, останавливаясь на причинах, в силу которых брат амира Бухары очутился на чужбине, в столице Иранского Хорасана — Мешхеде и превратился по сути в пенсционер у монарха соседнего государства, автор пишет, что «несколько лет назад падишах Мир Хайдер назначил Насыр Уддин-хана хакимом Мерва Шах Джехана, исходя из доверия к своему брату и принимая во внимание тот факт, что последний также является сыном Шаха Мурад Бей (собственного отца падишаха). Он также полагал, что город Мерв неподалеку от Мешхеда и его брат будет править им достойно».

Однако случилось обратное. Насыр Уддин-хан, заручившись поддержкой Ирана, поднял восстание против своего брата. «Получив донесение о мятеже,— продолжает автор,— падишах Бухары направил несколько высоких чиновников с несколькими тысячами «саваров» для ареста Насыра Уддин-хана, мятежника, и наказания населения Мерва. Упомянутые чиновники, достигнув Мерва, убили многих людей, но Насыр Уддин-хан сумел бежать в Мешхед. ...Мир Хайдер, падишах Бухары перестроил и вновь населил город Мерв в 1811 г. Он разместил там несколько тысяч саваров»²⁸.

При наличии в Мешхеде мятежного брата амира Бухары, открыто поддерживаемого иранскими властями, не было никакой надежды на улучшение бухаро-иранских отношений, что прекрасно понимал Фазыл-хан и на что старался заострить внимание своих хозяев. Англичанам в данный момент это и было нужно.

В этом плане для англичан было важно получить сведения об отношении правителей политически разрозненного тогда Афганистана к Ирану, а также о характере бухаро-иранских отношений.

В своем дневнике Фазыл-хан особо стремился подчеркнуть неприязнь правителя Хульма к шиизму, чем и объяснялась позиция этого самостоятельного владения по отношению к Ирану. А это был немаловажный фактор для далеко идущих антифранцузских планов англичан в регионе. Выводы свои по этому вопросу Фазыл-хан подкрепляет следующим примером. «К югу от Хульма есть селение Зубки, населенное хазарами, исповедующими шиитскую веру,— пишет автор дневника,— на большей части дороги до окрестностей деревни Икрабад, находящейся в зависимости от Батбамана в Кабульском княжестве, беспокоят хазары (грабители), которые нападают, грабят караваны, следующие в Кабул или Хульм»²⁹.

Далее он описывает меры правителя Хульма по усмирению хазаров, причем жестокой расправе он подверг главным образом шиитов. «В 1812 году (1227 г. х.),— читаем в дневнике Фазыл-хана,— Мир Клыч Али бек пошел походом с войском, состоящим из 6 тысяч саваров, и напал на район вокруг сселения Зубки и усмирив хазаров. Он захватил 686 хазаров, как мужчин, так и женщин, в качестве пленников. Сто двадцать семь из них он оставил при себе, как свою долю. Он освободил нескольких из них, которые были преклонного возраста, но большинство стали рабами. Что касается остальных пятисот пятидесяти девяти, то он распорядился их среди своих воинов. Их продали как рабов на базаре Хульма. Люди из Бухары, Коканда, Дадракчи и т. д. ... раскупили пленников на базаре Хульма и увезли их в соответствующие места»³⁰.

Много интересного сообщает Фазыл-хан о налоговой системе в Бухарском ханстве. Здесь он особое внимание уделяет сборам с торговых людей. «Взимание налога,— пишет он,— который введен как «закат» на коммерческие товары, осуществляется один раз в год в соответствии с правилом один из сорока, т. е. 2,5%. Может случиться, что купец продает или делает закупки сто раз в году, но товары облагаются налогом один раз в году. Делается расследование, находились ли товары во владении купца в течение года, и затем взимается с него 2,5%, других поборов нет»³¹.

Одновременно посланец Ост-Индской компании старается определить и позицию Герата по отношению к своим соседям. В данном случае англичан заинтересо-

²⁷ Там же, л. 8.

²⁸ Там же, л. 31.

²⁹ Там же, л. 17.

³⁰ Там же, л. 18.

³¹ Там же, л. 25.

вали отношения этой независимой от центральной власти провинции тогдашнего Афганистана главным образом с Бухарским ханством, ибо враждебность Герата к Ирану не была секретом для Англии. Что касается бухаро-гератских отношений, то они имели важное значение для англичан, особенно для их далеководущих замыслов, связанных с образованием так наз. антифранцузского заслона на территории Центральной Азии и Афганистана. В этом смысле сообщение Фазыл-хана было полно обнадёживающих его хозяев важных сведений, ибо в нём говорилось о том, что между Гератом и Бухарой существовали взаимоотношения, которые зиждились главным образом на антииранской основе.

Все это говорит о том, что путевые записки Хафиза Фазыл-хана «Тарих-и манозили Бухара» являются весьма ценным источником не только по ряду моментов из истории Северного Афганистана и Бухарского ханства, но и проливают свет на отдельные аспекты истории международных отношений, сложившихся в регионе в начале XIX в. Осуществление полного перевода и издание этого важного манускрипта было бы весьма желанным для специалистов, интересующихся вопросами истории, экономики, а также взаимоотношений стран Среднего Востока и Центральноазиатского региона в указанный период.

Б. С. Маннанов

«ТАРИХИ НОФЕЙ» — БУХОРО АМИРЛИГИ ТАРИХИГА ОИД МУҲИМ МАНБА

Бухоро амирлигининг тарихи ва маданиятига оид манбаларни излаб топиш, тавсиф ва татқиқ этиш, зарур бўлса ўзбек тилига таржима қилиш манбашуносларнинг муҳим ва долзарб вазифаларидан ҳисобланади. Агар Қўқон ва Хива хонлигида яратилган тарихий асарларни ҳалигача комплекс равишда ўрганилмаганини ҳисобга олсак, бу йўналишда қилиниши зарур бўлган ишларнинг кўлами мутахассисларга маълум бўлса керак.

Бухоро амирлигида XVIII—XIX асрнинг бошларида 50 дан ортиқ тарихий, тарихий-биографик, тарихий-бадний асарлар яратилган. Бухоро тарихнавислик мактабини ташкил этадиган асарлар ҳанузгача топилиб маънавий ва тарихий билимларимиз учун сарчашма бўлаётир.

Муҳаммад Али ибни Муҳаммад Сайид Балжувонийнинг «Таърихи Нофей» («Фойдали тарих») номли асари Бухоро амирлигининг XIX—XX асрнинг бошларидаги сиёсий тарихини ёритиб берувчи муҳим ва қимматли манбалардан ҳисобланади. Бухоро амирлигининг ижтимоий аҳволи, давлат тизими, давлатини идора этиш тартиби, Бухоронинг шўролар томонидан босиб олиниши, истиқлолчилар ҳаракатларини муаллиф бир гувоҳ сифатида, объектив баён қилади. «Тарихи Нофей»ни араб имлосида нашр эттирган олим Тожикистон Фанлар академиясининг академиги Аҳрор Мухторов ўз сўзбошисида ёзади: «Тарихи Нофей» номли асар Урта Осиё халқлари тарихи билан қизиққан мухлиссларгагина эмас, балки тарихчиларга ҳам номаълум эди. Асарнинг муаллифи Муҳаммад Али Сайид Балжувонийнинг ўғли бўлиб, уни фақат мўйсафид ҳамқашлоқлари эслайдилар. Муҳаммад Али ражаб ойининг 18 чиси, ҳижрий 1341 (милодий 1923, 12 февраль) Самарқанд шаҳрининг Тиллоқорн мадрасасида асарини ёзишга киришиб, уни ҳижрий 1346 йили 22 чи муҳаррам ойи (1927 йили 22 июнь) Балжувоннинг Бештангтак қишлоғида ниҳоясига етказган»¹.

Муҳаммад Али Самарқанд ва Бухоро мадрасаларида таҳсил кўриб, бир муддат давлат ишларига ҳам аралашиб юрган. «Тарихи Нофей» асарининг муаллифи умрининг охириги қисмини Оқбулоқдара қишлоғида ўтказиб 70 ёшида оламдан ўтган.

Асар қўлёзмасининг тавсифи, камчиликлари, хусусиятлари ҳақида ношир А. Мухторов кенг маълумот берган².

«Тарихи Нофей» қисқача кириш, 15 боб (мақсуд, мақсад) ва хотимадан иборат. Асар бобларининг номлари қуйидагича:

1. Биринчи боб (мақсад) Бухорон шариф ўлкасининг фазилатлари ҳақида.
2. Самарқанди фирдавсмонанднинг фазилатлари баёнида.
3. Бухоро подшолари салтанатларининг тартиби ҳақида. Бу боб 7 фаслдан иборат.
4. Сайид Олимхоннинг салтанати ва унинг даврида рўй берган воқеа ҳақида.
5. Амир Олимхон ва Бухоро муҳожирларининг Бухоро инқилобидан сўнг бошларидан кечирган воқеалари ҳақида.
6. Россия шўроларининг зафар топгани ва Бухорони босиб олиши, амир қочгандан кейин Бухоронинг хароб бўлиши тўғрисида.
7. Бухорода шўроларнинг ҳукмронлиги ҳақида.
8. Бухородаги хароб бўлган иморатларнинг таъмир этилиши, баъзи биноларнинг бузилиб, русча усулда қурилиши ҳақида.

¹ Муҳаммад Али ибни Муҳаммад Сайид Балжувоний. Тарихи Нофей. Душанбе, 1994. 3-бет (араб ёзувида).

² Қар.: Тарихи Нофей, 3—10-бет.

оша бутун башарият қалбини иймон нури билан мунаввар этиб, рушду-ҳидоят йўл-дарига бошлаб келмоқда. Энг аввало буюк алломанинг фавқалодат иқтидори ва юксак илмий салоҳияти, қолаверса унинг ақл бовар қилмайдиган даражадаги тинимсиз меҳнату-машаққатлари маҳсули бўлган бу бебаҳо асар нафақат ўз даври учун, балки ҳар қандай давр учун ҳам, ҳар қандай жамият учун ҳам том маънода тарихий аҳамиятга молик асар десак ҳеч бир муболага бўлмайди. Чунки бу қимматбаҳо маъбада келтирилган ҳикматлар мажмуаси асрлар оша фақат бир улғу мақсадга бу ҳам бўлса—иқтисодий фаровон, адолатли, демократик баркамол жамият қуриш, ҳар томонлама етук, маънавий комил инсонларни тарбиялашдек ўта муҳим ва гоятда олижаноб ғояга хизмат қилиб келмоқда. Шу билан ҳам имом ал-Бухорийнинг бу ўзига хос подир асари ёзилган даврдан бошлаб то ҳозирги вақтгача бутун дунё бўйлаб—Ғарбда ҳам, Шарқда ҳам баб-баравар ардоқланиб, алоҳида меҳр ва иштиёқ билан ўрганиб келинади.

Юқорида баён этилган фикр-мулоҳазаларни хулоса қилиб шуни алоҳида таъкидлаш жоизки, имом ал-Бухорийдек буюк зотнинг бизнинг заминимизда етишиб чиқиши ҳар ҳолда тасодифий ҳол деб бўлмайди. Гарчанд мана шу ҳолатнинг ўзи ҳам кўҳна Туркистонимизда илм-фан ва маданиятнинг илдири нақадар чуқурлиги, бу ўлкада азалдан анъанавий қулай маданий-маънавий муҳит мавжудлиги, энг муҳими бу юрт аҳли жамият манфаатлари йўлида, инсоният манфаатлари йўлида ҳар қандай илмни ҳам тезда теран илғаб, юксак поғоналарга кўтариш лаёқатига эга эканлигини ёрқин далилидир. Бинобарин давр талаби ва эҳтиёжларига кўра энг сеvimли ва эътиборга молик илмлардан бирига айланган ҳадис илми билан ўша пайтда бепоён Шарқнинг турли томонларида минглаб олим-уламолар ва муҳаддислар астойдил шугўлланган бўлсаларда, мана шундай ўта рақобатли мураккаб жараёнда голлиблик шоҳ-супасига кўтарилиш нашидасини сурган буюк ватандошимиз имом ал-Бухорий кўрсатган мислсиз илмий жасорат билан ҳар қанча фахрланиб, чексиз ифтихорга тўласа ҳам арзийди. Ҳадис илми соҳасидаги алломанинг буюк хизматларини ўз даврида ҳам, ундан кейинги асрларда ҳам кўплаб машҳур олимлар юксак баҳолаб, бу илмда унинг тенги йўқ, яқкаю-ягона аллома бўлганлигини оир овоздан таъкидлаганлар. Шу билан ҳам имом ал-Бухорий ҳазратлари ҳеч бир олимга насиб этмаган «амир ул-муъминин» фи-л-ҳадийс» («ҳадис илмида барча мўмин-мусулмонларнинг амири»), имом ал-муҳаддисийн («барча муҳаддисларнинг имоми, пешвоси»), имом ад-дунйа («бутун дунёнинг имоми») деган ўта шарафли лақабларга сазовор бўлганлар. Она юртимиз кўҳна Туркистон номини жумлаи-жаҳонга дoston қилган шундай буюк зотга мансуб авлодлар, муносиб ворислар бўлиш бизлар учун улкан шараф, айни вақтда катта бир масъулиятдир. Мана шу ақидадан келиб чиқиб айтиш керакки, имом ал-Бухорий ва диёримиздан чиққан бошқа кўплаб муҳаддисларнинг ибратли ҳаётлари ва бой, қимматли маънавий меросларини илмий асосда ҳар томонлама чуқур ўрганиш олимларимиз олдида турган долзарб вазифалардан биридир.

У. Уватов

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БУХАРЫ

(Проблемы и перспективы их изучения)

Трудно назвать кого-либо из крупных палеографов, не писавших (или хотя бы не говоривших) о том, что одна из первоочередных задач в исследовании истории Центральной Азии — скорейшее планомерное исследование эпиграфических памятников. По меткому замечанию специалиста по арабографической эпиграфике В. Н. Насича, о значении эпиграфики и ее оценке как исторического источника написано и сказано столько, что перечисление одних лишь цитат составит целые тома. А если к этому добавить сказанное и написанное об арабографических надписях на архитектурных сооружениях, надгробиях и т. п. как произведениях искусства каллиграфии, то количество «точек с запятой» намного возрастет. Между тем крайне неудовлетворительное положение с изучением эпиграфических памятников в Узбекистане побуждает нас продолжать явно затянувшийся разговор о давно назревшей необходимости широкомасштабного изучения этого вида письменных источников. Впрочем, наверное, гораздо продуктивнее «заставить говорить» саму эпиграфику.

Здесь мне хотелось бы на примере эпиграфических памятников Бухары кратко остановиться на том, что уже сделано для их изучения, обратиться к некоторым неопубликованным образцам, чтобы наглядно продемонстрировать значение эпиграфики и, наконец, основываясь на собственном опыте исследований памятников этого типа, предложить некоторые, наиболее перспективные, на мой взгляд, направления дальнейших исследований.

Надо сказать, что публикаций, посвященных эпиграфике Бухары, очень мало — примерно два десятка статей, из которых только несколько посвящены конкретным памятникам. Наибольшее количество работ, касающихся надписей на архитектурных

памятниках и погребальной эпиграфики, опубликованы В. А. Шишкиным¹. Большая часть их давно вошла в научный оборот и послужила надежным датировочным материалом. Наряду с этим ряд ученых (В. В. Бартольд, И. И. Умняков, М. Саиджанов, В. А. Крачковская, А. Мухамеджанов и др.) в своих статьях и монографиях нередко обращались к эпиграфическим памятникам Бухары. Большая часть этих работ из-за отсутствия технических условий публиковалась без фотографий, что, конечно, нежелательно, поскольку речь идет об уникальных письменных источниках, часто трудно поддающихся чтению. Последнее обстоятельство, конечно, усложняет публикацию. Однако при отсутствии фотографий (или хороших прорисовок) публикуемых текстов другие специалисты лишаются возможности перепроверки и уточнения предлагаемого чтения.

Еще одна особенность опубликованного материала — его полная бессистемность. Я далек от мысли винить названных авторов, поскольку они, прекрасно понимая особую значимость эпиграфики, делали все от них зависящее, а опубликованные ими материалы предоставили специалистам самого широкого профиля достовернейший источник. Однако, если даже поверхностно ознакомиться с опубликованным по Бухаре и другим областям эпиграфическим материалом, нетрудно заметить спорадическое и чаще всего бессистемное обращение специалистов к наиболее доступной группе памятников эпиграфики.

Такой подход не позволил решить следующие важные задачи. В области монументальной архитектурной эпиграфики Бухары до сих пор не выявлены особенности эволюции этого вида письма, остались непрочитанными посвященные надписи (с датами, именами донаторов и т. п.) десятков архитектурных памятников. Совершенно не изучена погребальная эпиграфика мемориальных комплексов Бухары (Баха'ад-дин, Чор Бакр и др.). А ведь этот вид источника важен для изучения этно-лингвистической ситуации в регионе, при составлении родословий правящих династий и других могущественных родов, для выявления их сложных кровнородственных связей, которые, как известно, имели влияние на политическую ситуацию в государстве. Незнученной остается и эволюция письма на надгробиях; единственным источником для такого исследования могут стать сами надгробия.

То же самое можно сказать и об эпиграфике на бытовых предметах и украшениях, на которых часто встречаются имена мастеров и заказчиков, чрезвычайно интересные для историков-лингвистов стихотворные строки на разных языках. Между прочим, для специалистов этого направления эпиграфические памятники особенно любопытны и информативны, поскольку в большинстве случаев они точно датированы, а самое главное, они не могли быть переписаны, как, например, рукописные источники; по словам Е. Э. Бертельса, переписчики рукописей имели «неприятную манеру» не воспроизводить точно переписываемое произведение². При этом все архаичные слова часто заменялись на новые, более употребимые в момент переписки. Во всяком случае, в таком направлении эпиграфика Бухары не исследована.

Конечно, чтобы составить комплексную программу фиксации памятников эпиграфики, выработать определенные методы их исследования и приступить к планомерным публикациям, необходимы, по крайней мере, два условия: финансирование соответствующей программы и наличие технически хорошо оснащенной группы специалистов. Для Бухары такое удачное стечение обстоятельств произошло лишь однажды: в 1989—1990 гг. произведены крупномасштабная фиксация и частичное изучение эпиграфических памятников города и области специальной экспедицией Института реставрации Министерства культуры Узбекистана (руководитель экспедиции — Б. Бабаджанов, участники — М. Рахимджани, Л. А. Талис, В. Н. Настич, Х. Караматов, М. Парастепанах, Д. Чунихин). По не зависящим от нас обстоятельствам эти работы, однако, не были завершены. Здесь мы хотим изложить некоторые предварительные результаты проведенных исследований.

Чашма Айлюб (г. Бухара). Майоликовая надпись, состоящая из отдельных плит-блоков, смонтирована над входом в гурхану. Дата и имя Амира Темура впервые были прочтаны В. А. Шишкиным³, хотя полностью расшифровать надпись ему не удалось. При ее повторном обследовании установлено, что порядок плит-блоков (часть из них утрачена) был перепутан, видимо, во время одного из ремонтов здания. Это не давало возможности другим специалистам предложить сколько-нибудь приемлемого стилистически чтения. После камеральной обработки эстампажа надписи нам удалось восстановить точный порядок последовательности плит-блоков и получить такой текст: «Завершено это зда[ние в эпоху правления сул]тана Мава'раннахра и Хорасана Амир Темур Курагана — да увеличится его милость..., усн-

¹ Шишкин В. А. Медресе Улугбек а Гиждуване//Материалы Узкомстариса. Вып. 2—3. Ташкент, 1933. С. 15—22; его же. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936; его же. Фирман 1541 г. на портале большой соборной мечети Бухары//ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 14—21.

² Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература: Баба Кухи. М., 1965. С. 293. Прим. 39.

³ Архитектурные памятники... С. 49—50.

лями Амира Хадждажа в месяцы года 785» (=1383—84). Таким образом, повторное обследование позволило установить имя донатора здания (Амир Хадждаж). Интересно и то, что имя Амира Темура в этой надписи упомянуто с титулом «Султан».

На этом же памятнике над описанной надписью в стену вмонтирована деревянная доска (65×153 см) с вырезанным на ней текстом: по периметру — фрагмент из Корана (2: 256), а в середине — известная по другим письменным источникам легенда о ветхозаветно-библейском пророке Аййубе (Иове) в ее местной интерпретации, изучение которой позволяет по-новому взглянуть на некоторые аспекты местной религиозной ситуации⁴.

Мавзолей Буйан Кули хана. В настоящее время большая часть декоративной отделки мавзолея (по красоте цветовой гаммы не уступающей мавзолеям Шахи Зинды) и надписей утрачена. Их чтение производилось по архивным фотографиям. В центре портала нанесены фрагменты из Корана (28:28; 41:30—33); по периметру — историческая почитательная надпись на арабском языке со значительными утратами. Ее предварительный перевод гласит: «...его султанством и благодеянием. А после его смерти с переселением в мир иной, милостью, благорасположением и щедростью [божьей] просветились его душа и лик в счастливый час... Буйан Кули хан — да звездет его [Аллах] в двери рая и накормит своей лучшей пищей — богобоязненностью. Кончина — вечное счастье. О обладатели разума! Опасайтесь...»

Известно, что Буйан Кули хан (1348—1359) был первым из подставных чагатайских ханов, при котором власть окончательно перешла в руки глав могущественных тюркских племен. В интерьере его мавзолея по периметру арок восьмерика имеется резная майоликовая надпись, представляющая собой стихи-марсийа неуставленного автора на персидском языке. По архивным фотографиям прочтено и переведено 72 мисры.

Мечеть «Валида-йи Абд ал-Азиз хан». Под этим названием известна мечеть, расположенная на южной оконечности Хийабана Бухары. В научной литературе она датируется серединой XVII в.⁵ Между тем, во время исследований эпиграфики Бухары 1989 г. нами были обнаружены надписи, которые свидетельствуют о том, что эта мечеть возведена во время правления Абд ал-Азиз хана I (1539—1550) и по его заказу. Одна из надписей обнаружена на базах колонн и представляет собой почитательный текст с информацией о том, что упомянутый правитель приказал возвести эту мечеть на свои средства и снабдил ее вакфным имуществом. Другая цветная мозаичная надпись обнаружена над северным входом мечети: «Пожертвованы [средства] ради всевышнего Аллаха для строительства этого священного здания великим хаканом Аби-л-Гази Абд ал-Азиз Бахадур ханом, сыном Убай [даллах Бахадур хана]... [в] девятьсот... [году]».

Мечеть Дуст Чирог Окоси. Точная дата строительства этого сооружения до недавнего времени была неизвестна. В 1989 г. на южном портале мечети мною обнаружена почитательная надпись, замазанная в 30-х годах XX в. тонким слоем ганча. Надпись выполнена на отдельных плитах (белые буквы по синему фону), компоновка которых, как это часто бывает, перепутана при монтаже или ремонте. Достаточно уверенно читаются год строительства мечети — 993/1585—86 и имя каллиграфа — Абд ал-Азиз, сын Мухаммад Абиди.

Медресе Абд ал-Азиз хана II. Здесь тоже удалось прочитать имя исполнителя росписей в интерьере мечети и дарсханы — Наджаф Кули Казвини (автограф обнаружен М. Парастепанов).

Медресе Газийан. Эпиграфика этого медресе не изучена. Майоликовая надпись в нише портала представляет собой высокопарное стихотворное посвящение с обычными метафорами в адрес «высочайшего, украшенного золотом», медресе, хвалебные словословия его донатору — Мухаммад Шарифу и мастеру — уstad Фатхаллаху. Упоминается, что здание завершено на четвертый год от начала строительства. В последней мисре — «Аз Мухаммад Шариф бе-ин нишан» («Это [добрый] знак от Мухаммад Шарифа») заключена хронограмма завершения строительства, дающая при вычислении 1146/1733—34 г.

Комплекс Бала хауз. На левом пилоне пештака имеется краткая почитательная надпись о возведении этого ханака, в которой мастер-каллиграф оставил свое имя (Мухаммад Шариф Иадгари) и дату возведения ханака — 1124/1712—13 г. Другая надпись, нанесенная справа и слева от входа, также содержит дату первоначального строительства и имя донатора — жены Субхан Кули хана (1680—1702). Кроме того, здесь же указано время ремонта и капитальной перестройки всего комплекса — 1332/1916/17 г., названы имена мастера — резчика по дереву

⁴ В настоящее время эпиграфика комплекса Чашма Аййуб с соответствующим комментарием готовится к публикации.

⁵ Ремпель Л. И. Архитектура старого Джуйбара // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 166; его же. Далекое и близкое; Бухарские записи. Ташкент, 1982. С. 112.

(Гулам Караулбиги), каллиграфа (Хваджа мирза Саъдуллах) и донатора — Саййид Алим хана (1910—1920) (чтение Х. Караматова).

Ханака Надир Диван биги. На щекowych стенах михрабной ниши имеется 12-строчная надпись (сильней охрой по ганчу), нанесенная во время ремонта. Она указывает дату возведения ханака—1029/1620—21 г., время и продолжительность ремонта — 1914—1916 гг. Здесь же возносится имя Саййид Алим хана, финансировавшего ремонт.

Кроме названных сооружений, зафиксированы и исследованы десятки других неопубликованных посвященных надписей на архитектурных сооружениях Бухары, содержащих самую разнообразную, но не вошедшую в научный оборот информацию о памятниках и их строителях.

Есть и множество других аспектов архитектурной эпиграфики Бухары, которые еще ждут своих исследователей. Надо сказать, что множество уникальных надписей на памятниках Бухары, к сожалению, уже утрачено и потому есть, очевидно, смысл потрудиться со всесторонним изучением оставшихся образцов. Еще большим утратам подвержены надписи на мозаичных и мраморных надгробиях. Наиболее удручающий пример тому — состояние надгробий знаменитого комплекса Баха'ад-дин. В 1925—1927 гг. известный ученый М. Ю. Саиджанов насчитал около 180 надгробий на этом комплексе, надписи которых еще читались. В 50-х годах проф. В. А. Шишкин отметил в своем дневнике, что половина надгробий мазара уже утратила свои надписи. А в 1988 г. на этом же комплексе мною было зафиксировано всего десять (!) надгробий и стел, которые лишь частично сохранили свои надписи.

После консультаций с рядом специалистов установлено, что надгробия разрушаются под воздействием почвенных солей. При обследованиях на других мазарах Бухары памятников погребальной эпиграфики мне приходилось видеть буквально крошащиеся от одного прикосновения надгробия 300—500-летней давности. По замечанию акад. АН РУЗ Э. В. Ртвеладзе, при таких темпах утрат памятников погребальной эпиграфики их изучение и публикация становятся единственным способом ее сохранения. Однако на страницы научных журналов чтения и переводы текстов надгробных памятников Бухары попадают крайне редко. Можно указать лишь на краткий реестр некоторых надгробий мазаров Кала-йи Симиниц и Дальмун, опубликованный В. А. Шишкиным⁶. Между тем в Бухаре имеются десятки других мемориальных комплексов, на которых обнаружены надгробия XV—начала XX в. Большая часть их не только представляет собой уникальные образцы искусства каллиграфии, но и являются весьма ценными историческими источниками. Другие аргументы в пользу необходимости скорейшего исследования и издания этих памятников приведены выше.

Добавим, что опыт исследования погребальной эпиграфики Узбекистана определил наиболее эффективную форму ее публикации — это издание эпиграфики отдельных мемориальных комплексов. Один из самых интересных в этом отношении памятников — крупнейший культово-мемориальный комплекс Бухары — Чор Бакр, который стал семейной усыпальницей могущественного рода Джуйбаридов. В начале 1997 г. Французский Институт по исследованию Центральной Азии (директор П. Шювен) предложил мне произвести повторную фиксацию и подготовить к публикации эпиграфический материал Чор Бакра, рассматривая выход такой книги как подарок к юбилею г. Бухары. Параллельно ведется подготовка архитектурно-археологического материала комплекса (канд. ист. наук Е. Г. Некрасова). Руководитель и координатор с французской стороны — проф. Жан Луи Баке Грамон.

Сейчас уже можно говорить о некоторых предварительных результатах исследований, представляющих интерес для широкого круга специалистов. Например, впервые прочитаны дата завершения — 970/1563—64 г. и имя зодчего ханака Чор Бакра (Халифа Нияматуллах); эти данные в других источниках отсутствуют. Что касается погребальной эпиграфики (более ста надгробий), то она содержит обширный и уникальный материал по истории знаменитого рода Джуйбаридов, позволяет выявить их родственные связи с представителями правящей династии Аштарханидов (1601—1757) и с другими могущественными родами и кланами. Незаменима эпиграфика Чор Бакра при составлении родословного древа Джуйбаридов. Интересные данные предоставляет эпиграфика для выяснения сложных внутрисемейных взаимоотношений Джуйбаридов, среди побочных ветвей которых шла скрытая борьба за свою часть родового имущества. Кроме того, надписи надгробий комплекса позволяют проследить развитие бухарской школы искусства каллиграфии на протяжении по крайней мере 400 лет, а содержание надписей, характер и специфика повторяющихся ошибок, безусловно, будут интересны историкам-лингвистам.

Очень любопытны настенные надписи и рисунки в ханака, мечети и медресе комплекса, оставленные здесь посетителями мазаров Чор Бакра, студентами и обитателями. Обнаружены рисунки со сложной суфийской символикой, со сценами

⁶ Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1939. С. 24—25, 38—39.

охоты, примитивными иллюстрациями к известным эпическим и лирическим произведениям и т. п., с датами и автографами исполнителей. Среди надписей обнаружены особые виды тайнописи («Камсала» или «Табгиз»), таблицы со сложной цифровой кодировкой сур Корана. Большая часть надписей сохранила даты (самая старая относится к 1601 г.) и автографы. Иногда отмечается сумма пожертвований в пользу мазара. Словом, эти и другие находки помогут в осмыслении особенностей функционирования такого интересного комплекса, как Чор Бакр, аккумулировавшего в себе практически все аспекты местных форм бытования ислама.

Теперь несколько слов о перспективах и наиболее важных направлениях исследования эпиграфики Бухары, на которых, на мой взгляд, следовало бы сосредоточиться. Темпы и масштабы утрат, о которых говорилось выше, заставляют прежде всего ставить вопросы о скорейшей фиксации всех известных памятников эпиграфики (в первую очередь — архитектурной и погребальной), количество которых неуклонно сокращается. Нельзя забывать, что они являются не только первоклассным историческим источником, но и нашим культурным, национальным достоянием, утрата которого безвозвратна и невозможна.

В публикациях эпиграфики, кроме изложенного выше тезиса о необходимости придерживаться комплексности, следовало бы опереться на уже достаточно богатый опыт, накопленный зарубежными эпиграфистами, сотрудничество с которыми весьма желательно и, несомненно, даст положительный результат. Еще одна важная задача — поднять профессиональное качество издаваемых работ по эпиграфике. Особенно опасно здесь скрывать за пресловутым лозунгом «популяризация для народа» некомпетентность и непрофессионализм. Кстати, популяризация только тогда будет эффективна, если она основана на фундаментальном знании предмета. Очень острая проблема со специалистами по эпиграфике, в свою очередь, порождает условия, когда за публикации (опять же с популярным и очень приблизительным изложением содержания надписей) берутся люди, не имеющие профессиональных навыков, с очень плохим знанием арабского и персидского языков. Выход здесь один — ввести специальный курс в соответствующих вузах страны, предлагать темы по эпиграфике в качестве курсовых и дипломных работ.

Нелишне напомнить и о необходимости сопровождать публикацию памятников эпиграфики хорошими фотографиями и точными прорисовками текстов. В мировой практике издания памятников эпиграфики установилось правило обязательной аннотации чтения и подробного комментирования публикуемых переводов. При этом комментарий должен охватить по возможности большее количество аспектов конкретной надписи (исторические, палеографические, грамматические и т. п.).

По справедливому замечанию акад. АН РУз Б. А. Ахмедова, скорейшее издание эпиграфических памятников стало бы весьма серьезным вкладом в дело изучения многих аспектов истории нашей страны и является одной из первоочередных задач востоковедов Узбекистана. К слову сказать, согласно результатам предварительного подсчета, по объему и количеству памятников эпиграфики Узбекистан уступает в мире ислама только Ирану. С другой стороны, по количеству изданий эпиграфики у нас пока сделано гораздо меньше, чем в соседних центральноазиатских республиках, не говоря уже об Иране или арабских странах. Ныне же, с обретением суверенитета, у нас появились все возможности для широкомасштабных исследований и публикаций одного из интереснейших и богатейших видов нашего культурного наследия.

Б. Бабаджанов

ИСТОРИОГРАФИЯ.

К ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БУХАРЫ

В странах Западной Европы и Америки опубликованы почти все основные средневековые арабо-персидские письменные источники, которые в большей или меньшей степени касаются различных сторон жизни Бухары. Их перечень приведен в фундаментальном труде Ч. Стори¹ и специально — в библиографии к статье «Бухара» в «Энциклопедии Ираника», составленной Ю. Брегелем². Однако конкретный анализ этих публикаций выходит за рамки данного очерка.

Тем не менее отметим, что за рубежом издан основной письменный источник по древнему периоду этого города — «История Бухары» Наршахи в переводе на

¹ Storey C. A. Persian Literature: A bio-bibliographical survey. Pt. 1. Fasc. 2. Special histories of Persia, Central Asia and the remaining parts. London, 1936.

² Bregel Iu. Bukhara//Encyclopaedia Iranica. Vol. IV. Fasc. 5. London and New York, 1989. P. 514—520.

французский язык Э. Шефера в 1892 г.³ и в переводе на английский язык Р. Фрая в 1954 г.⁴

Опубликованы также записки многих европейских путешественников, побывавших в Бухаре: Антони Дженкинсона (1558)⁵, Эверсмана (год издания 1923)⁶, Г. де Мейендорфа (1826)⁷, А. Бернса (1934)⁸, Г. Кенса (1839)⁹, Стоддарта и Коннолли (1846)¹⁰, А. Вамбери (1864, 1868)¹¹, Е. Шпулера (1876)¹², Х. Ландселла (1885)¹³, О. Олуфсена¹⁴. Подробная библиография публикаций европейских путешественников в Центральную Азию, в том числе в Бухару, приведена в работе Р. А. Пирса «Советская Средняя Азия. Библиография» (Беркли, 1966)¹⁵.

Специальных же научных исследований, целиком или частично посвященных Бухаре, в зарубежной историографии не так уж много. Они появляются уже во второй половине XIX — начале XX в. Среди них — работы В. Томашека¹⁶, И. Маркварта¹⁷, Абель-Рюмиза и других, касающиеся некоторых вопросов исторической географии и топографии Согдианы и особенно нумизматики.

В основном исследования по Бухаре зарубежных, главным образом западно-европейских, ученых носят характер статей, анализирующих ту или иную проблему. Монографий на эту тему написано немного. Среди них — книга американского исследователя Р. Н. Фрая «Бухара. Достижения средневековья», изданная в Оклахоме в 1965 г.¹⁸, и книга японского ученого Маеджима Шиндзю «Бухара, загадочная страна вдоль Шелкового пути», опубликованная в Токио в 1972 г.¹⁹

В 1994 г. в Париже вышла в свет книга бывшего ташкентского архитектора-реставратора Ю. Гольденштейна об архитектурных памятниках Узбекистана, в том числе Бухары²⁰.

Значительным достижением, можно сказать, последним словом исторической науки по данному вопросу стал обширный очерк о Бухаре. Он занимает 34 стр. мелким шрифтом в «Энциклопедии Ираника», издаваемой Центром Иранских исследований при Колумбийском университете в Нью-Йорке под редакцией известного ученого Э. Иаршутера. Очерк состоит из семи разделов, написанных авторитетными учеными из Англии, США, Узбекистана. I раздел посвящен Бухаре в доисламское время (автор Ричард Фрай); II — от арабского завоевания до монголов (Эдмунд

³ Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakly, suivie de textes relatifs a la Transoxiane/Texte persan publié par Ch. Schefer. Paris, 1892.

⁴ The History of Bukhara/Translated from a Persian abridgement of the Arabic original by Narsakhi R. N. Frye. Cambridge, Mass., 1954.

⁵ Morgan E. D. and Coote C. H. Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. I. Hakluyt Society 72. London, 1886.

⁶ Eversmann E. Reise von Orenburg nach Buchara. Berlin, 1823.

⁷ Meyendorff G. de. Voyage d'Orenbourg a Boukhara, fait en 1820. Paris, 1826.

⁸ Burnes A. Travels into Boukhara. 3 vols. London, 1834.

⁹ Cens G. Nachrichten über Chiva, Bukhara, Chokand und den nordwestlichen Theil des chinesischen Staates/Ed. G. von Helmersen. 1839; repr. Osnabrück, 1969.

¹⁰ Lehmann A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842//Ed. G. von Helmersen, 1852; repr. Osnabrück, 1969; Wolf J. Narrative of a mission to Bokhara in the years 1843—1845 to ascertain the fate of colonel Stoddart and captain Konnolli. London, 1846.

¹¹ Vambéry A. Travels in Central Asia. London, 1864; Idem. Sketches of Central Asia. London, 1868.

¹² Schpuler E. Turkestan: Notes of a Journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja. 2 vols. London, 1876.

¹³ Landsdell X. Russian Central Asia: Including Kuldzha, Bokhara, Khiva and Merv. 2 vols. London and New York, 1865.

¹⁴ Olufsen O. The Emir of Bokhara and His Country: Journey and Studies in Bokhara. Copenhagen, 1911.

¹⁵ Pierse R. A. Soviet Central Asia: A Bibliography. Berkley, 1966 (pt. 1. 1558—1866. P. 26—48; pt. 2. 1867—1917. P. 43—56).

¹⁶ Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana//SBAW. Bd. LXXXVII. Wien, 1877.

¹⁷ Marquart I. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898; Idem. Ezansahr nach der Geographie des Moses Xorenaci. Berlin, 1901.

¹⁸ Frye R. N. Bukhara, the Medieval Achievement. Norman. Oklahoma, 1965.

¹⁹ Shinji Maejima. Bukhara, a secret country along the Silk road. Tokyo, 1972.

²⁰ Goldenshtein Y. Samarkande, Boukhara — Chakhricabz, Khiva, 1995.

Босворт); III — после монгольского завоевания (Юрий Брегель); IV — Бухарскому ханству и Хорасану (Юрий Брегель); V — археологии и памятникам (Галина Пугаченкова, Эдвард Ртвеладзе); VI — Бухарской школе миниатюрной живописи (Барбара Шмитц); VII — бухарским евреям (Михаэль Занд). Все эти разделы содержат новейшие научные данные и сопровождаются обширной библиографией²¹.

Обобщающие очерки В. В. Бартольда, и Р. Н. Фрая о Бухаре помещены в первом и втором изданиях «Энциклопедия Ислама»²², а В. Бачера — в «Еврейской энциклопедии»²³.

Домусульманский период в истории Бухары описан весьма скудно. Немногочисленные исследования в основном посвящены древним и раннесредневековым монетам и их исторической интерпретации. Помимо отмеченных выше, это исследования Е. Томаса²⁴, Друэна²⁵, Лерха²⁶, А. де ла Фюнь²⁷, Дж. Уокера²⁸, Р. Фрая²⁹, В. Хеннинга³⁰.

О средневековом периоде в истории Бухары в Европе, Америке и Японии издано достаточно много статей. В большом числе обобщающих исследований по Центральной Азии в той или иной мере затрагиваются различные вопросы и проблемы истории и культуры Бухары. Среди них отметим классическую монографию Х. А. Р. Гибба по истории арабского завоевания Центральной Азии³¹, труд Е. Л. Даниэля о политической и социальной истории Хорасана под Аббасидским правлением³², раздел в «Кембриджской истории Ирана», написанный К. Э. Босвортом³³, исследование Г. Ле Стренджа по исторической географии восточной части Арабского халифата³⁴.

В некоторых общих работах (Р. Фасмера³⁵, О. Притцака³⁶, Н. М. Ловика³⁷) по средневековой нумизматике Центральной Азии в той или иной мере затрагиваются и денежные эмиссии Бухары.

Представляют определенный интерес статьи: Ивамуре Шинобу, в которой отражены сведения китайских источников о восстании Тараби в Бухаре³⁸, О. Притцака о династии садров Бухары³⁹, работы П. Джексона⁴⁰, Х. Ховорда⁴¹, Р. Д. МакЧезни⁴², посвященные различным вопросам истории Бухары XVI—XVII вв.

²¹ Bukhara//Encyclopaedia Iranica. Vol. IV. Fas. 5. London and New York. 1989.

²² Bartold V. V. Bukhara//The Encyclopaedia of Islam. I. P. 781; Frye R. N. Bukhara//The Encyclopaedia of Islam. II.

²³ B[acher] W. Bokhara//The Jewish Encyclopaedia. III. 1902. P. 292—295.

²⁴ Thomas S. Bilingual coins of Bukhara//The Numismatic Chronicle and Journal of Numismatic Society. 3 rd. ser. Vol. I. London, 1881. P. 116—128.

²⁵ Droin E. Monnaies de deux nouveaux rois de la Sogdiane//Revue Numismatique. 3 ser. T. XII. 1884. P. 174. 182.

²⁶ Lerch P. Sur les monnaies des Boukhar-Khoudats ou princes de Boukhara avant la Conquête du Maverranahr par les arabes//Travaux de la troisième session du Congrès international des orientalistes SPb., 1876. F. II. SPb. — Leyde, 1879.

²⁷ Allote de la Fuye. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des countres voisines//Revue Numismatique. 4-e ser. T. XIV. Paris, 1910. P. 6—73, 222—281; T. XXVIII. 1925. P. 26—50. 143—169; T. XXIX. 1926. P. 29—40, 141—151.

²⁸ Walker J. A Catalogue of the arab-sassanian coins. Oxford, 1967.

²⁹ Frye R. N. Notes on the Early Coinage of Transoxiana. New York, 1949. The American Society. N 113; Idem. Additional Notes on the Coinage of Transoxiana//Armenian Numismatic Society. Museum Notes (New York). 4. 1950.

³⁰ Henning W. B. Sogdica, James Forlong, Fund. 21, London, 1940.

³¹ Gibb H. A. R. The Arab Conquests in Central Asia. London, 1923.

³² Daniel E. L. The Political and Social History of Khurasan under Abbasid Rule. 747—820. Minneapolis and Chicago, 1972.

³³ Cambridge History of Iran. Vol. V.

³⁴ Le Strange G. The Lands of Eastern Caliphate. Cambridge, 1905.

³⁵ Fasmer R. Numismatische Zeitschrift, 23. Berlin. 1923.

³⁶ Pritsak O. Die Karachaniden//Der Islam. Bd. 30. Berlin, 1952.

³⁷ Lowick N. M. Shaibanids Silver Coins//Numismatic Chronicle. Ser. 6, 7. London, 1986.

³⁸ Iwamura Shinobu. Chinese source materials referring to the revolt of Tarabi at Bukhara. 13. 1964.

³⁹ Pritsak O. Al-i Burhan//Der Islam. Bd. 30. Berlin, 1952.

⁴⁰ Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire//Central Asiatic Journal. 192/3—4. 1978.

⁴¹ Howorth H. H. History of the Mongols. London, 1880.

⁴² McChesney R. D. The Amirs of Muslim Central Asia in the XVII th Century//JESHO, 26/1. 1983; Idem. Economic and Social Aspects of the Public Architecture of Bukhara in the 1560's and 1570's//Islamic Art. 2. 1987.

Сравнительно большое количество работ посвящено бухарской школе миниатюры. Их перечень приведен в работе Барбары Шмитц⁴³.

Имеется множество публикаций — книг и статей, посвященных истории и культуре бухарских евреев. Они приведены в библиографии А. Илари⁴⁴ и М. Занда⁴⁵.

Определенный вклад внесли западные ученые в исследование монет Бухарского ханства. Монеты Бухары XVIII — начала XX в. приведены в ряде каталогов музеев⁴⁶ или опубликованы в отдельных статьях⁴⁷.

В целом, отнюдь не претендуя на всю полноту изложения, этот небольшой очерк тем не менее представляет собой первую в отечественной истории попытку обзора иностранной научной литературы о Бухаре, зарубежная историография которой в своей совокупности, а также по отдельным периодам и проблемам, безусловно, заслуживает специального глубокого анализа.

Э. В. Ртвеладзе

⁴³ Barbara Schmitz. The Bukharian School of Miniature paintings Bukhara//Encyclopaedia Iranica. Vol. IV. Fas. 5. London and New York, 1989. P. 527—530.

⁴⁴ Ya'ari A. Sipre yehude Bukhara Bibliography [...] imnabo (Books of Bukharian Jews. Bibliography with introduction). Jerusalem, 5702 Heb./1942 (Special repr. with Separate Pagination from the Journal Qiryā Saper. 18. 1941 and 1942).

⁴⁵ Zand M. Op. cit. P. 540—545.

⁴⁶ Erdmann. Numismatici musei Universitatis Caesareal Literarum Casanen-sis. Ps. I. Casani, 1834; Gerson da Cunha J. Ps. I. Bombay, 1888; Hoerrle. Catalogue of Central Asiatic Coins collected by captain A. T. Laessle in the Indian Museum//IRAS of Bengal. Calcutta, 1889.

⁴⁷ Weyl A. Verzeichnis von Münzen und Denkmünzen der Julius Fonrobertschen Sammlung. Berlin, 1878; Johnston J. M. C. Mohammadan Coins//Numismatic Chronicle. V. XIX. 1899. P. 265—268; Torrey Ch. Gold Coins of Kokhand and Bukhara//The Amer. Numism. Society. New York, 1950; Lane-Poole S. The Coinage of Bukhara (Transoxiana) in the British Museum, from the Time of Timur to the Present Day. Classes XXII, XXIII. London, 1882. XLVIII. 131 p. (Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. Vol. 7).

АХБОРОТ

БУХОРО ВА ХИВА ШАҲАРЛАРИНИНГ 2500 ЙИЛЛИГИ ЮБИЛЕЙИГА БАҒИШЛАНГАН ХАЛҚАРО СИМПОЗИУМ

Мустақил мамлакатимизда миллий қадриятларни тиклаш, бой тарихимизни, маданий меросимизни ўраниш, халқимиз маънавиятини юксалтириш борасида ибратли ишлар амалга оширилмоқда. Сўнгги йиллар ичида буюк бобокалонларимиз Амир Темур, Мирзо Улуғбек, Заҳриддин Муҳаммад Бобур, Баҳоуддин Нақшбанд каби тарихимиздаги энг ёрқин сиймоларининг таваллуд тўйлари халқро миқёсда нишонлангани бунинг яққол далилидир.

Қадимий шаҳарларимиз, ота-боболаримиз ақл-заковатининг боқий ҳайкаллари — Бухоро ва Хива шаҳарларининг 2500 йиллиги бағдамнинг нишонлангани ҳам ана шу эзгу ишларнинг манتيқий дўмони бўлиб, шу юртда яшаётган ҳар бир фуқарони, ёшларимизни бой маданий меросимизни қадрлашга, уни кўз қорачигидек авайлаб-асрашга, юрак-юракдан ифтихор қилишга, бой ўтмиш меросимиздан мадад ва ибрат олишга, буюк тарихимизни англашга, юртдошларимиз қалбида азиз ва гўзал Ватанимиз билан фахрланиш ва эзгулик туйғуларини ўйғотишга хизмат қилади.

Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг «Бухоро ва Хива шаҳарларининг 2500 йиллиги юбилейига тайёргарлик кўриш ва уни ўтказиш тўғрисида» 1996 йил 3 январдаги қарори чиқиши билан тайёргарлик ишлари бошланиб кетди. Қувонарлиси шундаки, бу байрам ЮНЕСКОнинг Париждаги Бош қароргоҳида шу йилнинг июнь ойида ўтказилган таъналарнинг манتيқий давомидир. Мазкур нүфузли халқро ташкилот қарорига кўра, у дунё миқёсида нишонланмоқда. Буларнинг бари юртимиз эришган истиқлол шарофати, қолаверса Ўзбекистонимизнинг жаҳон ҳамжамиятидаги юксак обрўидан далолатдир.

Ана шу жабҳадаги юксак савиядаги тadbирлардан бири, шу йилнинг 19—20 октябрь кунларида Бухоро ва Хива шаҳарларида «Инсониятнинг илмий ва маданий мероси — учинчи минг йилликка» номи остида Халқро Симпозиум ва унинг доирасида «Бухоро ва унинг жаҳон тарихидаги ўрни» мавзунда (Бухоро шаҳрида), «Хива ва унинг жаҳон тарихида тутган ўрни» мавзунда (Хива шаҳрида) халқро конференциялар бўлиб ўтди.

Мазкур Халқро Симпозиум ва унинг шўбалари ҳамда конференцияларда мингдан ортиқ тарихчи, археолог, манбашунос олимлар, файласуфлар, маданият хо-